

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская речь

1987 МАРТ · АПРЕЛЬ

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

- 3 *Б. И. Матвеев.* В. И. Ленин о Герцене
8 *Е. Л. Лилеева.* Редкие слова в ленинских трудах
14 *М. Ф. Мурьянов.* «Сим победиши»
19 *К. В. Наумов, В. И. Силина.* Речевые средства юмора в публицистике В. И. Ленина

ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ» — 70 ЛЕТ

- 25 *Н. И. Целищева.* В каждом слове — времени печать

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 175-летию со дня рождения

- 30 *Э. Г. Бабаев.* А. И. Герцен и «метафизический язык»
36 *В. И. Порудоминский.* Лев Толстой и Владимир Даль
46 *Н. А. Николкина.* Сказка о детстве. (Поэтика повести М. М. Пришвина «Курьмушка»)

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 51 *И. Н. Горелов.* Фразы, фразы...
56 Из Нормативно-стилистического словаря русского языка

ОТВЕЧАЕТ СЛУЖБА ЯЗЫКА

- 59 *Г. И. Миськевич.* Мораторий
63 *Л. К. Чельцова.* В отсутствие — в отсутствии

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- 66 *А. Г. Лыков.* Обратное словообразование

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

- 71 Алексей Федорович Ефремов (1887—1966)
75 Сергей Иванович Котков (1906—1986)

- СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ**
- 80 *О. А. Радутная*. Обратио...
- 83 *Л. И. Борох*. От лилейного цветка к лилейному челу
-
- РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ**
- 87 «Мы сильны одной могучей речью». (Беседа с академиком А. Т. Кайдаровым)
-
- РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**
- 94 *Л. А. Карташова, В. А. Макаренко*. Русский язык в Демократической Республике Мадагаскар
-
- ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ**
- 98 *Б. А. Рыбаков*. «Боричев увоз» в «Слове о полку Игореве»
-
- РУССКИЕ ГОВОРЫ**
- 105 *В. Е. Гольдин*. Из рассказов диалектолога
-
- ОНОМАСТИКА**
- 110 *В. А. Никонов*. Как Вас зовут?
-
- НА КАРТЕ РОДИНЫ**
- 114 *И. Г. Добродомов*. Ворскла
- 119 *В. А. Прохорова*. Почему город *Ядрии*
-
- ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА**
- 125 *В. Н. Вакуров*. «Зимних друг ночей»
-
- ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ**
- 132 *В. К. Галахов*. «Балалайка — егоза, рассказы про чудеса...»
- 136 *К. А. Чекалов*. Марионетка
- 140 *Л. И. Козырев*. Разбить наголову
За знакомой строкой
- 144 *В. Я. Звиняцковский*. «Киевский мещанин»
-
- ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»**
- 150 Слово, рожденное в Англии
-
- ХРОНИКА**
- 153 Встреча с читателями
- 157 Большой Картотеке — 100 лет
-
- На обложке рисунок Б. Захарова*

Рисунки портретов С. Жагина

В. И. Ленин о Герцене

Б. И. Матвеев,

доцент Академии общественных наук при ЦК КПСС

Среди работ В. И. Ленина, посвященных истории русской общественной мысли 40—60-х годов, статья «Памяти Герцена» занимает одно из главных мест. Она была опубликована 25 апреля (8 мая) 1912 года в нелегальной большевистской газете «Социал-Демократ», издававшейся в Париже на русском языке (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21, с. 255—262). Эта статья явилась большим вкладом в теоретическое вооружение революционных трудящихся масс. На примере Герцена В. И. Ленин призывал пролетариат учиться «великому значению революционной теории».

Статью отличают не только глубина и точность мысли, но и совершенство формы: стройность композиции, точность и необычайная выразительность языка.

Характеризуя Герцена-революционера, В. И. Ленин прибегает к приему нагнетания аргументов. Вскрыв причины духовного краха Герцена и отступления от демократизма, он на ряде неопровержимых фактов показывает сильные стороны издателя «Колокола», безбоязненно вставшего в 60-е годы на сторону революционной демократии против либерализма. Эти факты приводятся в статье в порядке возрастания их значимости: разрыв Герцена с либералом Кавелиным после его нападок на революционную агитацию, гневный протест против ареста Н. Г. Чернышевского, осуждение верноподданнических заверений Тургенева, солидарность с польским народом, отстаивавшим независимость своей родины, призыв к вооруженной борьбе против карателей. Все эти факты свидетельствуют о том, что Герцен «боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем» (с. 261).

Концовка статьи, проникнутая революционным оптимизмом, звучит как призыв к действию, лозунг: «Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял вели-

кое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*» (с. 262).

Предельно точен и выразителен язык статьи. В. И. Ленин дает своим противникам четкие классовые характеристики, обличает их социальное нутро, прикрытое лицемерием и крикливыми фразами. Выразительность стиля усиливают просторечные слова: «Поминает Герцена и правая печать, облыжно уверяя, что Герцен отрекся под конец жизни от революции» (с. 255). Устарелое и просторечное наречие *облыжно* означает «заведомо ложно, обманно». Оно очень верно характеризует лживость правой печати и одновременно усиливает экспрессивность предложения, которая повышается в результате включения просторечного слова в ряд, состоящий из книжной и общеупотребительной лексики. Ту же функцию выполняет просторечное *орава* в значении «беспорядочное, шумное сборище»: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все „образованное общество“ отвернулось от „Колокола“, Герцен не смутился» (с. 260).

Эффективным способом образного воздействия слова для В. И. Ленина служит эпитет. Ленинские эпитеты метки и выразительны. Они служат средством яркой, запоминающейся характеристики политических деятелей и философских течений. Оценивая социализм Герцена, В. И. Ленин пишет: «В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат» (с. 256). *Прекраснодушная фраза, доброе мечтание, тогдашняя революционность* — это точное определение сущности «социализма» Герцена и одновременно его оценка. Такое соединение рационального и эмоционального вообще чрезвычайно характерно для стиля В. И. Ленина.

В качестве эпитетов часто выступают прилагательные — синонимы. О социальном происхождении издателя «Колокола» читаем: «Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века» (с. 255). В значении прилагательных *дворянский* и *помещичий* в данном контексте нет существенной разницы, и, казалось бы, можно было без особого ущерба для смысла предложения ограничиться только первым. Однако поставленные рядом, эти слова приобретают особую выразительность.

Ленин часто употребляет в одном предложении от четырех и более синонимов, которые, перечисляя разные свойства явлений, одновременно усиливают эмоциональность речи: «...скептицизм

есть форма перехода от демократии к либерализму, — к тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстанавливал разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и который *проклинал*, не умея понять его классовой природы, Герцен» (с. 257). В данном случае синонимы расположены по степени усиления признака, градации, причем каждый из них совершенно необходим, ибо привносит дополнительную характеристику российского либерализма: *холуйский, подлый, грязный, зверский*. Параллельно с эпитетами либерализм характеризуют глаголы: *расстреливал рабочих, восстанавливал разрушенные троны, рукоплескала Наполеону III*.

В статье прекрасно использована изобразительная сила глагола, в частности для характеристики развития Герцена — мыслителя и революционера: «Восстание декабристов разбудило и „очистило“ его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя „алгебру революции“. Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом... Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» (с. 256). Глаголы и глагольно-именные словосочетания точно изображают значение Герцена в развитии русской философской мысли: *встал в уровень, пошел дальше, вплотную подошел к диалектическому материализму, остановился перед историческим материализмом*. В одном и том же предложении повторяется глагол в разных формах: «Не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм домарковского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции» (с. 257).

Одним из средств эмоциональной выразительности у В. И. Ленина служат антонимы, которые усиливают политическое звучание фраз, делают речь живописной и образной. Сопоставляя период дворянской революционности с революционно-демократическим, он пишет: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа»; «Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом» (с. 261). Обращает на себя внимание симметричное построение предложений, сопоставленность в них антонимов: *узкий — широкий, далекий — близкий*.

Герцен называл революционеров-разночипцев «молодыми штурманами будущей бури». В. И. Ленин развивает метафору Герцена, наполняя ее новым содержанием: «Буря, это движение — самих

масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах» (с. 261). Сравнение революции с бурей — одна из излюбленных метафор Ленина, берущая свое начало от декабристов, Герцена, революционных демократов — Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Некрасова.

Как и лексика, синтаксис статьи всецело подчинен задаче четкого, ясного и эмоционального изложения материала. Чередование сложных и простых предложений сообщают тексту динамичность и своеобразный ритм. С помощью сложных предложений В. И. Ленин раскрывает причину духовного краха Герцена, сущность его «социализма», значение в истории революционного движения России и другие проблемы, требующие диалектического подхода: «Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела» (с. 256). Простые предложения выносятся, как правило, в начало или конец абзаца, то есть несут особую смысловую нагрузку. Они звучат как выводы, афоризмы: «Страшно далеки они от народа»; «Декабристы разбудили Герцена» и др. В заключительной, итоговой части статьи преобладают короткие предложения.

В целях доходчивости изложения В. И. Ленин употребляет уточняющие конструкции, вставные предложения, графические выделения: «В настоящее время словопрения насчет „социальности“ права на землю и т. п. служат только к *затемнению* и прикрытию действительно важного и серьезного исторического вопроса: о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о „соглашательской“ (монархической) и республиканской тенденции в этой революции» (с. 258).

Повторы у Ленина играют сложную и многообразную роль подчеркивания мысли, усиления экспрессии. «Но все же таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал „*собирать полки*“ пролетариата, объединять „*мир рабочий*“, „покидающий мир пользующихся без работы“!» — здесь повторяется слово *Интернационал* (с. 257).

Для повышения эмоциональных качеств речи В. И. Ленин часто прибегает к анафоре, то есть единоначатию. Так, пять абзацев, характеризующих Герцена-революционера, начинаются с союза *когда*, что не только ритмически организует текст, но и придает ему экспрессию (с. 259—260). В заключительном абзаце статьи также звучит анафора, подчеркивающая роль Герцена в развитии революционного движения в России: «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории;— учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посеяв от жатвы;— учится определению роли разных классов в русской и международной революции» (с. 261—262).

В. И. Ленин прекрасно знал произведения А. И. Герцена. В библиотеке В. И. Ленина в Кремле стоит собрание сочинений Герцена, а в семейном альбоме хранится и фотография Герцена. Эта глубокая любовь к великому демократу видна в каждой строке, в каждом слове статьи «Памяти Герцена», являющейся блестящим образцом ленинской публицистики.

Редкие слова в ленинских трудах

Е. Л. Лилеева,
кандидат филологических наук

Творческое наследие В. И. Ленина — важный этап в истории развития общелитературного русского национального языка. Поэтому создание в Институте русского языка АН СССР Картотеки Словаря В. И. Ленина и на ее основе алфавитно-частотного Словоуказателя к Полному собранию сочинений имеет большое значение как для лингвистической Ленинианы, так и для отечественной лексикографии и русистики в целом.

Словоуказатель отражает весь лексический состав языка произведений В. И. Ленина (свыше 37 500 слов). Слова в нем расположены по алфавиту, каждое из них имеет индекс абсолютной частоты, показывающий, сколько раз данное слово встретилось в текстах В. И. Ленина, а также указания на том и страницу, то есть дан своеобразный «адрес» слова. Известно, что в любом произведении, у любого автора слова употребляются с разной частотой. Предварительный количественный анализ Словоуказателя дает возможность разделить ленинский лексикон на три частотные зоны: высокочастотные слова — свыше 500 употреблений (854 слова); среднечастотные — от 6 до 500 употреблений (1573 слова); низкочастотные — от 1 до 5 (20 775 слов).

Лексическое богатство языка В. И. Ленина в значительной мере определяют низкочастотные слова, они составляют 55,6 процента от всего словника. Среди них 11 762 слова употреблены по одному разу и 4 230 — по два. Таким образом, редкие слова, то есть слова, употребляющиеся один-два раза, составляют существенную часть ленинского Словаря — 42,5 процента от общего числа слов.

Примерно такое же соотношение редких слов и всего объема словника наблюдается и у других писателей. Так, в «Словаре языка Пушкина» 62 процента всех лексических единиц зафиксированы один-два раза; в «Частотном словаре романа Л. Н. Толстого „Война и мир“» (Тула, 1978) слова с данной частотой составляют 54,5 процента (всего в романе 19 519 слов, а слов с частотой один-два — 10 630). Именно количество редких слов является одним из параметров, отражающих лексическое богатство не толь-

ко любого крупного писателя, публициста, но и русского языка вообще.

Сопоставление Словоуказателя к Полному собранию сочинений В. И. Ленина с толковыми словарями русского языка позволило выделить те редкие слова, которые в них отсутствуют. Таких слов свыше четырех тысяч, и они представляют особый интерес для разработки проблемы словарного состава языка. Если их квалифицировать по грамматическому признаку, то самую многочисленную группу составляют существительные и прилагательные, значительно меньше глаголов и наречий. В результате нашего сопоставления выявлено 185 глаголов и глагольных форм, не зафиксированных толковыми словарями современного русского языка. Анализ этих глаголов и является предметом исследования данной статьи. Почему именно глаголов?

Во-первых, данный пласт глагольной лексики почти не затрагивается в исследованиях по языку В. И. Ленина и в работах по лексике конца XIX — начала XX века. Во-вторых, известно, что язык слабо пополняется новыми глаголами, поэтому они интересны и для лингвистов, и для читателей. По подсчетам исследователей (см.: Новые слова и словари новых слов. Л., 1983, с. 94), в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова из общего количества новообразований советской эпохи на долю новых глаголов приходится 4,7 процента, причастий — 2,9. Словарь-справочник «Новые слова и значения» (М., 1971) фиксирует 170 глаголов на 3500 единиц, в кандидатской диссертации Л. И. Джоглидзе «Новые слова и значения в современном русском языке» (на материале газеты «Правда» за 1971—1975 гг.) на 4000 новых слов — около 30 глаголов:

Анализ выявленных редких глаголов показывает, что в языке В. И. Ленина большая часть их создана по активно действующим в тот период словообразовательным моделям: это регулярные образования, свойственные языку в целом. Именно поэтому отдельные из них есть в двухтомном «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова (М., 1985), где максимально представлены различные глаголы: *бешенствовать, задокументировать, недовершить, отторговать, полуспать, пороскошествовать, расассигновывать, разбронировать, разглагольствоваться, разгруппировать, разгруппироваться, споспешествовать, редактировать*; причастия: *анархистствующий, меньшевистствующий* и др.

Многочисленную группу в языке произведений В. И. Ленина составляют глаголы с суффиксами *-ировать, -изировать*, образованные от иностранных слов: *аффилировать* и вариант *аффильировать, аффильироваться* «присоединять, присоединить, получить

право представительства, присоединяться» (от франц. *affilier* — присоединять: «ОК (ликвидаторское руководящее учреждение) аффилирован, т. е. получил право представительства в Бюро» (Полн. собр. соч. Т. 24, с. 189); *будировать*: «...некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово „будировать“ в смысле возбуждать, тормозить, будить. Но французское слово „bouder“ (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле „сердиться“, „дуться“» (т. 40, с. 49); *эксцитировать* «возбуждать, возбудить» (от лат. *excitare* — возбуждать): «Новоискровцы также искусственно хотят „эксцитировать“, возбудить народ к восстанию, — идея, фальшивая в своей основе» (т. 11, с. 364); *энервировать* «расслаблять» (от лат. *enervation* — расслабление): «Но давать себя запугивать или энервировать „лазаретными“ сценами — вещь совсем непростительная. Волков бояться — в лес не ходить» (т. 23, с. 53); *этизировать* «наделять кого-что-либо нравственно-этическими качествами» (от лат. *ethica* — обычай, характер): «Этизируют капитализм: в наблюдательный совет назначают членов от земств!! (община, округ и т. п.)» (т. 28, с. 155).

Продуктивны в языке В. И. Ленина приставочные образования от глаголов с суффиксами *-ировать*, *-изировать*, что свидетельствовало об их активном вхождении в систему русского языка. Большая часть глаголов, образованных с помощью этих суффиксов, в словарях есть. С грамматической точки зрения это двувидовые или одновидовые глаголы. Для языка В. И. Ленина характерно приставочное образование специфических форм совершенного вида: *нанационализировать*, *накооптировать*, *наэкспроприировать*, *отманеврировать*, *прототировать*, *сбойкотировать*, *спрогрессировать*, *средактировать*, *уконтролировать*. Среди них есть и стилистически нейтральные, такие, как *сконтролировать*: «Следовательно, для партии есть полная возможность все, что надо, контролировать и решить» (т. 42, с. 120), и экспрессивно окрашенные — *спрогрессировать*: «Неужели и Мартов спрогрессировал уже до Череванина?» (т. 14, с. 54).

Ю. С. Сорокин в книге «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века» (М.—Л., 1965, с. 296) подчеркивает, что образование приставочных глаголов является единственным признаком их акклиматизации на русской почве.

Значительную группу составляют отыменные глаголы на *-ствовать* и *-(н)ичать*. Они обозначают действия, осуждаемые в социально-политическом отношении, поэтому большинство из них передают ленинскую иронию, сарказм: *волокиitchать* — «...как

учить торговать и не волокитничать наши бюрократ-„торги“ (в том числе Наркомвнешторг, Мосторг, Петроторг и т. п. и т. д.)» (т. 44, с. 425); *демагогствовать* — «С бюрократизмом мы будем бороться долгие годы, и, кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует, потому что для того, чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер, нужна поголовная грамотность, поголовная культурность, поголовное участие в Рабоче-Крестьянской инспекции» (т. 42, с. 260); *краснобайствовать* — «Слова „Освобождения“ коренным образом расходятся с делами освобожденцев. Писатели „Освобождения“ краснобайствуют против полиции, а дельцы обдeldывают дела с полицией полюбовпо» (т. 11, с. 276); *примиренствовать* и *примиренчествовать* — «...те большевики, которые вопреки повторным и решительным настояниям „Пролетария“ не рвут с отзовистами, не ведут беспощадной борьбы с ними, а пытаются примиренствовать... (т. 19, с. 155), «Кажется, остались „объединенцы“ и в Питере, хотя очень слабы... „Макар“, говорят, в Москве и тоже примиренчествоует. Примиренчество и объединенчество есть вреднейшая вещь для рабочей партии в России, не только идиотизм, но и *гибель* партии» (т. 49, с. 300). Другие суффиксальные образования единичны: *буферить* — «Можно ли себе представить более чудовищное ослепление, чем это ослепление людей, желающих „буферить“ и *закрывающих глаза на этакий* „уклон к крушению“?» (т. 42, с. 265—266), *литературировать* — «Финн литературит» (т. 46, с. 143).

Среди суффиксальных редких глаголов много таких, которые являются словообразовательными вариантами. Словари чаще фиксируют один из вариантов, закрепившихся в языке как норма, а в языке Ленина вариативность гораздо шире. Так, в 17-томном Словаре к *аннексироваться*, *иезуитствовать*, *клеветать*, *утилизировать*, *районировать*, *скристаллизоваться* нет вариантов, а в языке В. И. Ленина есть *аннектироваться*, *иезуитничать*, *клеветничать*, *утилизовать*, *районизировать*, *скристаллизироваться*.

Многочисленная группа глаголов в ленинских работах образована с помощью различных приставок, особенно много с *архи-*: *архивозмутить*, *архивыиграть*, *архинтересоваться*, *архирадовать*; *пере-*: *перезавалить*, *перезаседать*, *переобидеть*, *перехозяйствовать*; *по-*: *повыправить*, *понаблести*, *пообсудить*, *пополемизировать*, *пофордыбачиться*, *похорохориться*; *на-*: *наэкспроприировать*, *наконфисковать*, *накооптировать* и др.

Все глаголы с приставкой *архи-* являются окказиональными, образованными по случаю, так как в значении «высшая степень какого-либо качества, состояния, признака» *архи-* может соединяться, как правило, с прилагательными, качественными наречиями

ми, но не с глаголами. Степень интенсивности действия — «очень», «значительно» — передают и глаголы с приставкой *пере-*.

Можно выделить группу сложных приставочных глаголов: 1) с первым компонентом *полу-* в значении «не полностью, не до конца, наполовину совершать действие, названное основным глаголом»: *полуобещать, полуобрядить, полупобедить, полусаботировать, полусочувствовать, полусуществовать*; 2) с основой местоименного прилагательного *сам-* — «самопроизвольно или самостоятельно совершать действие»: *самоооружаться, самоликвидироваться* и окказиональное слово *самооплевывающийся*.

В ряду глагольной лексики выделяется обширная группа слов, по форме совпадающих с причастиями. Они образованы в основном от существительных со значением лица, обозначающих принадлежность к той или иной партии, какому-либо политическому направлению, классу, реже от других существительных: *большевистствующий, кадетствующий, кулачествующий, народничествующий* и др. В языке В. И. Ленина, и вообще в языке, причастия на *-ствующий* появляются иногда раньше соответствующих глаголов. На основе подобного типа причастных форм образуются сложные слова, что доказывает их лексическую самостоятельность. Все они пополняют пласт эмоционально-оценочной и экспрессивно окрашенной лексики, поэтому в тексте часто употребляются в одном ряду с другими оценочными словами. Например: «Зачем для читателя набрасывать демократический флер вместо *ясного* различия *мещан* (хрупких, жалостно шатких, усталых, отчаявшихся, самосозерцающих, богосозерцающих, богостроительских, богопотакающих, самооплевывающихся, *бестолково-анархистичных* — чудесное слово!!! и прочая и прочая) — и *пролетариев* (умеющих быть бодрыми не на словах, умеющих различать „науку и общественность“ *буржуазии* от своей, демократию *буржуазную* от пролетарской)?» (т. 48, с. 228) — здесь сложные слова *самосозерцающих, богопотакающих, самооплевывающихся* и др. стоят рядом с такими словами, как *хрупких, жалостно шатких, бестолково-анархистичных*.

Только в форме страдательных причастий употреблены слова *блазированный* и *антиквирован*: «Блазированным интеллигентам это кажется слишком „устарелым“, *слишком скучным*» (т. 15, с. 185); «Теперь эта точка зрения *антиквирована*...» (т. 46, с. 359). Слово *блазированный* образовано, по-видимому, от французского *blase* в одном из его значений — «пресыщенный, скептический»; слово *антиквирован* (устар.) — от слова *антиквар*.

В данной статье не рассматривается вопрос об индивидуально-ленинских глаголах, так как лексический состав художествен-

ных и публицистических произведений XIX — начала XX века не учтен полностью, поэтому нет достаточного фона для сравнения, для выявления глаголов, созданных лично В. И. Лениным. Например, В. И. Ленину ошибочно приписывали глаголы *корнилиться* и *кериться* (от фамилий Корнилов и Керенский), но они вошли в ленинский язык из произведений Д. Бедного (см. «Страдания следователя по корниловскому (только ли?) делу») и поэтому употреблены в кавычках: «Государство есть орган господства *класса*. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-„керенская“ государственность, от которой рабочему народу в России „корнилятся и керится“ вот уже больше полугода» (т. 34, с. 306).

Заканчивая обзор редких глаголов в языке В. И. Ленина, нужно подчеркнуть, что не все из них должны входить в общие филологические словари. Однако многие регулярные образования, например на *-ствовать*, *-ничать*, с приставками *пере-*, *недо-*, *не-*, *за-*, *полу-*, глаголы, образованные от иноязычных слов, могли бы пополнить словники общих словарей. Впрочем, данная сложная проблема может быть окончательно решена составителями словарей современного русского языка после глубокого и тщательного анализа списка редких слов в языке В. И. Ленина, который поступит в их распоряжение с выходом в свет алфавитно-частотного Словоуказателя к Полному собранию сочинений В. И. Ленина.

Создание специального словаря-справочника редких слов в произведениях писателей XIX века рассматривается в работах, посвященных словарному составу русского языка, как насущная задача нашей лексикографии. Ленинская картотека должна занять свое место в кругу источников этого словаря, а редкие слова — войти в его словник, так как В. И. Ленин не только величайший политик и государственный деятель, но и мастер слова, в произведениях которого нашли отражение языковая культура, языковое сознание и языковое богатство русского народа.

«Сим победиши»

М. Ф. Мурьянов,
кандидат филологических наук

Русский язык един — в том смысле, что говорящие и пишущие по-русски без особого труда понимают тексты, написанные и сто, и двести лет тому назад, а литературное воспитание каждого школьника включает в себя изучение восьмисотлетнего «Слова о полку Игореве».

Русский язык разнообразен — в том смысле, что во времени он все же изменяется, хотя и медленно; для писателей небольшое вкрапление из устаревших слов или грамматических форм в повествование является сильнодействующим художественным приемом, меняющим стилистическую окраску целого. В территориальном отношении язык тоже имеет некоторые местные особенности, составляющие радость ученых-диалектологов, наезжающих в глухие деревни целыми экспедициями. Социально язык тоже не вполне однороден: нетрудно различить речь крестьян, горожан разных уровней образования, речь профессиональных словесников.

Как говорит тот или иной человек — это во многих случаях является его частным делом, интересующим лишь его ближайшее окружение. Но есть личности, находящиеся на виду у общества, к особенностям их языка прислушиваются тысячи и тысячи.

На каком языке разговаривать с народом крупному государственному деятелю или полководцу? Этот вопрос вставал всегда, а с наибольшей остротой — в революционных ситуациях, когда живое слово, сказанное публично, должно было зажечь сердца миллионов людей.

Между языком Петра I и Емельяна Пугачева главнейшая разница не в том, что они принадлежали к разным поколениям, и не в том, что для Петра родным диалектом был московский, а для Пугачева — донской. Разделяет их язык прежде всего то, что в Петре говорил боярин, пусть впоследствии повернувший против своего сословия, сломавший его устои, а в Пугачеве говорил крестьянин, казак, безуспешно пытавшийся имитировать принадлежность к социальным верхам, а на самом деле понятия не имевший о том, как там, в этих самых верхам, говорят по-русски. Что Пугачев, выдававший себя за царя Петра III, был чело-

веком необразованным, удивляться не приходится. Но никакого регулярного образования не получил и Петр I, по той простой причине, что в России тогда не было светских школ, не было и представления о том, что возможна какая-то другая ученость, кроме церковной. Давний замысел Бориса Годунова создать в Москве первый университет был задушен московскими церковниками до своего осуществления. Своими обширными знаниями Петр I был обязан самому себе, своей железной воле, а не национальным культурным традициям. Это наложило отпечаток на язык Петра, хаотически испещренный множеством западных заимствований. Применялись они, впрочем, с умом: царь знал, что одно дело — разговаривать с мастером корабельной верфи, другое дело — держать речь перед войском, отправляющимся в бой.

Эпоха Просвещения, последовавший за нею XIX век изменили положение. Общегосударственная система светского образования, при всех ее недостатках, начала работать и пропустила через себя тех, чья деятельность составляла интеллектуальную жизнь России. На этой основе родилась и расцвела русская классическая литература, возникли такие совершенно новые на русской почве явления, как сценическая речь, судебное и думское красноречие, газетная и журнальная публицистика.

Все это было бы великолепно, если бы достигнутая действительно высокая культура была культурой для всех. Но подавляющее большинство русских оставалось к началу XX века или вообще неграмотным, или знало грамоту в объеме начальной народной школы, именовавшейся церковно-приходской; этому названию нельзя отказать в точности, характер приобретающихся здесь знаний как раз ему и соответствовал.

Как писал В. И. Ленин в 1913 году: «В России неграмотных 73%, не считая детей до 9-летнего возраста» (Полн. собр. соч., т. 22, с. 346); «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания,— такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России» (Полн. собр. соч., т. 23, с. 127). В самом деле, не являлись государственной тайной статистические данные, характеризовавшие уровень грамотности европейских армий перед первой мировой войной. У кого были кадры, пригодные для овладения военной техникой, а у кого — главным образом пушечное мясо, видно из следующей таблицы, показывающей количество неграмотных на 1000 рекрутов:

Страна	Год		
	1875	1894	1911
Германия	24	3,8	0,2
Франция	161	87	33
Италия	520	403	306
Россия	784	708	617

(Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Новый энциклопедический словарь, т. 14, СПб., 1913).

Большевизм, поднимая знамя борьбы за коренное переустройство общества, за социальную справедливость и равенство, оказался перед задачей создать свой собственный политический язык, несущий высшие идеи марксизма в темную массу подавляющего большинства народа, понятный этой массе. Что первые русские пропагандисты марксизма хорошо понимали, с какими людьми им придется иметь дело, говорит сам выбор слова *масса* и внимание, ему оказанное в большевистском лексиконе. Это ведь именно под влиянием большевиков произошло как бы облагораживающие слова.

На каком языке предстояло разговаривать с этой самой *массой*? Были горячие головы, убежденные, что-де революционерам вообще не пристало пользоваться унаследованным русским языком, что нужно будет после победы революции построить совершенно новый язык. Серьезные марксисты, и не будучи лингвистами, с самого начала видели нереальность, да и ненужность, более того — вредность этого пути.

Классическое решение задачи дал В. И. Ленин, ленинскому языку учились и продолжают учиться лидеры рабочего движения современности. В. И. Ленин, широко образованный человек, знавший много языков, умел находить слова в диалоге и с философами, и с рабочими, и с крестьянами, причем такие слова, которые говорят о нем как о ярчайшем публицисте, по богатству и пластичности языка находившемся на одном уровне с лучшими писателями — таков первый, предварительный итог работы над «Словарем языка В. И. Ленина», много лет ведущейся в Институте русского языка АН СССР.

После В. И. Ленина сменилось два поколения носителей русского языка, в обществе произошли большие изменения. Социализм сделал образование, в том числе высшее, общедоступным, само содержание понятия *образованность* сегодня имеет весьма мало общего с тем, что было в предреволюционной России. Этим

несколько меняется отношение между ленинским текстом и его читателем: то, что в момент написания представляло наибольшую трудность для восприятия и было попятно ничтожному меньшинству читающих В. И. Ленина — как, например, текст «Материализма и эмпириокритицизма», — сейчас плодотворно изучается в многомиллионной студенческой аудитории. А что в момент написания было самым доходчивым, рассчитанным на уровень подавляющего большинства темных народных масс — сегодня требует дополнительных пояснений даже для наиболее образованной части общества, поскольку все мы, в том числе и филологи, призванные комментировать тексты, имеем довольно смутное представление о содержании учебных планов церковно-приходской школы, если только вообще его имеем.

Поясним сказанное на одном примере.

В России разрывалась подготовка к революции 1905 года, ставшей генеральной репетицией Октября. По стране ширилось стачечное движение, царская власть отвечала крутыми расправами. 1 декабря 1902 года газета «Искра» напечатала на эту тему ленинскую статью «Новые события и старые вопросы», в которой открыто заявлялось о готовности рабочего класса идти «против политического и экономического рабства», идти на каторгу, на смерть — но не сдаваться. «Сим победиши — остается нам сказать по адресу тех, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать», — заканчивает В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 7, с. 64).

Какова роль завершающего высказывания в логике целого текста? Что оно могло означать? Ведь слова *остается нам сказать* могут подразумевать, что почти все уже сказано, осталось добавить какой-то штрих, не имеющий принципиального значения, даже необязательный. Как будто так ясно, что глаза существуют для того, чтобы видеть, а уши — чтобы слышать, а самое то, о чем *остается нам сказать* — «Сим победиши» производит впечатление странного, ничем не мотивированного архаизма («Так победим!», без архаизации, назвал свою пьесу об этом периоде нашей истории М. Шатров).

Но читатели подпольной «Искры» так не думали, а Ленин-публицист свою читательскую аудиторию чувствовал, мотивация архаизма находилась в ней самой. Единственным видом красноречия, который был ей более или менее хорошо известен, было красноречие церковное, что вполне соответствовало политике русского самодержавия. Эти пачатки знаний мертвого церковно-славянского языка, дарованные самодержавием темным народным массам, В. И. Ленин и повернул против самодержавия, да так повернул, что архаизм стал не каким-то добавочным, необя-

зательным штрихом, а высшей точкой, знаменем всего текста, всего номера «Искры».

Целью было вызвать в сознании читающих образ, связанный с поворотным пунктом всемирной истории — победой гонимой веры рабов над своими гонителями. Это произошло, по церковному преданию, в 312 году, когда на полуденном небе войску язычника Константина Великого, выступившему против Максентия, явилось знамение — ослепительно сияющий крест с греческой надписью *túto níka* «этим побеждай». Константин разгромил Максентия, новое вероучение восторжествовало, его оковы пали во всей Римской империи.

Предание вошло в церковные тексты, в том числе и гимны, оглашаемые по православному календарю 21 мая, в день Константина и Елены, по службе этого дня его и знали русские люди старой формации. В. И. Ленин процитировал легендарную надпись не по греческому оригиналу, не по ее точному переводу в церковнославянской службе (*симь побѣжи* — в старшем списке Минеи XII века, который находится в Государственном историческом музее в Москве, Синодальное собрание, № 166, л. 125об — 126). Он взял древнерусскую глагольную форму простого будущего времени, сообразуясь с латинским переводом — *in hoc signo vinces* «под этим знаком победишь», который издавна принадлежал к крылатым словам и применялся как девиз.

И еще один раз ленинское перо вывело слова *сим победиши*, но в совершенно изменившихся условиях. Октябрьская революция совершилась, исторический декрет об отделении церкви от государства был проведен в жизнь. 17—25 мая 1921 года проходил IV Всероссийский съезд профсоюзов, и В. И. Ленин, набрасывая план речи на этом съезде, наиболее подробно развернул тезис об искоренении бюрократизма и разгильдяйства. Непосредственно за этим последовал тезис завершающий, лаконичный: «Сим победиши» (Полн. собр. соч., т. 43, с. 402). Он имел все шансы быть понятым правильно, во всем блеске ораторского остроумия, как девиз священной войны с самым страшным злом своего времени.

Речевые средства юмора в публицистике В. И. Ленина

К. В. Наумов,
доктор филологических наук,
В. И. Силина,
кандидат филологических наук

В очерке «В. И. Ленин» А. М. Горький писал: «Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться.

— Ох, да вы — юморист! — говорил он сквозь смех. — Вот не предполагал. Черт знает как смешно...

И, стирая слезы смеха, он уже серьезно, с хорошей, мягкой улыбкой сказал: — Это — хорошо, что вы можете относиться к неудачам юмористически. Юмор — прекрасное, здоровое качество. Я очень понимаю юмор, но не владею им. А смешного в жизни, пожалуй, не меньше, чем печального, право, не меньше» (Горький А. М. В. И. Ленин. М., 1985, с. 13—14).

Обращают на себя внимание слова В. И. Ленина, что он не владеет юмором. На самом деле он им блестяще владел. «Он любил смешное, — писал в том же очерке А. М. Горький, — и смеялся всем телом, действительно „заливался“ смехом, иногда до слез. Краткому, характерному восклицанию „гм-гм“ он умел придавать бесконечную гамму оттенков, от язвительной иронии до осторожного сомнения, и часто в этом „гм-гм“ звучал острый юмор, доступный только человеку очень зоркому, хорошо знающему дьявольские нелепости жизни» (там же, с. 22).

Чувство юмора и остроумие, как форма его проявления, — свидетельство творчески одаренной личности, способной находить и раскрывать комизм объективной действительности. Представляет интерес в этом отношении следующее суждение: «Остроумие схватывает противоречие, высказывает его, приводит вещи в отношения друг к другу, заставляет „понятие светиться через противоречие“...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29, с. 128). Под-

линное остроумие стремится постигнуть противоречия самой жизни, обнаружить их, подчеркнуть и заострить. Многообразны языковые приемы создания шуток и остроу у В. И. Ленина.

Часто встречаются шутки в ленинских письмах к родным, а также близким по общему делу товарищам. Они создаются с использованием народной этимологии, просторечий, совмещением противоположных по смыслу высказываний, следующих друг за другом, емких по эмоциональности фонетических и морфологических средств, фразеологизмов. Такого рода шутка рассчитана на то, чтобы поддержать близких ему людей, влить в них оптимизм, помочь правильно оценить происходящее, избежать ошибок.

Вот, например, письмо «Рабочим Стодольской суконной фабрики в Клиппцах», написанное Лениным в ответ на приветствие рабочих в связи с присвоением фабрике его имени. Рабочие не ограничились приветственным адресом: они прислали подарок — отрез на костюм. «Дорогие товарищи! Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим» (т. 45, с. 272). Шутка построена на обыгрывании фразеологизма *по секрету всему свету*. Известно, что Владимир Ильич передавал подарки, которые присылали ему рабочие и крестьяне, в детские дома и нуждающимся товарищам. И чтобы не обидеть людей, искренне стремившихся сделать ему приятное, В. И. Ленин тактично, в мягкой форме просит пошире рассказать всем рабочим о «секретной просьбе».

Ленин хорошо понимал шутку во всех ее проявлениях: не претендующую на глубину содержания, но влияющую в людей бодрость, снимающую усталость, а особенно отмечал шутку, заключающую в себе познавательную ценность, меткий смысл. В «Докладе об Объединительном съезде РСДРП» Ленин привел слова одного из делегатов, который, обращаясь к меньшевикам, воскликнул: «Вы хотите сначала „съесть“ или „зарезать“ большевиков, а потом соединиться с нами!» И далее Ленин сказал: «Это была, конечно, шутка, и я менее всего склонен придирааться к „страшным словам“, вроде слова „съесть“, но шутка эта в рельефной форме выразила очень меткую оценку оригинальной политической ситуации» (т. 13, с. 9).

Характеризуя трудное положение крестьян после «освобождения», Ленин ссылается на горькую крестьянскую шутку: «Куренка некуда выпустить». Он замечает: «...эта горькая крестьянская правда, этот „юмор висельника“ лучше всяких длинных питат новествует о той особенности крестьянского землевладения, которая не поддается статистическому выражению» (т. 17, с. 66).

Шутка может в четкой форме, кратко, образно и убедительно передать и раскрыть существо дела и вместе с тем дать ему оценку. Но шутка заостряет факты и гиперболизирует их. Она легко воспринимается, нередко надолго запоминается. В ленинских работах немало примеров, когда шутка становилась оружием в классовой, политической, философской борьбе.

Одна из форм остроумной мысли у Ленина — сравнение по случайному или отдаленному признаку, которое возникает неожиданно, отличается необычностью. Сравняются не сравнимые на первый взгляд предметы или явления, но находится неявный признак, позволяющий провести сопоставление. В работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» говорится о трудностях, с которыми сталкиваются английские коммунисты во время избирательной кампании: «Если я выступаю, как коммунист, и заявляю, что приглашаю голосовать за Гендерсона против Ллойд Джорджа, меня наверное будут слушать. И я смогу популярно объяснить, не только почему Советы лучше парламента и диктатура пролетариата лучше диктатуры Черчилля (прикрываемой вывеской буржуазной „демократии“), но также и то, что я хотел бы поддержать Гендерсона своим голосованием точно так же, как веревка поддерживает повешенного...» (т. 41, с. 73).

Широко использует Ленин прием доведения мысли оппонента до абсурда. В этом случае высказанное противником суждение заостряется и «развивается», а это приводит к обнажению неправды, заключенной в утверждениях оппонента. В статье «Об обстоятельствах ухода из редакции „Искры“» приведены слова Плеханова о том, что В. И. Ленин будто бы предлагал ему «купить» свое молчание относительно раскола за соответствующий «эквивалент». В. И. Ленин «развивает» высказывание Плеханова: «Разговоры об уступке „за эквивалент“ и о „покупке“ заставляют только ожидать, что следующий раз Плеханов сообщит публике о приготовлении Лениным фальшивых кредиток для подобного рода покупок» (т. 8, с. 179).

Ленин часто обращается к этому приему в полемике с представителями враждебных марксизму партий и фракционных групп по важнейшим вопросам теории и практики революционного движения. Взяв положение идейного противника, он не выступает с прямым отрицанием, а стремится обнажить внутреннюю несостоятельность этого положения. Иногда сами противники, разумеется, помимо своей воли, попадали в смешное положение, доводя свои выводы до полной несообразности, до вопиющей нелепости. Ленин не упускал возможности выставить идеологов враждебных партий, допустивших оплошность, на всеобщее осмея-

ние. «Ну, вот и довели свои посылки до абсурда!» — восклицает он, цитируя эсеровских публицистов (т. 9, с. 195).

Прием доведения до абсурда Ленин употреблял и в спорах с товарищами, допускавшими серьезные ошибки. Так, на VIII съезде РКП(б) некоторые делегаты при обсуждении проекта партийной программы не поняли необходимости при определении задач на будущее исходить из достигнутого. В. И. Ленин опроверг их беспочвенное прожектерство и осудил отрыв от действительности. «Эти увлекающиеся товарищи не приняли во внимание, что в программе мы должны исходить из того, что есть. Один из этих товарищей, кажется Суница, который очень решительно критиковал программу, как убогую и т. д., один из этих увлекающихся товарищей сказал, что он не может согласиться, что должно быть то, что есть, а предлагает, что должно быть то, чего нет. (Смех.) Я думаю, что эта формулировка вопроса по своей явной неверности возбуждает смех законоп» (т. 38, с. 175).

Своеобразна в ленинских произведениях форма остроумной мысли, которая известна под названием «ложное усиление». Суть этого приема заключается в том, что заключительная часть высказывания по форме подтверждает начальную, а на самом деле является отрицанием ее. На IV Конгрессе Коммунистического Интернационала Ленин говорил, что для молодого Советского государства одной из задач первоочередной важности является стабилизация курса рубля. В результате гражданской войны произошло обесценивание денег. Это свидетельствовало о больших хозяйственных трудностях. Но гражданская война была завершена, первый год пэпа принес ощутимые результаты, вера в социализм была так сильна у Ленина, что он сумел с юмором рассказать делегатам Конгресса о финансовых затруднениях: «Прежде всего остановлюсь на нашей финансовой системе и знаменитом русском рубле. Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион. (Смех.) Это уже кое-что. Это — астрономическая цифра. Я уверен, что здесь не все знают даже, что эта цифра означает. (Общий смех.)» (т. 45, с. 283). Вторая часть высказывания — о большом количестве рублей — внешне подтверждает первую, но по существу уничтожает ее.

Одним из характерных средств юмора в ленинской публицистике является смещение различных стилей. В. В. Виноградов писал: «...многие слова или отдельные значения многих слов, преимущественно переносного или синонимического характера, ограничены в своих связях. Эти значения могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т. е. в узкой

сфере семантических отношений» (Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 176). Если слова, закрепленные в определенных языковых контекстах, перемещаются в новое словесное окружение, может возникнуть комический эффект. Он усиливается при скрещивании разностильных элементов. На этом принципе и основан прием смешения речевых стилей.

Известно, что слово *рассчитать* в одном из своих значений выступает как синоним к слову *уволить*. Говорят: *рассчитать сезонных рабочих*, то есть «уволить». Вот употребление этого слова в необычном контексте: «И революционное самоуправление не требует революционной армии там, где революция происходит по типу Норвегии: „рассчитали“ короля и произвели опрос парода» (т. 11, с. 205). Короля можно отстранить от власти, он может отречься от королевства, но тем, что его рассчитали, король низводится до уровня обычных людей. Смысл сочетания *рассчитали короля* необычен и остроумен. Здесь сталкиваются элементы публицистического и разговорного стилей.

Разновидностью этого приема является несоответствие стиля речи и ее содержания. В статье «Расхлябанная революция» речь идет, в частности, о блоке меньшевиков и эсеров, возникшем после Февральской революции. Излагая вопросы политики, В. И. Ленин пользуется необычной для этих вопросов лексикой: «Социал-блоковцы не верят друг другу: эсеры не верят меньшевикам и обратно... Трещит по всем швам единство даже внутри каждой отдельной из этих „дражайших половинок“: у эсеров их съезд 136 голосами против 134 „прокатил“ Керенского... У меньшевиков правое крыло переключалось в „День“, возглавляемое Потресовым, которого „ласкает взорами любви“ само „Единство...“» (т. 32, с. 382). Перед нами яркий словесный образ, юмористичность которого создается благодаря взаимодействию ряда выразительных языковых средств: шутливое *дражайшая половина*, строчка из мещанского романа *ласкает взорами любви*, просторечное *прокатил* (ср.: *прокатить на воронях*), *переключалось* вместо «перешло». Речевые средства перенесены из одной сферы в другую, применены к области политики.

В ряде случаев используется прием метафоризации и деме-тафоризации. Мы встречаемся с ним, например, в письме В. И. Ленина к М. Н. Покровскому по поводу издания книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». М. Н. Покровский дал согласие издательству «Парус» на устранение при печатании из ленинской работы критики Каутского. Сообщая об этом, он спросил Ленина, «не вздует» ли Владимир Ильич его за такое согласие. Слово *вздутъ* просторечное, означает «отколотить, избить»,

но употребляется и в переносном, метафорическом смысле. Ленин в ответной реплике вернул этому слову просторечное значение: «Вы „сочли возможным“ выкинуть критику Каутского из моей брошюры... Грустно! Ей-ей, грустно... Вы пишете «не взду-ете»?», т. е. я Вас за согласие выкинуть сию критику?? Увы, увы, мы живем в слишком цивилизованном веке, чтобы так просто решать дела...

Шутки в сторону, а грустно...» (т. 49, с. 344). На этом примере легко убедиться в образной природе остроты. Казалось бы, «деметафоризация» слова (возвращение ему основного значения) должна привести к утрате образности. На самом деле неожиданное сопоставление переносного и основного значения слова *взду-ть* восстанавливает потерянную образность и приводит к комическому эффекту.

В. И. Ленин нередко обращается к явлению антонимии, связанной со способностью слов употребляться в переносном значении. В ленинских работах антонимы выступают как одно из ярких средств экспрессивно-юмористического оживления речи, что одновременно усиливает и ее содержание. Остроту и выразительность антонимам придает их контекстуальный характер. Так, в «Речи на заседании Пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 28 февраля 1921 г.» он пишет: «Один из предыдущих ораторов говорил здесь о вреде изолированности (отделения) от империалистических стран. Но когда волк нападает на овцу, то овце говорить о том, чтобы не быть изолированной от волка, не приходится. (Смех и аплодисменты.) И если народы Востока до сих пор были только овечками перед империалистским волком, то Советская Россия первая показала, что, несмотря на ее неслыханную военную слабость, протянуть к ней когти и зубы не так-то легко» (т. 42, с. 353—354).

В анализируемом отрывке в употреблении слов *волк* и *овца* отмечается смысловая двуплановость, состоящая в проявлении прямого значения и переносного, где эти слова и вступают в антонимические отношения: *народы Востока до сих пор были только овечками перед империалистским волком*. Как видим, слова *волк* и *овечка* экспрессивно-целенаправленно обыгрываются В. И. Лениным.

Ленинский юмор ярко проявляется во взаимодействии речевых приемов и эмоционально-содержательного их наполнения. В зависимости от целей высказывания, эмоционального тона он бывал добродушным, дружеским, грустным, жестким, язвительным.

В каждом слове — времени печать

Н. И. Целищева

Февраль 1917 года. В истории российско-го государства еще нет Великого Октяб-

ря. Еще восемь месяцев до решительной схватки пролетариата с царизмом, с буржуазией. На фронтах первой мировой войны обескровлена Россия. В этих тяжелейших условиях военного времени и Февральской революции рабочий класс под руководством большевиков ведет отчаянную борьбу за мир, за хлеб, за свободу. Повсеместно возникают Советы рабочих и крестьянских депутатов, — органы не виданной ранее народной власти. Вместе с ленинской партией они возглавили стачки, митинги, демонстрации. 27 февраля (12 марта по новому стилю) состоялось первое заседание петроградского Совета. А назавтра уже вышел первый номер «Известий петроградского Совета рабочих депутатов».

...Остановимся на несколько минут перед этим историческим событием, перелистаем пожелтевшие от времени страницы со стершимися буквами... Вся газета — один листок размером в половину. Ее открывает призыв «К населению Петрограда и России»: «Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания. Терпеть дальше стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своем недовольстве. Его встретили залпами. Вместо хлеба царское правительство дало народу свинец...»

Вслушайтесь в голос газеты — никаких длиннот, никакой языковой приблизительности — статьи написаны с четкостью документов. В «Обращении к солдатам» стиль газеты приближается к военным приказам: «Товарищи солдаты! Настал важный и решительный момент действия. Нужно немедленно приступить к тому, чтобы кто еще не присоединился к народу, пошел с ним рука об руку.

Отступление невозможно! Или свобода или смерть! Не расходитесь по казармам! Не оставляйте города! Ждите листовки! Да здравствует вторая революция!»

Эта неотточность стиля, это житейское «рука об руку» в такой экспрессии, эта «вторая революция» (еще не знали, что

она будет названа Великой Октябрьской социалистической) — живое дыхание времени, полного борьбы, драматизма и величия. На второстепенное нет времени (да и места!), петроградский Совет торопится сказать народу через свою газету самое главное: «Долгожданное время, наконец, пришло. Великое дело Свободы близко к осуществлению».

А время уже предельно спрессовано, счет идет не на дни, а на часы. В тот же день 28 февраля выходит второй листок «Известий...» — «Прибавление к № 1», который сообщает: «К 4 часам ночи Исполнительный Комитет рабочих депутатов постановил: 1. Немедленно организовать районные комитеты. 2. Установить сборные пункты для вооруженных рабочих и войск».

Пульс революции бьется все учащеннее. Российская социал-демократическая рабочая партия обращается с Манифестом ко всем гражданам России: «Твердыни русского царизма пали. Благородствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло... По всей России берите в свои руки знамя свободы!...

Вперед! Возврата нет! Беспощадная борьба!»

В этой борьбе большевикам, Петроградскому Совету, пролетариату нужна помощь всего народа, и со страниц газеты несется клич: «Тов. Печатики! К работе!.. К верстакам, кассам, наборным машинам и печатным!». «Железнодорожники! Страна ждет от вас больше, чем исполнения долга — она ждет подвига».

Уверенная, что ее услышат, газета обращается к солдатам так, словно они рядом: «Доводится до сведения пулеметчиков, ... что квартира для полка отведена в казармах на Охте. Слышите, товарищи, туда!»

Уже со второго номера «Известия» выходят на четырех полосах, размером в современную районную газету. Теперь есть место не только для самых необходимых сообщений, но и для информации о том, что делается в революционной Москве, как проходило заседание в Таврическом Дворце, и даже для басни «Тофута мудрый», автором которой был Демьян Бедный, и для его эпиграммы: «За что? — рыдал сановный пленник. Пусть я — дурак, по — не изменник». Так поэт откликнулся на аресты членов царского правительства.

После первых набатных призывов газета уверенно обретает голос агитатора: ей нужно убедить массы, раскрыть перед ними чудовищное лицо самодержавия. И безымянные авторы (статьи, как правило, тогда не подписывались) широко используют сравнения, метафоры, гиперболы: «Правительство рухнуло в грязь!», «Старая власть запятнала себя, по ее вине пролились реки крови», «Мы протягиваем вам руку через горы братских трупов».

Политические симпатии несут яркую стилистическую и лексическую окраску: «Депутат Чхеидзе в горячей речи приветствовал нарождение свободной великой России (бурные рукоплескания)». А вот — о буржуазном ораторе на том же «непрерывном митинге» в Екатерининском зале: «Жидкие аплодисменты, заглушенные взрывом негодования...»

Первые дореволюционные номера «Известий» можно цитировать бесконечно — такое это живое, почти осязаемое отражение непостижимого времени, так непохоже это на спокойные застывшие строчки учебников истории, статей справочников и энциклопедий.

Сочно, полнокровно пульсирует в языке газеты революционная эпоха, ярко отражается российский дореволюционный быт. Наряду с новыми понятиями «совдепы», «исполком», «эсеры», звучат призывы «посильно жертвовать на нужды революции», проявлять уважение к «низшим чинам», сберегать от хулиганов имущество «государственное и обывателей» (это слово еще не обрело негативной окраски и означает жителей Петрограда).

2 марта «Известия» печатают «Отречение от престола», в котором кровавый самодержец Николай II лицемерно заявляет: «Признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть».

А вот как оцепила газета это вынужденное «признание» в басне Демьяна Бедного «Без места»: «Что Николай лишился места,/Мы знали все без манифеста./Но все ж, чтоб не было/неясности,/Предать необходимо гласности/Для «кандидатов» всех ответ,/Что «места» тоже больше нет».

Партия большевиков связывает низвержение царизма с открывшейся возможностью прекратить мировую бойню: «Нет больше главного устоя реакции и «жандарма Европы». Да будет тяжким гранитом земля на его могиле... Наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире» (Известия, 15 марта).

Известинцы по праву гордятся тем, что в дни Октябрьского вооруженного восстания редакция работала в Смольном — легендарном штабе революции. В номере 208 от 25 октября (7 ноября) 1917 года опубликовано написанное В. И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!» (ПСС, т. 35, с. 11—12).

Золотыми буквами вписана в историю газеты известинская Лениниана. Для Владимира Ильича газета была достоверным и надежным источником сведений о деятельности Петроградского Совета. Он читал ее ежедневно, в его работах — немало ссылок: «Сегодняшние «Известия» сообщают...», «Вчера в «Известиях»

были напечатаны цифровые данные. Я приведу главные...» (Ленин и «Известия». М., 1975, с. 10).

В феврале 1918 года, когда в разгаре гражданской войны от каждой публикации пахло порохом, В. И. Ленин пишет свою знаменитую статью «Социалистическое отечество в опасности!» и публикует ее в «Известиях» за подписью «Совет Народных Комиссаров» (ПСС, т. 35, с. 357—358).

В марте 1918 года Советское правительство переезжает в Москву. С 12 марта «Известия» выходит как орган ВЦИК и Моссовета. Ночью в поезде В. И. Ленин пишет статью «Главная задача наших дней», которая дважды — 12 и 14 марта — публикуется в «Известиях». В ней впервые перед народом Советской России было провозглашено требование «дисциплины и самодисциплины, укрепления везде и всюду организованности и порядка, деловитости, ...всеобщего учета и контроля» (ПСС, т. 36, с. 80).

Во время левоэсеровского мятежа В. И. Ленин ночью заехал в редакцию, беседовал с сотрудниками газеты, а утром, зная, что они всю ночь печатали эту беседу, прислал им корзину с хлебом и консервами (В. Китанин. «Известия». М., 1967, с. 4).

Авторами газеты были М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, М. В. Фрунзе, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, А. М. Коллонтай — блистательные имена ленинской когорты большевиков.

Своими мыслями делились с редакцией А. М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов. Владимир Маяковский шутливо признался:

В году
раз сто или двести я
хожу из «Известий» и в «Известия».

За эти годы менялись поколения известиенцев, но все они оставались верны ленинскому завету партийным публицистам — «писать историю современности» (ПСС, т. 9, с. 208). Страницы газеты — это этапы нашей истории. С особым волнением читаешь те, которые отражают ее переломные моменты.

...Вот они, последние номера перед тем, «самым длинным днем в году...». Мирные, совершенно обычные заголовки: «Завоевать высокий урожай», «Выборы народных судов», «Олимпиада юных физиков...» Корреспонденция из Львова сообщает, над чем работает Вада Василевская и другие писатели Западной Украины. Молодой Олег Писаржевский — будущий блестящий популяризатор науки, рассказывает о книгах советских ученых А. И. Опарина и К. А. Тимирязева, вышедших в издательстве Академии наук СССР и называет это «важной общественной работой изда-

тельства». Газетные полосы еще дышат миром, спокойствием будничных, привычных дел. Газета печаталась, как всегда, ночью. На ее первой странице дата: 22 июня 1941 года. Она выйдет только завтра. А завтра... уже была война.

Во вторник 24 июня «Известия» открыли летопись Великой Отечественной. Читать это сейчас спокойно невозможно, потому что у каждого из нас — стар ты или молод — своя негаснущая память о войне...

Всеволод Иванов принес в редакцию статью «Мое Отечество», В. И. Лебедев-Кумач — стихи «Вставай, страна огромная!», И. Эренбург — блистательный памфлет «Трусливый вояка Бенито Муссолини». Короткие, как военные донесения, тревожные сводки «От Советского Информбюро». Теперь-то благодаря огромной исторической и художественной литературе о войне во всей полноте раскрылось содержание этих коротких сводок. Теперь-то мы знаем, что происходило тогда на Западной Двине и в Бресте, на Волге, на Ладого и под Москвой.

В 60-е годы известицы в каждом номере радовали нас яркой публицистикой, глубоким проникновением во внутренний мир человека, стремлением отразить жизнь во всех ее диалектических противоречиях.

Читатели газеты помнят, наверное, что это по инициативе «Известий» была продолжена Горьковская традиция — создать своеобразную летопись одного дня планеты, которую делами своими писали и мы с вами. Так родилась книга «День мира».

И сейчас газета идет в авангарде борьбы за ускорение социально-экономического развития страны, за перестройку во всех сферах нашей жизни. Много и охотно пишут «Известия» о проблемах многонациональной советской литературы и культуры, о сохранении традиций, об истории нашего Отечества, о нашем великом русском языке. Мы помним прекрасные публикации о речевом этикете, разговор с читателями о нашем обращении друг к другу, который завершился интереснейшей подборкой всем «Как нас теперь называть?»

...Орден Трудового Красного Знамени, орден Ленина, орден Октябрьской революции — такими высокими наградами отмечена деятельность газеты. В год 70-летия Великого Октября все мы с особым трепетом обращаемся к прошлому, к нашим истокам, стараемся снова и снова постичь, как это было, с чего начинались мы. Страницы «Известий» — прекрасный в этом помощник, ибо в каждом номере газеты — отразилась в той или иной мере история революции, история страны, в каждом слове — времени печать.

К 175-летию со дня рождения

*А. И. Герцен
и „метафизический язык“*

Э. Г. Бабаев,
кандидат филологических наук

В истории русского литературного языка есть еще никем не написанная глава о творчестве великого русского писателя и мыслителя Александра Ивановича Герцена (1812—1870).

Размышляя о природе русской речи, А. И. Герцен пишет в «Былом и думах»: «Главный характер нашего языка состоит в чрезвычайной легости, с которой все выражается в нем — отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, «жизни мышья беготня», крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть» (Герцен А. И. Сочинения в 9 тт. Т. 5. М., 1956, с. 16.— В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием лишь тома и стр.).

В. Стражев, автор давней, но памятной статьи «Из наблюдений над стилем и языком Герцена», считал, что «такого русского языка» до Герцена не было ни у кого и что Герцен исходил прежде всего «из ощущения и оценки своего собственного языка» (А. И. Герцен. 1812—1870. Сб. ст. М., 1946, с. 53).

Но Герцен, говоря о русском языке, вспомнил Пушкина, у которого во всей чистоте и силе можно найти «внутренние лирические чувствования» и «крик негодования», «искрящуюся шалость» и «потрясающую страсть». Единственная цитата, которую приводит Герцен в этой характеристике русской речи, тоже взята из пушкинского стихотворения «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы».

Что касается «отвлеченных мыслей», это была именно та особая область языка, где развернулось дарование Герцена, когда он дебютировал в литературе рядом философских работ. Он произвел настоящую реформу в языке философии. Но эта реформа по своим истокам также связана с наследием Пушкина.

Пушкин как основоположник современного литературного языка сознавал, что литературный язык — это не только язык худо-

жественной литературы. В 1825 году он пишет в письме к П. А. Вяземскому: «Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться» (Пушкин-критик. М., 1950, с. 99). В том же письме Пушкин объясняет сущность «метафизического языка» как языка науки и философии, называя его «ясным и точным языком прозы», то есть «языком мыслей» (там же).

Проблема философского, «метафизического» языка не только и даже не столько в терминологическом, сколько именно в литературном отношении, волновала и П. А. Вяземского. «Если есть и должна быть поэзия звуков и красок,— говорил Вяземский,— то может быть и поэзия мысли» (Вяземский П. А. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1982, с. 265).

«Поэзия мысли», как полагал Вяземский, требует обновления языка на тех же путях, которые были найдены Пушкиным. Вяземский был воспитан в традициях просветительской философии и предпочитал говорить о «физике» там, где Пушкин уже отмечал влияние и потребности «метафизики». В своей «Записной книжке» Вяземский вспоминает Вольтера. «Не употребляйте никогда нового слова,— пишет Вяземский,— если нет в нем сих трех свойств: быть нужным, понятным и звучным. Новые понятия, особливо же в физике, требуют новых выражений. Но заместить слово обычное другим, имеющим только цену новизны, не значит язык обогащать, а портить» (Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1963, с. 30).

Переписка Пушкина с Вяземским свидетельствует о том, что проблема философского языка была признана и определена, именно как проблема, уже в 20-е годы, но тогда она не получила настоящего развития и разрешения. Пушкин связывал надежды с переводом романа Бенжамена Констан «Адольф». Над этим переводом трудился Вяземский. «Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка...» — писал Пушкин в 1830 году (Пушкин-критик. М., 1950, с. 226).

Перевод Вяземского вышел в свет в 1831 году. Книга была прочитана прежде всего как роман, как художественное произведение, и на язык философской и научной литературы, она, можно сказать, никакого влияния не оказала. К тому же русские метафизики 30-х годов от Вольтера уже перешли к Гегелю и энергично и замкнуто осваивали словарь новых отвлеченных понятий.

Новая волна метафизической прозы, возникшая в 30-е годы, не имела прямых связей с пушкинской литературной традицией. Ее проводниками были «цеховые» философы-дилетанты, далекие от современной русской художественной литературы. Ими создавался язык для просвещенных, претендовавший на особую роль показателя высокого профессионализма новых метафизиков.

Профессор Московского университета астроном Д. М. Перовщиков назвал этот язык «птичьим языком», которого нормальный человек разуместь не может. Чего стоила, например, такая фраза: «Конкресцирование абстрактных идей в сфере пластики представляет ту фазу самоощущения духа, в которой он, определяясь для себя, потенцируется из естественной имманентности в гармоническую сферу образного сознания в красоте» (т. 5, с. 16).

Трудно сказать, вычитал ли эту фразу Герцен в каком-либо сочинении времен своей молодости, написал ли ее сам когда-то, или сочинил ее как пародию. Но она является идеальной моделью того «птичьего языка», против которого он поднял бунт, когда пришла пора его философского дебюта.

Как мыслитель Герцен начинал с расчистки тяжелых завалов схоластического языка. И здесь ему пришлось столкнуться с давлением, которое оказывали на язык философской литературы начала XIX века цеховые ученые из числа последователей Гегеля. Но дело было даже не в них, а в том, что и сам Гегель, несмотря на «мощь и величие своего гения», «испытал панический страх просто выговориться в эпоху, выражавшуюся ломаным языком» (т. 2, с. 63). Может быть, наиболее точное определение этих явлений было дано Герценом в «Былом и думах», в рассказе о молодых, глубокомысленных «любомудрах», которые не замечали комичности многих своих слов и поступков. «Человек, который шел гулять в Сокольники, шел для того, чтоб отдаваться пантеистическому чувству своего единства с космосом; и если ему попадался по дороге какой-нибудь солдат под хмельком или баба, вступающая в разговор, философ не просто говорил с ними, но определял субстанцию народную в ее непосредственном и случайном явлении» (т. 5, с. 16—17).

Все это было очень наивно и смешно, но вполне в духе умозрительной философии, которая переименовывала все человеческие чувства, зашифровывала их до неузнаваемости. «Самая слеза, наворачивавшаяся на веках, была строго отнесена к своему порядку: к «гемюту» (душевному состоянию — от нем. Gemüt — Э. Б.) или к «трагическому в сердце»... (там же).

В первой половине 40-х годов в журнале «Отечественные записки» печатались две философские работы Герцена: «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», в которых он, по словам В. И. Ленина, «сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени» (В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1976, с. 192).

Когда пришла пора дебюта, Герцен восстал против «искусственного, тяжелого, схоластического языка», который выработался «в монастырях идеализма» (т. 5, с. 16). Переход от «птичьего языка» к человеческому Герцен трактовал как следствие перехода от идеализма к материализму. «Люди были удивлены, что наука говорила очень дельные вещи и очень простые на своем мудреном паречьи». По мнению Герцена, «Фейербах стал первый говорить человечественнее» (т. 5, с. 16).

Герцену предстояло выработать совершенно новое мировоззрение, основанное на сочетании материализма как системы с диалектическим методом, который до тех пор считался выдумкой идеализма и в котором он открыл «алгебру революции» (т. 5, с. 20).

Своеобразие Герцена-мыслителя заключалось именно в том, что он подошел к решению собственно философских задач как великий художник и начал с языка, то есть обратился именно к той проблеме, которую завещал Пушкин, когда говорил о трудностях «метафизического языка».

О чем бы ни писал Герцен, он всюду оставался замечательным писателем. «Это писатель, как писатель художественный,— говорил Л. Толстой о Герцене,— если не выше, то уж наверно равный нашим первым писателям» (Русские писатели о литературном труде. Сб. в четырех тт. Т. 3. Л., 1955, с. 478).

Именно Герцен первый стал писать о сложнейших вопросах философии «ясным и точным языком прозы». Но ему пришлось начинать с начала, с рассмотрения и анализа того, что такое «метафизический язык» вообще и каковы его настоящие современные формы.

«Первый шаг к освобождению науки есть сознание препятствий». Все дело в том, что современная философия «хочет иметь действительный голос в действительных областях жизни» (т. 2, с. 45, 44).

Герцен не отрицает важности и даже необходимости «технической части» философии, ее специальной терминологии, ее особых методов определения понятий, доступных лишь специалистам. «Всегда и вечно будет техническая часть отдельных отраслей науки, которая очень справедливо останется в руках специалистов» (т. 2, с. 63). Но это не мешает «науке в высшем смысле своем» сделаться «доступной людям», «и тогда только она может потребовать голоса во всех делах жизни». Он был глубоко убежден в том, что «нет мысли, которую нельзя было бы высказать просто и ясно, особенно в ее диалектическом развитии» (там же).

Языковая реформа Герцена вполне отвечала его диалектическим убеждениям.

Герцен рассуждал исторически. Он готов был признать естественность и даже необходимость цехового языка на определенной стадии развития философии, именно той стадии, когда «отвлеченная мысль осуществляется в цехе». Тогда она и вырабатывает особенный язык, понятный лишь узкому кругу цеховых ученых.

«Люди касты, столь полезные своей мысли при начальном развитии ее, теряют свое значение, застывают, останавливаются, не идут вперед, ревниво отталкивают новое, страшатся упустить руно свое, хотя для себя, за собою удержать мысль. Это невозможно» (т. 2, с. 44). Метафора («руно») как бы произвольно возникает, «взрывается» в рассуждениях Герцена. Это и было настоящим «конкресцированием абстрактных идей в сфере пластички». «Люди выходят из дому,— пишет Герцен,— чтоб возвратиться с новыми приобретениями; навсегда дом оставляют одни бродяги» (там же).

Если сделать «обратный перевод» на «птичий язык», то здесь речь идет о той форме «самоищущего духа, в которой он, определяясь для себя, потенцируется из естественной имманентности в гармоническую сферу образного сознания в красоте» (т. 5, с. 16).

Как все новое, вступающее в жизнь вовремя и с сознанием своего исторического предназначения, герценовская мысль полна душевной энергии, силы, проявляющейся и в ее языковом юморе.

Герцен мыслил как философ, а говорил и писал, как поэт. В разгар своих философских работ он не раз заглядывал в «Фауста» Гете. Он облюбовал в этой трагедии несколько сцен, которые поддерживали его в трудах по преобразованию языка философской науки.

Прежде всего это была сцена Мефистофеля со студентом из первой части «Фауста». Студент, приходящий к схоластике,

простодушно говорит: «Изображенное в тетради у вас, как в каменной ограде» (Гете. Собр. соч. в десяти тт. Т. 2, М., 1976, с. 70). Но Мефистофель не только пронизывает над студентом; он успевает сказать ему, по крайней мере, одну важную вещь: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо» (Гете. Указ. соч., с. 72).

Герцен находил, что все, сказанное в «Фаусте», имеет прямое отношение и к языку, и к самому существу философии как науки. «Рядом с испорченным языком шла другая ошибка, более глубокая. Молодые философы наши испортили себе не одни фразы, но и пониманье; отношение к жизни, к действительности сделалось школьное, книжное, это было то ученое пониманье простых вещей, над которым так гениально смеялся Гете в своем разговоре Мефистофеля с студентом» (т. 5, с. 16).

Реформа давалась Герцену не легко, потому что он должен был преодолеть схоластическую традицию не только у других, но и в самом себе.

Когда-то Вяземский сказал о Жуковском, что он «в бореньях с трудностью силач необычайный». Речь шла о трудностях перевода, то есть претворения понятий и образов чужого языка в стихию родной поэзии. Пушкин находил определение Вяземского точным применительно к Жуковскому и его работе над переводами. Эта формула точна и в применении к другим формам языкового повествования. Можно сказать и о Герцене как преобразователе языка современной ему философии, что он был «в бореньях с трудностью силач необычайный».

«Язык мыслей», созданный Герценом, как это и предполагал Пушкин, размышляя о формах «метафизического языка», оказался «ясным и точным языком прозы».

И вот почему Герцен с таким увлечением заговорил о «легости» русской речи. Именно о «легости», а не легкости, потому что «легкость» — это что-то совсем другое. «Легость» — неологизм Герцена, заключающий в себе трудноуловимый, но вполне понятный оттенок смысла, связанного с ощущением чистоты, ясности и высоты подъема («как здания и села с воздушного шара»).

В философских сочинениях вдруг зазвучали впервые с такой необычайной силой не только «лирические чувства» и «жизни мышья беготня», не только «крик негодования» и «искрящая шалость» или «потрясающая страсть», но и «отвлеченные мысли», словом, все то, что идет от Пушкина и что для нас теперь неразрывно связано с личностью самого Герцена, с его художественным и философским наследием.

Лев Толстой и Владимир Даль

В. И. Порудоминский

В записках Маковицкого находим едва ли не единственное свидетельство личного знакомства Льва Николаевича Толстого и Владимира Ивановича Даля. 14 мая 1908 года, через

три с половиной десятилетия после смерти Даля, его имя упоминается в беседе за обеденным столом на террасе яснополянского дома — «стоял за чистоту русского языка». Лев Николаевич отзывается: «Я его знал» (Маковицкий Д. П. Яснополянские записки, кн. 3. «Лит. наследство», т. 90. М., 1979, с. 87; дальше — Маковицкий).

Не будем гадать, когда происходили их встречи: предположения могут быть разные и притом вполне обоснованные. Но, без сомнения, с литературным творчеством своего старшего современника Толстой познакомился много раньше, нежели с ним лично: в 30-е, 40-е, даже в 50-е годы В. Даль, он же Казак Луганский, один из наиболее читаемых и почитаемых писателей. Повести и рассказы Даля печатались в самых известных журналах и никак не могли миновать Толстого. В этих же изданиях были помещены статьи Белинского и Тургенева, высоко ценивших многие сочинения Даля.

Первый, и так же едва ли не единственный, отзыв Льва Николаевича о прозе Даля содержится в дневниковой записи 4 декабря 1856 года: «Злился на Даля — нехорошо...» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 47, с. 103; дальше — только том и страница).

В 50-е годы слава Даля-беллетриста сильно померкла. В русской литературе работают Тургенев, Гончаров, Островский, Салтыков-Щедрин; и сама литература, и требования к ней, ожидания и надежды, с ней связанные, ушли далеко вперед. В декабре 1856 года на Даля злится автор «Детства», «Отрочества», «Юности», севастопольских рассказов, «Метели», «Двух гусар»; в те самые

дни, когда в руки Толстому попали Далевы творения, он держит корректуру рассказа «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный».

В дневниковой записи речь, видимо, о «Картинах из русского быта» Даля. только что напечатанных в осенних номерах «Современника». В ноябрьскую книжку 1856 года намечалась толстовская «Юность», но она появится лишь в следующем январе. С просьбой поскорее прислать повесть («от состава осенних месяцев зависит подписка») Папасев обращался к Толстому еще летом: «В Вас теперь — сила и власть. Поддерживайте же этою силою „Современник“» (Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. Т. II. М., 1978, с. 132). И в том же письме: «У меня в наличии только рассказы Даля». Тогда же Некрасов, заботясь о содержании журнала, писал Тургеневу: «„Современник“ получил новое подкрепление в Дале: вследствие моего письма он выслал 20 повестушек...» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. в 12 тт. Т. X. М., 1952, с. 286). Повестушки, как видим, Толстому не по душе. Примечательно — тотчас за словами о Дале в дневнике следует: «...читаю прелестную „Обыкновенную историю“» (47, 103).

Боборыкин вспоминает, как в те же 50-е годы встречался с Далем: «Мне даже странно казалось, что этот угрюмый, сухой старик... был тот самый «Казак Луганский», автор рассказов, которыми мы зачитывались когда-то» (Боборыкин П. Д. Воспоминания. Т. I. М., 1965, с. 123).

Но «хоронить» Даля рано. Впереди у него главные труды его жизни — «Толковый словарь живого великорусского языка» и «Пословицы русского народа».

В «Анне Карениной», рассказывая про живописца Михайлова, Толстой пишет, что его художественное чувство не переставая работало, собирая материал. Подробностей, конечно же, и автобиографическая: современники свидетельствуют о «неутолимом художественном аппетите» самого Льва Николаевича — он постоянно «высматривал пищу для творчества» (см. «Лит. наследство», т. 69, кн. 2. М., 1961, с. 38). Время, когда Толстой, быть может, и «зачитывался» произведениями Даля, давно миновало, но как «пища для творчества» они остались в памяти, переработаны, усвоены.

Запасы идут в дело в 60-е и начале 70-х годов, в пору работы над «Азбукой» и «Русскими книгами для чтения»: Даль — в числе авторов, у кого Толстой черпает сюжеты и материал для своей работы. Его привлекает множество достоверных наблюдений, которыми полнятся рассказы Даля — «г. Даль, добросовестный наблюдатель» (8, 341), связь многих рассказов с устным на-

родным творчеством, их припоровленность для народного чтения.

«Я хочу образования для народа», — определяет цель Толстой (62, 130). На пути к ней необходимо создать книги, содержащие сумму разнообразных знаний, несущие сильный нравственный заряд, к тому же близкие и понятные народу по мысли, образам, языку. Нужен «ряд хороших статей, написанных хорошим языком», говорит Толстой о своей «Азбуке», которую предназначает для «русских учеников всех возрастов и сословий» (61, 338).

Подобную задачу, еще прежде Толстого и, понятно, независимо от него, ставил перед собой Даль. В известных статьях о народной грамотности, которые не столь однозначны, какими виделись в пылу полемики в 50-х годах прошлого столетия (Толстой в споре на стороне Даля — см. 8, 341), Даль писал между прочим, что грамота должна распространяться в паре одновременно с умственным и нравственным образованием и что препятствием на этом пути становится отсутствие книг для грамотного простолудина.

Даль сам не раз брался «заготавливать» такие книги. Назовем «Солдатские досуги» — составленный еще в 30-е годы сборник коротких рассказов на разные темы, перемежаемых пословицами и загадками. Или подготовленные почти два десятилетия спустя схожие «Матросские досуги». Или «Два сорока бывальщинок для крестьян» и «Первую первинку полуграмотной внуке», книжку для детей, куда включены народные сказки, песни, игры, пословицы, — эти издания являются в свет уже в пору работы Толстого над «Азбукой», он внимательно их просматривает, кое-что берет для своего труда.

Даль убежден, что создание литературы для народного чтения — исключительно важное дело. На закате жизни он признается, что не раз готов был целиком посвятить себя этому великому делу. Такой взгляд роднит его с Толстым. Лев Николаевич также связывает с «Азбукой» «гордые мечты» о просвещении народа: «Написав эту Азбуку, мне можно будет спокойно умереть» (61, 269).

Толстой при этом убежден, что «единственные же книги, понятные для народа и по его вкусу, суть книги, писанные не для народа, а из народа, а именно: сказки, пословицы, сборники песен, легенд, стихов, загадок» (8, 60).

Работая над книгами, адресованными народу, Толстой, как известно, не ограничивается материалами устного народного творчества. Не ограничивается ими, решая подобную задачу, и Даль, хотя подвижническими трудами на поприще собирателя скопил громаднейшие их запасы, вошедшие впоследствии в «Тол-

ковый словарь» и сборник «Пословицы русского народа», а частью переданные другим собирателям (сказки и легенды — А. Н. Афанасьеву, песни — П. В. Киреевскому). Формула «из народа» означает для Толстого, а равно для Даля, прежде всего особую точность, силу, выразительность народного слова, которому должно оказывать предпочтение перед словом «литературным».

В «Нанутом слове» к «Толковому словарю» Даль писал, что с той поры, как себя помнит, его «тревожила и смущала несообразность письменного языка нашего с устной речью простого русского человека» (Даль В. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. X. СПб. — М., 1898, с. 246; дальше — том и страница). Эти слова — по существу предпосылка всей деятельности Даля. Он призывает всемерно приближать письменную речь к устной народной: «Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придаст языку стойкость, силу, ясность, целостность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи» (X, 243).

Целиком захваченный работой над «Азбукой», о той же «несообразности» языка литературы с языком народа, о желании творить литературу простым народным языком с задорным увлечением пишет и Толстой: надо «остановиться на моем месте и задуматься о том — не ложные ли приемы, не ложный ли язык тот, которым мы пишем и я писал...» И дальше: «...а язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, — мне мил... Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное — язык не позволит, а наш литературный язык без костей; так набалован, что хочешь мели — все похоже на литературу». И как вывод: «Люблю определенное, ясное и красивое и умеренное и все это нахожу в народной поэзии и языке и жизни...» (61, 277—278).

Но даже Даль с его чрезмерностью (хрестоматийный пример — спор с Жуковским: Даль доказывал, что речь уральца — «Казак седлал уторошь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в назерку...» — точнее, выразительнее общеприпятого — «Казак оседлал лошадь как можно поспешнее, взял товарища своего, у которого не было лошади, к себе на круп, и следовал за неприятелем, имея его всегда в виду...»), даже Даль, когда дело касалось его литературной работы, сознавал, что «языком грубым и необразованным писать нельзя, это доказали все, решившиеся на такую попытку, и в том числе, может быть, и сам составитель словаря» (X, 242) — о себе по обыкновению в третьем лице.

Рассказы и повести Даля перегружены народными речени-

ми, пословицами, поговорками, областными выражениями, нередко в ущерб художественности и вкусу. В старости, вспоминая «Первый пяток» некогда сочиненных им русских сказок — книгу, принесшую известность новому писателю Казаку Луганскому, Даль объясняет, что «не сказки по себе были ему важны, а русское слово», что «писатель задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком», что, наконец, вздумай он просто издать собрание русских сказок, то «написал бы их гораздо проще и незатейливее» (X, 556).

Думается, с годами Даль несколько изменил взгляд на свой первоначальный замысел, но и в самом деле, работая над книгами для народного чтения, он избегает цветастой речи первых сказок (о них и в заголовке «Первого пятка» — «поговорками ходячими разукрашенные»), ищет простой и незатейливый язык повествования. Это очевидно — достаточно сравнить слог и лексику Далевых сказок, даже рассказов и повестей, со слогом «Солдатских» или «Матросских досугов». Да и спор с Жуковским исполнен полемического задора: это Жуковскому он горячо доказывает, что *уторопь* лучше, чем *поспешнее*, а *забедры* точнее, чем *круп*; обращаясь к солдатам и матросам, он обходится без *назерки* — наоборот, в «Солдатских досугах» учит своих читателей (рассказ «Письмо»): «Старайся писать толком, ясно, без путаниц, чтобы сам понимал и другие понимали» (VI, 96). В конце жизни, размышляя над тем, какими должны быть произведения детской литературы, Даль писал: «ни приторности, ни докучливого умничанья, а между тем и просто и дельно» (ЦГАЛИ, ф. 179, оп. 1, ед. хр. 22).

«Работа над языком ужасная, — признается Толстой, трудясь над «Азбукой», — надо, чтоб все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно» (61, 283). «Образцом тех приемов и языка, которыми я нишу и буду писать для больших» (!), становится для Толстого сочиненный им в эту пору для детей рассказ «Кавказский пленник» (61, 278).

Б. М. Эйхенбаум писал о «Кавказском пленнике»: «Это вовсе не подражание фольклору, а этюд, художественная задача которого состоит в чистоте и простоте рисунка, в четкости линий, в ясности и элементарности сюжета» (Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1960, с. 83). Учениый идет здесь за самим писателем: Лев Николаевич видит достоинство статей своей «Азбуки» в «простоте и ясности рисунка и штриха, т. е. языка», сравнивает их с «рисунками карандашом без теней» (61, 274).

В «ужасной» работе над языком рассказов для «русских учеников всех возрастов и сословий» полно явила себя мощь толстов-

ского таланта. Сопоставление текстов Толстого и Даля с очевидностью показывает и общее направление поисков, и отличия в понимании простоты, дельности и красоты народного языка, и меру дарования каждого.

Из книги Даля «Два сорока бывальщинок для крестьян» (ч. I. СПб., 1862) Лев Николаевич взял было в «Азбуку» рассказ «Светлый праздник» — о бедном мужике, которому бродившие по земле под видом чумаков Христос и апостолы дали на растопку печи горячие уголья из костра, превратившиеся затем в золото. По каким-то причинам он не включил рассказ в книгу, но подготовил его к изданию. Рассказ не просто переделан — он переписан от первого до последнего слова. Объем его при этом сократился в три с половиной раза! Совершенно изменился слог — «приемы и язык» рассказа.

У Даля после двух вступительных, не имеющих прямого отношения к делу, абзацев читаем: «На этом селе жил бедняк, которому бог весть отчего не было счастья на хозяйство. Был он не гуляка и не пьяница, а добрый, работающий человек, да не было ему счастья ни в чем. Мало того, что пропала да перевелась вся скотина, что два раза погорел, — а тут еще и хозяйка померла, покинув ему полную хату детей; и остался он вдовцом, да еще и нищим...» и т. д. (цит. по изд.: СПб.-М., 1880, с. 23).

А вот как начинается рассказ Толстой: «В одной деревне был бедный мужик». И дальше: «У бедного мужика не было жены. Она умерла. А было двое маленьких детей» (21, 346).

Говоря о Далевых сказках, Белинский, как правило, даривший писателя хвалебными отзывами, именует его «балагуром». В «Толковом словаре» Даля находим: балагур — и шутник, весельчак, и вообще рассказчик, говорун. Даль и в самом деле пишет так, как советовал писать солдату, то есть тому же мужику — «вот как бы ты стал говорить с кем-нибудь» (VI, 96). Речь Даля, без сомнения, близка простой крестьянской беседе; может быть, по-своему, она в чем-то ближе к ней, чем скупой, «графический» язык Толстого, но балагурство неизбежно предполагает и многословие, и любование собственной речью (Далю не в укор: он любит тему, что полагает народной речью).

Толстой страшится копирования народного языка, страшится деланности, малейшей неточности; тут особая ответственность — миллионы простых людей, в отличие от господ из образованного круга, «читают, ставя всякое лыко в строку» (63, 307). «Искусство тем более общедоступно, чем оно проще, кратче и потому яснее передает чувство» (30, 349). Переписывая текст Даля, как и другие выбранные в «Азбуку» тексты, Толстой заботится о том, чтобы чи-

татель с наибольшей непосредственностью вбирал смысл и чувство рассказа, «не думая о том, что там есть» (61, 285), то есть не восприимчива того, как он «сделан».

Из трудов Даля особенно привлекают Толстого «Толковый словарь» и «Пословицы русского народа». В статье «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» Лев Николаевич замечал: «Давно уже чтение сборника пословиц Снегирева составляет для меня одно из любимых — не занятий, но наслаждений. На каждую пословицу мне представляются лица из народа и их столкновения в смысле пословицы. В числе неосуществимых мечтаний, мне всегда представлялся ряд не то повестей, не то картин, написанных на пословицы» (8, 302). Это сказано в 1862 году, том самом, когда после долгих цензурных мытарств сборник, составленный Далем, наконец увидел свет. С этих пор изучение «Пословиц русского народа» также стало одним из любимых занятий («наслаждений») Толстого.

Осознание и (именно так) ощущение Далем пословицы очень близко толстовскому — и для него здесь лица из народа, мысль, чувство, жизнь народная: «Сборник же пословиц — свод народной опытной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселие, горе и утешение в лицах (!); это цвет народного ума... это житейская народная правда» (Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957, с. 18—19). Для Даля, как и для Толстого, за каждой пословицей открывается «не то повесть, не то картина» народной жизни. В «Напутном» к сборнику Даль предлагает как бы конспекты нескольких таких повестей — особенно развернуто на тему пословиц «Не выноси сору из избы» и «Неволя вниз идет, кабала вверх».

Пословицы из сборника Даля встречаем в «Войне и мире», «Анне Карениной», «Воскресении», «Власти тьмы», статьях (например, в «Так что же нам делать?»), письмах Толстого (см. Э. Е. Зайденшнур. «Пословицы и поговорки в произведениях, дневниках и письмах Л. Н. Толстого» — «Лит. наследство», т. 61, кн. 1, с. 561—639). Так, для речи Платона Каратаева из Далева сборника выписано семьдесят пословиц, в окончательный текст романа вошло девять. Поля рукописи «Войны и мира», где читатели знакомятся с Платоном Каратаевым, заполнены выписками из «Пословиц русского народа».

Толстому очень близок способ размещения Далем пословиц: не по алфавиту, а по темам — по смыслу. Даль справедливо полагает, что, лишь читая подряд десятки, а то и сотни пословиц на одну тему, можно понять, «что говорит народ о той, либо дру-

гой стороне житейского быта», сделать «вывод, общее заключение о духовной и нравственной особенности народа, о житейских отношениях его» (Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957, с. 27).

Размышляя о собственных сборниках народных изречений, стеновых листах, календарях, Толстой неизменно следует за Далем. Сборник Даля — основной источник составляемых Толстым тематических подборок пословиц, с помощью которых он желал бы предложить народному читателю народное же мнение о коренных вопросах жизни (названия подборок: «Трудись, кормись и корми», «Женись, люби жену и детей», «Думай, учись и учи» и т. п.).

Замечательно следить за тем, как Лев Николаевич читает «Толковый словарь». Том за томом листает он словарь, иной том — от начала к концу, иной, наоборот, от конца к началу, выписывает для памяти слова, нужные ему или его поразившие. В толстовских записях живет обостренное чувство языка, полное, почти зримое ощущение каждого слова, радость его осмысления и познания, именно то, что всего дороже было и составителю словаря.

Толстой выписывает:

«Тощедушный — щедушный» (у Даля на «Щ» дается ряд: «ЩЕДУШНЫЙ, тщедушный, тощедушный» — как бы приоткрывается происхождение слова).

Или: «Прать — прачка» (у Даля: «ПРАТЬ что, жать, давить, переть; вы/от/жимать, давить, выдавливать, гнести; особ. о белье, стирать, выминая, колотить вальком, кичигой, пральником»).

Или: «Заслонушка — свекор» (у Даля: заслонушка — заступник..., покровитель, защитник; так невеста или молодая чувствует свекра...) — тоже сюжет повести!) и т. д.

Обращение Толстого к «Толковому словарю» никак не связано, конечно, с желанием «подпитать» язык своих произведений простонародными словами и речениями. Смолоду чутко прислушиваясь к языку народа, Толстой сам хранит в памяти множество слов и выражений крестьянской речи. В «Воине и мире» отыщем *колодезню* и *уз* (части улья), *чувьяканье* и *вспыркивание* жаворонков, *колчу* (дорога была проложена по «колчам пашни») и некоторые другие слова, которых не было в первом издании Далева словаря (часть из них не попала и во второе).

Любовь к языку есть неотъемлемая часть любви к народу, изучение языка есть неистощимый источник изучения жизни народа, себя в языке выражающего, — вот побудительное начало обращения Толстого к Далеву словарю.

Самая значительная часть выписок из «Толкового словаря»,

на ста пятнадцати листках разного цвета, вложенных в темнозеленый с золотым тиснением переплет от записной книжки, относится к лету 1879 года. В это лето в Ясной Поляне гостил известный олонечский сказитель Щеголепко. Лев Николаевич записывал за ним легенды, истории из жизни, стараясь точно сохранить речь рассказчика, отличавшегося замечательной меткостью и выразительностью языка. Общение со Щеголепком и изучение Далева словаря бесспорно взаимосвязаны; и то, и другое подсказывает Толстому пути будущих его трудов. Н. Н. Страхов, посетивший тем же летом Ясную Поляну, сообщает оттуда знакомому о Толстом: «Между прочим, он усердно занимается пародным языком и, верно, наделает чудес» (цит. по кн.: Гусев П. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963. с. 577).

«Следы Даля» то тут, то там обнаруживаются в творческих трудах и замыслах Толстого. В конце 70-х годов у него «бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время — Перовского» (62, 371). Названо имя, точнее прототип героя задуманного сочинения: Василий Алексеевич Перовский, приятель Жуковского и Пушкина, военный и государственный деятель, в 30-х и начале 40-х годов оренбургский военный губернатор. Тесные отношения связывали его с Далем: будущий создатель «Толкового словаря» в течение почти десятилетия служил чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе, был его приближенным и доверенным лицом. Неслучайно, конечно, обдумывая замысел, Толстой спешит обратиться к издателю «Русского архива» П. И. Бартеневу (62, 366) с просьбой прислать «нумера Архива, где записки Даля о Хивинском походе» («Письма к друзьям из похода в Хиву 1839 года» Даля напечатаны в №№ 3 и 4 журнала за 1867 год).

Тридцать лет спустя, в 1906 году, Толстой «возвращается» в замыслах в Оренбургский край — создает рассказ «За что?», основа сюжета которого взята из книги С. В. Максимова «Сибирь и каторга». Но вряд ли Лев Николаевич не заметил примечания автора, что трагический рассказ о неудачном побеге из ссылки вычитан им в повести Даля «Небывалое в былом». Даль, конечно же, рассказывает историю, которой сам был свидетель (об этом глухо упоминается в тексте), но в ту пору, когда повесть была впервые напечатана (в «Отечественных записках» за 1846 год), он, понятно, о многом вынужден был говорить завуалированно.

Работая над рассказом «За что?», Лев Николаевич старательно изучает нужную ему литературу: «Надо прочесть много книг, чтобы написать пять строк, разбросанных по всему рассказу»

(Маковицкий, кн. 2, с. 81). В рассказе, в частности, есть строки о заговоре сосланных в Сибирь поляков. Об этом Толстой также мог прочитать в № 8 «Русского архива» за 1902 год (скорее всего, этим источником он и пользовался), где была напечатана статья И. С. Шукшинцева «Дело о поляках в Оренбурге 1833 года (По архивным данным)». В расследовании заговора участвовали Перовский и Даль — вряд ли Толстой не обратил внимание на эти имена. В том же номере журнала — большая статья «Письма из Оренбурга 1833 года» и в ней снова Перовский и Даль...

Не требует доказательств — достаточно сопоставления — сходство идеи и сюжета неоконченной толстовской повести «Фальшивый купон», которую писатель не оставлял почти двадцать лет, со второй половины 80-х годов до 1904 года, с идеей и сюжетом написанной много раньше повести Даля «Серенькая». И там и здесь речь о громадном гибельном зле, которое принесла в мир переходящая из рук в руки фальшивая денежная бумажка, о беспомощности развращенных силою денег людей разорвать цепь зла. И у Толстого, и у Даля от бесчестности «порядочных людей» прежде всего страдают мужики. Толстой, размышляя об окончании «Фальшивого купона», предполагал показать, как «непротивление», то есть «десятельное христианство», «поглощает зло» (53, 197). Именно в таком ключе написана развязка Далевой повести: фальшивую пятидесятирублевую бумажку — «серенькую» — сжигает не ропщущая на зло нищая старушка.

Даль, в отличие от Толстого, не пытается сформулировать и изложить свои философско-нравственные воззрения, но его и Толстого объединяет вера в «здравый смысл» народа, народные нравственные начала, способные противостоять «ужасам» цивилизации, капитализма, расслоения крестьянства и т. д.

Творческие взаимоотношения Л. И. Толстого и В. И. Даля (при явной скудости их личных связей), чего бы они ни касались — поисков сюжета, попыток создания книг для народного чтения, раздумий о языке и о его судьбах, — свидетельствуют о стремлении обоих, в меру сил и дарования каждого, решать вопросы, которые ставило перед поколением время.

Сказка о детстве

Поэтика повести М. М. Пришвина
«Курымушка»

Н. А. Николина,
кандидат филологических наук

В дневнике 1947 года М. М. Пришвин записал: «Думал о том, что же в конце концов определяет прочность и сохранность во времени произведений искусства. Первое — какое-то отношение к детству: самое прочное у Горького — „Детство“, источник Толстого — „Детство, отрочество и юность“, Пришвин — весь в детстве и родные».

Первые «звенья» автобиографического романа писателя «Качеева цепь», посвященные детству, в 1924 году были объединены автором в самостоятельное произведение под названием «Курымушка». Повесть «Курымушка» занимает особое место среди других автобиографических произведений о детстве в русской литературе: ее своеобразие — в особой структуре повествования, в широком обращении автора к элементам сказки, мифа. Если «Детство» Л. Н. Толстого — «мемуары мальчика» (В. Б. Шкловский), «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова — повесть о счастливом постижении мира в детстве, то повесть М. Пришвина «Курымушка» можно назвать сказкой о детстве: «Сказка питается детством... Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление, и с удивлением вернется сказка». Обращение к детскому мировосприятию во многом определяет речевые особенности повести «Курымушка».

Повествование в этом произведении строится на колебаниях от первого лица к третьему. При этом распадается единство образа повествователя: «Бывает, при переломах душевных сосредоточиться в себе, и вот начинает все нажитое отлетать, как скорлупки. И со мной раз так было: все отлетело, и вышел маленький мальчик Курымушка у постели своего больного отца» (Избранное. М., 1971, с. 10. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию). Повествователь отчуждается от себя уже в детстве, однако «показывается в общем как бы одно лицо и одно дело творчества» (с. 125). Наименования героя — «Курымушка», «мальчик», «Алпатов» — отражают различные трансформации «я» повествователя.

В тексте повести воссоздается мирозерцание как Курымушки, так и рассказчика и соответственно взаимодействуют два речевых плана, причем позиция героя в отличие от многих других автобиографических произведений почти не корректируется воззрениями умудренного опытом повествователя. Тип героя является главным в повести, слово его постоянно проникает в речь повествователя, угол его зрения определяет отбор деталей, последовательность описания или изображения.

Источником основной информации об окружающем мире для маленького героя служат разговоры взрослых, невольным свидетелем которых он становится. С помощью диалогов рассказ о событиях прошлого заменяется их «показом».

Во взаимосвязи реплик диалога устанавливается историческое время повести, восстанавливается предыстория персонажей, формируется бытовой план повествования, фиксируется движение сюжета. При этом диалоги героев повести даются в оценке Курымушки или в его возможной интерпретации. Реплики диалога взаимодействуют с внутренней речью мальчика. Он с детства окружен миром слов, тайна которых его волнует и тревожит. Так, услышав слово «под-поль-ная», «по своей врожденной привычке вдруг из одного слова создавать себе целый мир, Курымушка вообразил сразу себе какую-то жизнь под полом, наподобие крыс и мышей» (с. 77). О чем бы ни говорили взрослые, самым важным в их диалоге представляется герою новое для него, непонятное

слово, которое обычно выделяется авторским курсивом и членится в тексте графически:

«...И Дунечка пошла за ним, они были в Париже, учились, но, должно быть, *не-ле-галь-но*.

— Не-ле-галь-но,— твердит Курымушка» (с. 14).

Пенонятное слово нуждается в объяснении, без которого оно остается для героя загадкой: «Вышла новая загадка,— все люди как люди, а он какой-то *рас-се-янный*» (с. 37).

В тексте повести встречаются различные толкования слов — те, которые дают взрослые в ответ на вопрос мальчика («купец — человек богатый»), и те, которыми оперирует сам Курымушка. Отмеченная автором «привычка... из одного слова создавать целый мир» определяет особенности детского отношения к слову, в основе которого — видение действительных связей между разными понятиями, эмоционально значимыми для ребенка. Слово воспринимается героем как магическое средство: оно объясняет ему окружающее, воздействует на него и преобразует его. Плоскость наивного и детского-чистого понимания окружающего в повести «Курымушка» становится «зоной» образного видения мира, в которой развиваются значения ключевых слов произведения, таких, например, как *красавица, голубой, кашей*.

Показательно употребление в повести слова *красавица*, вначале оно новое для героя, при этом приводится его наивно-детское толкование:

«...Марья Моревна, конечно, и есть та самая она, про которую все говорят — *кра-са-ви-ца*, но что это значит, как узнают это сразу — взглянут и скажут: *кра-са-ви-ца!* — об этом он так решил: „Простая женщина с разными людьми говорит разным голосом и улыбается разное, а *красавица* одинакова со всеми — богатыми и бедными, большими и маленькими, да! вот это главное ее отличие: с маленькими она говорит, совсем как с большими“» (с. 31).

В дальнейшем слово приобретает символический смысл: *Красавица* противопоставляется *Кашею*, как светлое — темному, добро — злу, любовь — ненависти, свобода — неволе.

В повести взаимодействуют два плана изображения: реально-бытовой и образно-метафорический, связанный с миропониманием маленького героя. Сопоставление их организует ряд контекстов, причем один план нередко плавно переходит в другой:

«Голубой услышал Курымушку, улыбнулся ему: в дом вошла прекрасная девушка, у нее были солнце и месяц во лбу и звезды в тяжелых косах — настоящая Мария Моревна!

Она вошла и сказала:

— Мама моя велела спросить вас, Марья Моревна, не разрешите ли вы ей побродить в саду и в парке, ей хочется побыть с родными,— у нас столько здесь воспоминаний».

Особый характер мышления ребенка, эмоционально воспринимающего целостный мир, делает возможным и реальным преобразование всего во все. Возникает тождество фольклорных образов и образов героев повести. Показательны в этом смысле следующие цепочки наименований персонажей, объединяющие реальный и условный планы произведения и отражающие динамику повествования: *Курымушка — мальчуган — маленький — лебеденок — Иван-царевич — Алпатов; Марья Моревна — Маша — лебедь — спящая красавица — Прекрасная дама.*

В текст повести включаются преобразованные цитаты из сказок, троекратные повторы, замедляющие повествование, традиционные сказочные формулы, при этом наблюдается контаминация различных фольклорных сюжетов:

«Тихо шепнул он:

— Марья Моревна!

Открыла глазок и закрыла.

— Марья Моревна!

Опять открыла глазок.

— Марья Моревна!

Другой.

— Ах, как я долго спала!» (с. 46).

«Как художник,— писал М. М. Пришвин, я страшный разрушитель последних основ быта..., я разрушаю пространство и говорю: „В некотором царстве“, я разрушаю время и говорю: „При ларе Горохе“» (с. 113). В отличие от многих других автобиографических произведений о детстве в повести «Курымушка» отсутствует жесткое противопоставление прошлого и настоящего повествователя. Взаимодействие бытового и образно-метафорического планов определяет особый характер *художественного* времени — пространства произведения. Если фабульное время связано с реально-бытовым планом повествования, то для образно-метафорического изображения характерна «открытость» времени, постоянное сопряжение прошлого и настоящего. Временная позиция рассказчика максимально приближена к изображаемому: события, происходившие в прошлом, воссоздаются как события настоящего. При этом опора на сказку создает особый эффект непрерывности времени.

Взаимодействие реально-бытового и сказочного в повести динамично: то на первый план выступает образное начало, то дается его реальная мотивировка. Действительность преломляется

в повествовании в разных ракурсах, что находит отражение в ассоциативном, часто внешне немотивированном сцеплении ряда предложений и сложных синтаксических целых, в «мозаичности» построения текста, в свободном объединении частей, для которых характерны разные временные планы, и т. п.:

«Марья Моревна спрашивает:

— Ты умеешь читать?

Курымушка сказал про себя:

— „Ад, сатана!“ — И сразу пустил гусака.

Земля там, где небо к ней прикасается, красным заревом вспыхивает, огромная черная гора открывается, на вершине архангел трубит, покойники встают, и кто, как няня, всю свою жизнь отрезал себе ногти и берег их в мешочках,— теперь ногти эти срываются, и, цепляясь ими за камни, лезут праведные люди на гору...» (с. 31).

При этом в одном и том же контексте могут объединяться и свободно сочетаться разные речевые пласты: высокая лексика и просторечие, бытовые слова и имена сказочных героев и мифических существ. Непосредственность, внешне безыскусственная простота разговорной речи оттеняет поэтическую символику (как традиционную, так и индивидуально-авторскую), подчеркивая ее значимость. Таким образом, противопоставление «быт» — «сказка» находит отражение во взаимодействии различных языковых средств.

Образы, возникающие в поэтическом сознании героя, затем закрепляются и развиваются в речи повествователя, особенно в открывающих главы повести лирических отступлениях, с которыми связаны сквозные мотивы произведения. Система образных средств в повести «Курымушка» многослойна: это и метафоры, основанные на поэтическом видении мира ребенком, и фольклорно-сказочные, и мифологические образы. Каждый из этих «слоев» — новая ступень абстракции, обобщения в познании героем мира и его закономерностей, новая грань в преобразении быта. Все они тесно связаны, между собой их взаимодействие определяет речевые особенности повести «Курымушка» — своеобразной сказки о детстве, которая дает «видение жизни в ее подлинной богатейшей сущности» (Пришвин и современность. М., 1978, с. 61).

Рисунок П. Беланова

Фразы, фразы...

И. Н. Горелов,
доктор филологических наук

Театральные работники рассказывают, что когда в спектакле надо изобразить — согласно авторским ремаркам — «ропот толпы» или «шум в зале», участники «массовки» беспорядочно и на разные лады повторяют одну и ту же фразу: «Что говорить, когда не о чем говорить?!». Сопровождаемая соответствующими жестами и мимикой актеров, эта фраза в разноголосом хоре создает соответствующий эффект. Этот невинный обман не менее необходим в спектакле, чем, скажем, декорации и имитация соловьиного пения: важно, чтобы зритель поверил, что все, происходящее на сцене, — правда.

Живое общение между людьми, то есть обмен мыслями и эмоциями, служит социально значимым целям. Следовательно, ни язык как важнейшее средство общения, ни само общение нельзя расхотать попусту. Русская литература, удивительно точно и глубоко проникающая в «больные места» общественной жизни и личных судеб, всегда обращает внимание на то, как общаются люди, что они при этом обнаруживают — душевную пустоту или высоту помыслов, мелочность повседневных забот о личных пристрастиях к мелочам или желание подняться над ними. Пристальное внимание к способам и целям общения особенно заметно у А. П. Чехова.

Ипполит Ипполитыч из «Учителя словесности» — «человек неразговорчивый; он или молчал, или же говорил только о том, что всем давно уже известно». О чем, например? А вот: «Теперь май, скоро будет настоящее лето. А лето не то, что зима. Зимой нужно печи топить, а летом и без печей тепло. Летом откроешь ночью окна и все-таки тепло, а зимой — двойные рамы и все-таки холодно». Или: «Женитьба — шаг серьезный [здесь невольно вспоминаются эти же слова другого учителя, Беликова, — из «Человека в футляре»]... Надо обсудить все, взвесить, а так нельзя. Благоразумие никогда не мешает...» и т. д. и т. п.

Хорошо, что Ипполит Ипполитыч часто молчит — уж очень тягостны его «афоризмы». Но постоянно — одними и теми же словами — выражает свои «мысли» старик Шелестов из того же рас-

сказа: «— Это хамство! — говорил он.— Хамство и больше ничего. Да-с. хамство-с!». Заметьте: *говорил* он, а не *сказал*. Почти все авторские глаголы в рассказе Чехова — это глаголы несовершенного вида, часто — прошедшего времени; создается впечатление многократности, постоянства даже одних и тех же способов выражения, одних и тех же действий людей, населяющих рассказ. Даже собачонка Мушка (не случайный, думается, параллелизм в чеховском тексте!) ведет себя одинаково: «...она всякий раз склоняла голову набок, скалила зубы и начинала: „ррр...нга-нга-нга-нга...ррр“». Потом садилась на стул... заливалась пронзительным лаем, а хозяева говорили: — Не бойтесь, она не кусается. Она у нас добрая».

Поразительно однообразна и Варя, дочь Шелестова: «Всякий разговор, даже о погоде, она непременно сводила на спор. У нее была какая-то страсть — ловить всех на слове, уличать в противоречии, придирается к фразе... Если вы сострили или сказали каламбур, тотчас же вы слышите ее голос: „Это старо!“ или „Это плоско!“. Если же острит офицер, то она делает презрительную гримасу и говорит: „Арррмейская острота!“».

Общение с такими людьми, чьи слова, чье поведение вскоре становится известным, способно вызвать лишь скуку, ощущение пошлости. Поэтому один из героев этого рассказа штабс-капитан Полянский записал в своем дневнике: «Где я, боже мой?!.. Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости».

У Аркадия Аверченко есть примечательный рассказ «День человеческий», где, однако, видимость общения представляла в сатирически-юмористическом плане:

— Как вы нынче спали? — спрашивает тетка, желая отвлечь мое внимание от десятого сдобного сухаря...

— Прекрасно. Вы всю ночь мне грезились.

— Ах ты господи! Я серьезно вас спрашиваю...

— Хорошо. Будем говорить серьезно... Вас действительно интересует, как я спал эту ночь? Для чего это вам? Если я скажу, что спалось неважно — вас это опечалит и угнетет на весь день? А если я хорошо проспал — ликование и душевной радости вашей не будет пределов?..

— Я вас не понимаю...

— Вот это сказано хорошо, искренне. Конечно, вы меня не понимаете... Но когда вам нечего говорить — сидите молча. Это так просто... И если бы я ответил вам: «Благодарю вас, хорошо», — вы стали бы мучительно выискивать предлог для дальнейшей фразы. Вы спросили бы: «А Женя еще спит?», — хотя вы прекрасно знаете, что она спит, ибо она спит так каждый день...

И далее:

— Дни теперь стали прибавляться,—говорит наконец она, смотря в окно.

— Что вы говорите?! Вот так штука. Скажите, вы намерены опубликовать это редкое наблюдение, еще неизвестное людям науки?.. Зачем вы сочли необходимым сообщить мне, что дни прибавляются? Все, вплоть до маленьких детей, хорошо знают об этом.

А. Аверченко высмеивает манеру «о чем бы ни говорить, лишь бы говорить». Его герои вызывают в нашей собственной памяти бесконечные варианты высказываний во какому-нибудь случаю... Вот на улице встречаются знакомые: «— Как поживаете? — Ничего себе. Вы как? — Спасибо. До свидания. Заходите.— Зайду. До свидания. Спасибо» (глава «На улице»).

В эпизоде «Перед сном» А. Аверченко завершает юмористическое повествование:

— Зачем ты обидел тетку утром?

— А зачем она разговаривает?!

— Нельзя же все время молчать...

— Можно, Если сказать печего.

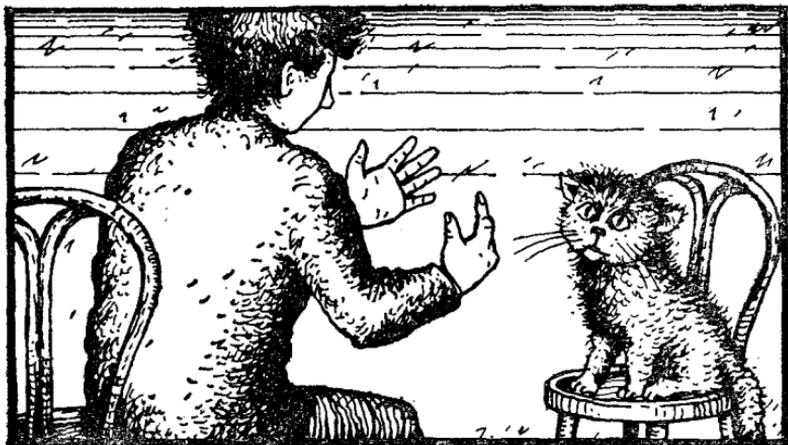
Но не всегда диалог, кажущийся пустым и бессмысленным, на самом деле является таковым.

В рассказе В. Белова «Под извоз» Сенька Груздев ведет такой диалог со старухой: «— Эй, Марюта, а Марюта? — Чего? — А жива еще? Гляди у меня, не умирай раньше время.— Не умру, Семен, не умру!». Через несколько страниц видим то же самое: «— Марюта, чуешь, Марюта? — Чего? — А не умерла еще?».

Писатель на этот раз поясняет: «Начинается тот не поддающийся описанию [то есть, смысловому объяснению] и на первый взгляд совершенно пустой диалог, когда говорящие полны доверия, доброты и отрадного взаимоутешения». «Пустой», как видим, лишь «на первый взгляд», и произнесенные слова по своим значениям как бы «не равны сами себе», содержат иную информацию — «полны доверия, доброты и отрадного взаимоутешения».

Эта функция речи в лингвистике названа фатической, контактоустанавливающей. Она существует именно потому, что людям необходимо не только обмениваться конкретной, вполне определенной информацией об определенных событиях, мыслях о них, их собственных оценках. Есть еще и необходимость определенной сигнализации о самом эффекте присутствия, сочувствия партнеру по общению. Ведь можно «разговаривать» даже и с кошкой, например так, как описывает В. Белов в «Рассказах о всякой живности»: «Когда я позвал его домой, он [кот Рыжко] охотно

побежал следом за мной.— Хватит шататься,— на ходу рассуждал я.— Домой пойдем, ночевать надо дома. Чего тебе в лесу ночевать? — Оглянувшись, я увидел, что кота не было». Совершенно ясно, что говорящий не собирается убедить кота в своей правоте; человек в данном случае говорит сам с собой. Упрекать за это человека (или писателя, описавшего такой «разговор») было бы глупо.

Душевное одиночество, сопровождающее жизнь реального человека или персонажа литературного произведения, а также состояние неприкаянности, психологического дискомфорта (такие состояния могут быть кратковременными или продолжительными, случайными или регулярными) — все это найдено, мастерски схвачено и передано замечательными писателями. Важно только, чтобы читатель (и слушатель в зрительном зале) улавливал, понимал существеннейшую разницу между пошлым пустословием болтуна и «пустотами» в диалогах людей интересных, значительных, трагически переживающих минуты или дни осознания неудавшейся жизни, невозможности проявить себя или соединить свою судьбу с любимым человеком. Ведь именно горестное ощущение душевного одиночества заставляет доктора Астрова («Дядя Ваня») сказать слова, ничего не значащие для его собеседника (Войничского): «— А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарница — страшное дело!». Войничский, продолжая свои подсчеты, отвечает механически: «— Да, вероятно». Формально — диалог, хоть и короткий. На деле — пустота непонимания.

А вот пример диалогов (из «Трех сестер»), где подлинное

содержание глубоко скрыто в контексте всей пьесы, в контексте прожитой жизни героев, а на поверхности — случайный обмен случайными репликами, которые маскируют скрытое, подлинное содержание мыслей и чувств:

Вершинин. Все-таки жалко, что молодость прошла...

Маша. У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!

Тузенбах. А я скажу: трудно с вами спорить, господа!..

Чебутыкин (читая газету). Бальзак венчался в Бердичеве.

(Ирина напевает тихо)

Даже запишу себе это в книжку. (*Записывает.*) Бальзак венчался в Бердичеве. (*Читает газету.*)

Ирина (*раскладывает пасьянс, задумчиво*). Бальзак венчался в Бердичеве.

И в предыдущих действиях этой же пьесы легко найти в речи персонажей ощущение душевной неустroенности. Когда Маша (в четвертом действии) читает, сдерживая рыдания: «У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том...», нам, читателям, прекрасно понятно, какой драматизм скрыт за этими строчками пушкинской поэмы — не у Пушкина, а у рыдающей Маши, проносящей их.

Знаменитый монолог-обращение Гаева к шкафу («Вишневый сад») и его же нелепо звучащие (из-за полной неуместности) «бильярдные реплики» (*дуплетом желтого в середину* и др.) — это ведь тоже невольные признания в ничемно сложившейся жизни, а вовсе не только то, что выражено напрямую в самих словах. Одно дело — слова «внешне пустые», другое — действительно пустые слова, за которыми не стоит ровным счетом ничего.

Потребность в общении — человеческая потребность, даже если высказывание обращено к коту. Но, говоря о культуре общения, мы не можем не обратить внимания на тот факт, что в нашей речи все еще слишком часто и слишком много не просто «необязательного», но и откровенно лишнего, пустого, за которым не стоит никакого глубокого подтекста, никакой подлинной мысли, никакого ценного чувства.

Фатическая функция языка, конечно, важна, и нельзя ограничить краткостью и сугубой деловитостью наши беседы — на все случаи жизни. Но нельзя забывать главного: если количество контактоустанавливающих элементов в общем объеме беседы будет слишком велико, общения не получится.

Саратов

Рисунок А. Кулагина

Из Нормативно- стилистического словаря русского языка

В отделе культуры русской речи Института русского языка АН СССР закончена составительская работа над «Нормативно-стилистическим словарем русского языка» (авторы: С. И. Виноградов, Л. Н. Кузнецова, Г. И. Мисьякевич, Л. И. Скворцов; руководитель работы Л. И. Скворцов).

Задача Нормативно-стилистического словаря состоит в лексикографическом описании норм современного русского литературного языка (орфоэпических, лексических, грамматических), с детальным описанием их стилистического статуса, с оценкой синхронного и исторического варьирования языковых средств, показом живых тенденций динамики и развития литературного словоупотребления. По замыслу составителей, словарь должен обобщить богатый опыт имеющихся словарей и справочников, всей нормализаторской работы в области русского языка в советскую эпоху.

В нем будут отражены объективные процессы демократизации литературного языка (и его норм), расширения его нормативной базы в наши дни. Литературные нормы современного русского языка должны предстать в сложной и стройной системе парадигматических и синтагматических отношений (т. е. выбора языковых единиц и возможности их сочетаемости), в живом взаимодействии старого и нового, устоявшегося и нарождающегося, с широким лингвистическим комментарием бытующих общественных мнений и вкусовых оценок фактов современной устной и письменной речи.

Журнал «Русская речь», начиная с настоящего номера, предлагает вниманию читателей материалы «Нормативно-стилистического словаря русского языка».

*Л. И. Скворцов,
зав. отделом культуры русской речи
Института русского языка АН СССР,
доктор филологических наук*

СЛОВАРЬ

рекомендует:

Патриот — это слово заимствовано из французского языка, исторически восходит к греческому *patriōtēs* — «земляк, соотечественник» (от *patris* — «родина, отечество»).

Первоначальное и основное значение существительного *патриот* — «тот, кто любит свою родину, предан ей». Поскольку в самом содержании этого слова представлено понятие «родина», традиционно нормативным является его использование без существительных *родина, отечество* в роли зависимых слов: *пламенный патриот, быть патриотом, воспитывать детей патриотами, истинные патриоты*. «Чем ныне явится? Мельмотом, Космополитом, патриотом, Гарольдом, квакером, ханжой, Иль маской щегольнет иной...?» (Пушкин. Евгений Онегин).

Однако начиная уже с XIX века в русской книжной и разговорной речи порой встречаются сочетания *патриот своей родины, патриот отечества*: «[Платон:] Всякий человек, что большой, что маленький, — это все одно, если он живет по правде, как следует, хорошо, честно, благородно, делает свое дело себе и другим на пользу, — вот он и патриот своего отечества» (Островский А. Правда хорошо, а счастье лучше); «Утром в цехе и у проходных ворот завода появились плакаты: „Привет патриотам Родины, комсомольцам бригады мастера Шаталова, оставшимся во время налета в цехе и обеспечившим нормальную работу печи!“» (Попов. Сталь и шлак).

Можно назвать несколько причин появления и достаточно регулярного употребления в речи подобных, по существу плеонастичных, то есть логически избыточных оборотов. Одна из них — утрата в сознании говорящих соотносительности между словом *патриот* и греческим *patris* — «родина», ведущая к забвению первоначального значения наименования. В результате этого возникает предпосылка для самостоятельного словесного выражения понятия «родина» в составе сочетаний типа *патриот родины*. Воплощение этого понятия может достигаться и иным способом — путем создания слов, где соответствующее значение имеет одна из корневых морфем. Например, В. И. Даль в Толковом словаре при существительном *патриот* привел такие синонимы: *отчизнолюб, отчественник, отчизник*.

Возникновению и употреблению составных наименований типа *патриот родины* способствовала аналогия с такими сочетаниями,

как сын отчизны, защитник родины, любитель отечества (приведено в словаре В. И. Даля для толкования слова *патриот*), где главный компонент — существительное со значением лица, а зависимые слова — *родина, отчизна, отечество*. Сказалось также влияние оборотов (а их следует признать нормативными), в которых при слове *патриот* употребляется название той или иной конкретной страны: «Казенная историография трактовала патриотов Германии как врагов порядка, пропитанных духом французской революции» (Пиккуль. Кровь, слезы и лавры).

Появление словосочетания *патриот родины* повлекло за собой переосмысление слова *патриот*, которое стало регулярно употребляться в обобщенном значении «тот, кто горячо любит что-либо» в таких конструкциях, как *патриот города, патриот Москвы, патриот колхоза, заводской патриот*. «Родных кораблей патриоты, Со львиной отвагой в груди — Гвардейцы советского флота Всегда и везде впереди» (Лебедев-Кумач. Молодая гвардия); «Он слышал, что Дымов — большой патриот Алтая, проповедник красоты жизни» (Пермитин. Горные орлы).

Таким образом, в современном русском языке существительное *патриот* имеет два значения. Первое — традиционное — «тот, кто любит свою родину, предан ей». Так как понятие «родина» отражено в этом значении, употреблять слово *патриот* в сочетании с существительными *родина, отечество, отчизна* без особых смысловых и стилистических заданий не рекомендуется. В другом, обобщенном значении — «тот, кто горячо любит что-либо» — слово *патриот*, напротив, может использоваться только в конструкции с зависимым существительным в родительном падеже или в сочетании с согласованным определением: *патриот Сибири, новгородский патриот, патриот фабрики*.

Не следует смешивать *патриот* со словом *энтузиаст* — «человек, воодушевленный какой-либо идеей, преданный ей». Обороты, возникающие в результате такого смешения — «патриот своего дела», «патриот кибернетизации», — неправомерны, ошибочны.

Литература: Словарь русского языка в 4 томах. М., 1981—1984; Правильность русской речи. Под ред. С. И. Ожегова. М., 1965.

Отвечает Служба языка

МОРАТОРИЙ

Г. И. Миськевич,
кандидат филологических наук

С самого начала ядерной эры Советский Союз ведет последовательную и энергичную борьбу за прекращение накопления ядерных арсеналов, за обуздание военного соперничества, за укрепление доверия и мирного сотрудничества. Именно нашей стране принадлежит приоритет в постановке вопроса о запрещении производства и применения атомного оружия и об использовании ядерной энергии в мирных целях на благо человечества. В современных условиях начался новый этап движения против ядерной угрозы. Советский Союз выступил за прекращение любых ядерных испытаний, за сокращение ядерных вооружений вплоть до их полной ликвидации к 2000 году, он призывает народы всей Земли вступить в третье тысячелетие без ядерного оружия.

Новый, наиболее мощный этап движения за мир породил и свои обозначения. И самое первое среди них — *мораторий*.

Слово *мораторий* само по себе не ново. Оно происходит от латинского *moratorius* «задерживающий, замедляющий» и известно в различных языках как термин, обозначающий понятия в области экономики, юриспруденции, международной политики. Так, во французском языке *moratoire* употребляется как юридический термин, имеющий значение «дающий отсрочку», и как термин экономический, называющий понятие «отсрочка платежей». В английском языке это слово означает официальное, юридически узаконенное разрешение на задержку выплаты долгов; согласованную отсрочку или задержку.

Толковые словари русского литературного языка фиксируют лишь одно значение у слова *мораторий*, а именно — «отсрочка платежей вследствие каких-либо чрезвычайных обстоятельств (войны, кризиса, стихийного бедствия), устанавливаемая правительством», при этом указывается на прикрепленность слова *мораторий* к экономической терминосфере (Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова дает к слову *мораторий* пометы *финансовое* и *торговое*; Словарь современного русско-

го литературного языка — помету *специальное*; Словарь русского языка С. И. Ожегова — помету *специальное*; Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой — помету *экономическое*).

Как всякое живое слово, *мораторий* находится в состоянии активной семантической жизни. Возникшая общественная потребность ввела его в широкое употребление и как бы пробудила в нем новое значение, связанное с ограничением определенными временными рамками запрета на проведение ядерных испытаний. Вот первое употребление слова *мораторий* в этом значении в тексте, обращенном к широкому читателю, — в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева:

«В интересах создания благоприятных условий для заключения международного договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия СССР неоднократно предлагал государствам, обладающим ядерным оружием, условиться о моратории на любые ядерные взрывы, начиная со взаимно согласованной даты. К сожалению, осуществить этот важный шаг пока не удалось. В стремлении содействовать прекращению опасного соревнования в наращивании ядерных арсеналов и желая подать добрый пример, Советский Союз принял решение прекратить в одностороннем порядке любые ядерные взрывы, начиная с 6 августа сего года. Мы призываем правительство Соединенных Штатов прекратить с этой же даты, которая во всем мире отмечается как день трагедии Хиросимы, свои ядерные взрывы. Наш мораторий объявляется до 1 января 1986 г. Он будет, однако, действовать и дальше, если США со своей стороны будут воздерживаться от проведения ядерных взрывов. Нет сомнений, что взаимный мораторий СССР и США на любые ядерные взрывы послужил бы хорошим примером и для других государств, располагающих ядерным оружием» (Правда, 1985, 30 июля).

Употребление термина *мораторий* в новом значении родилось также в границах определенной терминосферы — международной дипломатии. Но огромный интерес к проблемам войны и мира, которым охвачены сейчас широчайшие народные массы, вывел его за границы своей терминосферы и сделал достоянием всеобщего употребления. Более того, в письменных текстах, в устных сообщениях языка массовой информации новый термин *мораторий* обрел широкую известность и высокую частотность использования:

«Введением одностороннего моратория на проведение любых ядерных взрывов СССР намерен подать хороший пример другим государствам, располагающим ядерным оружием» (Правда, 1985, 31 июля); «Для нас сама разрядка — не конечная цель, а лишь

необходимый, но переходный этап от мира, загроможденного оружием, к надежной и всеобъемлющей системе международной безопасности. Этому служит и новая советская инициатива по введению моратория на ядерные взрывы» (Правда, 1985, 1 авг.); «Последовательная и энергичная борьба СССР за прекращение накопления ядерных арсеналов, за обуздание военного соперничества хорошо известна во всем мире. Объявленный Советским Союзом мораторий на ядерные испытания — новое яркое тому свидетельство» (Правда, 1985, 3 авг.); «Наш мораторий объявлен до 1 января следующего года. Однако если США со своей стороны будут воздерживаться от проведения ядерных испытаний, то он будет действовать и дальше» (Правда, 1985, 4 авг.); «При введении Советским Союзом одностороннего моратория, начиная с 6 августа с. г., на любые ядерные взрывы было объявлено, что он будет действовать до 1 января 1986 г., но останется в силе и дальше, если США последуют нашему примеру» (Правда, 1985, 23 окт.).

В прошлом году, когда Советский Союз в одностороннем порядке продлевал срок действия своего моратория, а общественность всего мира вела борьбу за то, чтобы ядерные государства возможно скорее присоединились к нему, ибо прекращение испытаний — это первый практический шаг к ликвидации ядерных вооружений, не было дня, чтобы слово *мораторий* не включалось в устные сообщения в передачах радио и телевидения, в письменные информации на страницах газет и журналов. Можно с уверенностью говорить, что первоначальное значение — обозначение временного запрещения на проведение ядерных испытаний — стало основной семантической характеристикой слова: «Было подчеркнуто, что наш мораторий распространяется на все взрывы: как на испытания ядерного оружия, так и на взрывы в мирных целях. Это нелегкое решение, потому что мораторий длится уже год, и за это время США произвели 18 взрывов. Но Советский Союз считает, что прекращение ядерных испытаний — это тот старт, который необходим для начала продвижения к ядерному разоружению» (Правда, 1986, 20 авг.); «Не будет преувеличением сказать, что сегодня проблема моратория на ядерные взрывы и достижения согласия о прекращении ядерных испытаний как раз и стала тем ключевым вопросом, по которому народы вправе судить о сущности политики того или иного государства» (Правда, 1986, 7 сент.).

Это значение так прочно утвердилось, что само слово *мораторий* начало свободно употребляться вне конкретизирующих его семантику сочетаний *...на ядерные испытания, ...на ядерные взрывы*: «Наше решение о моратории основывалось на приверженно-

сти социализма как общественного строя делу мира, глубоком понимании его ответственности за судьбы цивилизации» (Правда, 1986, 19 авг.); «Именно поэтому Советское правительство приняло вынужденное решение о продлении моратория до первого ядерного испытания США в 1987 году» (Правда, 1987, 25 янв.); «...в любой день и месяц Советский Союз будет готов вновь вернуться к мораторию, если США примут решение прекратить свои ядерные взрывы» (Там же).

Наблюдая за употреблением слова *мораторий* в речи, следует отметить, что формируется достаточно свободная и широкая сочетаемость его с другими словами, что свидетельствует об активном овладении им многими людьми. Приведем сочетания, наиболее распространенные: *односторонний мораторий, советский мораторий, советский ядерный мораторий, длительный мораторий, наш мораторий; мораторий на все ядерные взрывы, мораторий на ядерные испытания, мораторий на проведение испытаний; мораторий открывает возможности, мораторий играет роль, мораторий распространяется, мораторий подтверждает.*

Слово *мораторий* в новом значении (также слова называются в науке о языке семантическими неологизмами) начало свою жизнь в языке. Актуальность содержащая вызвала активное его использование в речи. Слово *мораторий* начинает употребляться как полноправная, усвоенная языковая единица. В постижении слова, в овладении нормами его употребления важно знать особенности его формирования на начальной стадии вхождения в язык.

В отсутствие — В отсу^тствии

Л. К. Чельцова,
кандидат филологических наук

Нередко трудности, возникающие при написании слова или словосочетания, свидетельствуют о том, что существуют причины, вызвавшие сомнения или колебания пишущего: нечеткая формулировка правила, отсутствие рекомендаций, сложность самого языкового явления и т. п. Так, неуверенность в написании словосочетаний *в отсутствие* — *в отсу^тствии* возникла из-за трудностей, связанных с разграничением винительного и предложного падежей с предлогом *в*.

В некоторых конструкциях разграничение этих падежей не вызывает сомнений. Например: «В одном *отсу^тствии* желанья Хочу провести остаток дня» (Вяземский. Желание); «В полном *отсу^тствии* взглядов [у графа Алексея Петровича] видят консерватизм» (Чехов. Именины); «Но весь вопрос с использованием этих железных руд *упирается в отсу^тствие* местного топлива, необходимого для металлургии» (Киров. Статьи и речи); «Беда спектакля заключалась *в отсу^тствии* единства сюжета, музыки и режиссерского решения» (Коонен. Страницы жизни); «Но, конечно, самый важный период спора начался тогда, когда обнаружился уже не предполагаемый, а подлинный зритель, решительно не припемающий фильма и обвиняющий его *в отсу^тствии* правды жизни и даже вредности» (Юность, 1985, № 9). В подобных предложениях согласованное определение (*в одном, в полном*) и глагольное управление (*упирается в отсу^тствие топлива, заключалась в отсу^тствии единства...*) указывают на однозначное решение вопроса.

В других конструкциях выбор формы не столь очевиден. Например: «Однажды директор, посетив квартиру, зашел *в отсу^тствии* Подгурского и повел *в отсу^тствии* носом»; «...я лишь тайком *в отсу^тствии* брал книги и, весь настороже, глотал страницу за страницей» (Короленко. История моего современника); «Она уже два раза, *в отсу^тствии* Лаевского, принимала у себя Кирилина» (Чехов); «К нам *в отсу^тствии* Орлова стал навеваться по вечерам Кукушкин» (Чехов); «Она *в отсу^тствии* любви и смерти» [название пьесы Э. Радзинского]; «Результаты опыта *в отсу^тствии* добавок» [вопрос по телефону Службы языка]. Отдельные примеры взяты из Картотеки Словарного отдела Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

Рекомендации пособий, как правило, опираются на бесспорные случаи. В «Словаре трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (М., 1976) указывается: *В отсутствие*. Предложное сочетание. *В отсутствие родителей*. Но: *в отсутствии*, предлог с сущ. *Убедиться в отсутствии вины*. В некоторых случаях рекомендации противоречат друг другу. 17-томный Словарь: *В чье-либо отсутствие, в отсутствии кого-либо*. «А что же делает супруга Одна в отсутствии супруга? Занятий мало ль есть у ней?» (Пушкин. Граф Нулин); «Анна жадно оглядывала его: она видела, как он вырос и переменялся в ее отсутствие» (Л. Толстой. Анна Каренина). Справочник «Слитно или раздельно?» (М., 1983) рекомендует: *в отсутствие* (кого, чего), *в отсутствии* (чьим).

Нам представляется, что в затруднительных случаях следует опираться на некоторые свойства словосочетания *в отсутствие* (*в+сущ.* в винительном над.), которое указывает на явление, совпадающее по времени с действием, выраженным в глаголе. В качестве несогласованного определения здесь могут выступать только одушевленные существительные: «...могло статься.., что шайка его [Дубровского] продолжала свои действия и в отсутствие начальника» (Пушкин. Дубровский); «Елена ни разу не поговорила с Инсаровым так, как бы она хотела, в его отсутствие она готовилась расспросить его обо многом, но когда он приходил, ей становилось совестно своих приготовлений» (Тургенев. Накануне); «И тотчас в отсутствие Гаврика мир стал вокруг Пети грозным, громадным, полным скрытых опасностей» (Катаев. Белеет парус одинокий); «К делу он относился с молчаливой злобой в его отсутствие, а в глаза выражал преданность и безусловное подчинение» (Гладков. Повесть о детстве); «Святослав Теофилович уезжал на гастроли, возвращался, но и в его отсутствие друзья могли прийти и полюбоваться работами мастера» (Журавлев. Жизнь. Искусство. Встречи); «Он [Достоевский] просит Анну Григорьевну в его отсутствие читать детям Вальтера Скотта и Диккенса» (Волгин. Последний год Достоевского); «А когда именно на Врубеля повадили толпы народа и художник узнал о невероятном своем успехе, он сел в поезд и уехал из Нижнего. Истинная слава пришла к нему в его отсутствие» (Ю. Семенов. Аукцион). Сравните: «Однако главная причина пассивности, „политического отступления“ наиболее непримиримых критиков — в отсутствии какого-либо революционного кризиса в стране» (Эйдельман. Грань веков).

Свойства, отмеченные у словосочетания *в отсутствие* (ослабление значения предметности, ограничение лексического состава возможных определяющих слов, закрепленность синтаксической роли в предложении), как правило, свидетельствуют о процессе

перехода словосочетания в разряд предлогов. Этот процесс описан в книге Е. Т. Черкасовой «Переход полизначных слов в предлоги» (М., 1967). Следует отметить, что условия такого перехода не возникли для словоформы *в присутствии*, не имеющей орфографических колебаний: «В отсутствие родителей Петя не садился за уроки и только в их присутствии доставал учебники».

Таким образом, при необходимости разграничить предложное сочетание и существительное с предлогом, а значит, и определить правильное написание, надо иметь в виду следующее. Предложное словосочетание *в отсутствие* имеет значение времени, в качестве несогласованного определения при нем выступает одушевленное существительное: *читать [когда?] в отсутствие родителей*. Существительное с предлогом не имеет временного значения, а в качестве определения при нем употребляется и одушевленное (кого?) и неодушевленное существительное (чего?): *верить [во что?] в отсутствие зла, врагов; причина [в чем?] в отсутствии друзей, книг*.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Правильным ли будет выражение *без никаких затруднений*? Моя коллега сказала, что так по-русски не говорят».

Л. Н. Щепотьева, *Суздаль*

Ваша коллега права. Предлог *без* уже свидетельствует об отсутствии чего-то. *Без никаких* — это конструкция двойного отрицания, свойственная нелитературному просторечию (правильно сказать *без всяких затруднений*). Такими же избыточными и неправильными являются выражения *без никого, без ничего*.

Обратное словообразование

А. Г. Лыков,
доктор филологических наук

Обратное словообразование очень необычно и во многом неясно как в самом существе, так и в границах распространения. Его и называют разные авторы по-разному: обратное разложение, усложнение основ, редеривация, реверсия, регрессия, регрессивная деривация, рекомпозиция, дезаффиксация, декомпозиция.

Важнейшим свойством словообразования является необратимый, однонаправленный (цепочный) характер следования так называемых деривационных шагов, то есть последовательно идущего друг за другом появления одного слова на базе другого. В результате получаются словообразовательные цепи, состоящие в русском языке чаще всего из трех-четырёх звеньев, реже из пяти-шести и еще реже из семи. Так, от слова *мысль* полная цепь примет вид из шести звеньев — последовательно усложняющихся производных слов: *мысль* — (*мысл*)-*и-ть* — *с-(мысл-и-ть)* — *с-мысл* — *о-(с-мысл)-и-ть* — *пере-(о-с-мысл-и-ть)* — (*пере-о-с-мысл-и-ть*) — *ся*. При этом каждое следующее слово в формальном и смысловом отношении более сложное, чем предшествующее; обратное невозможно. Это обычное словообразование.

При обратном же словообразовании происходит (точнее, представляется происходящим) все наоборот. Здесь необходимы пояснения. Язык не только очень сложен, но и противоречив в разных аспектах его рассмотрения: между его историческим прошлым и современным состоянием, между старыми (а также устаревшими) и новыми нормами, между формой каких-либо его единиц (например, слов) и их значением, между их структурой и функцией и т. д. Так, например, слово *сотрудник* образовано в древнерусском языке посредством приставки *со-* и слова *трудник*, имевшего значение «работник, трудящийся». Реальными раньше в языке были такие откошения: *труд* — *труд-и-ый* (в значении «относящийся к труду, работе») — *труд-и-ик* — *со-труд-и-ик* («коллега»).

К нашему времени в этой цепочке исчезли из языка два средних звена: *трудный* (это слово по смыслу изменилось и приобрело другое значение: «тяжелый») и *трудник*. Значит, для современных носителей русского языка слово *сотрудник* — вопреки исторической правде его действительного происхождения — представляется образованным от слова *труд* посредством префиксально-суффиксального способа: *со-(труд)-ник*. Здесь противоречие между диахро-

нией (историческим прошлым) и синхронией (современным состоянием) языка.

Однако противоречие в языке может быть и на одном уровне. Яркий пример тому — обратное словообразование, которое потому и называется обратным, что в нем последовательность создания слов в словообразовательной цепочке переставляется местами и дается как бы наоборот. По этой причине в обратном словообразовании производное слово кажется образованным раньше своего производящего и в структурном отношении действительно является более простым по сравнению с ним.

Для большей ясности приведем примеры, наглядно показывающие «технику» обратного словообразования. Отметим, что фактор аналогии играет большую роль во всех словообразовательных процессах: любое образуемое слово строится по какому-то уже существующему образцу и структурно так или иначе в чем-то похоже на какое-то другое, уже существующее в языке производное слово. Возьмем исходную словообразовательную цепочку, состоящую в полном виде из трех звеньев: *нить — нитка — ниточка; сеть — сетка — сеточка; книга — книжка — книжечка*.

Однако целый ряд цепочек данного типа имеет ущербный вид, то есть не полный набор всех трех звеньев, а с отсутствием какого-либо одного — первого или второго — звена. Так, в цепочке *кнопка — кнопочка* отсутствует первое звено, которое по аналогии с полным видом цепочки приобретает форму «кнопа»; в цепочке *лампа — лампочка* отсутствует среднее звено «лампка».

Итак, ущербные цепочки с реконструированными первым и вторым звеньями выглядят следующим образом: 1) «кнопа» — *кнопка — кнопочка*, «улыба» — *улыбка — улыбочка*; 2) «звезда» — *звездочка, лампа — «лампка» — лампочка*.

Обратим внимание на звенья, которые мы взяли в кавычки. Эти звенья есть не что иное, как окказиональные слова-редериваты (слова, созданные посредством обратного словообразования, называют редериватами).

Из всего сказанного можно видеть, что условия для появления редериватов в русском языке очень специфичны, а потому и возникают они в речи крайне редко.

Необычность сравнительно нового слова *дояр* (появившегося не ранее 60-х годов XX века) заключается в том, что оно образовано от *доярка*. Тем не менее оно не осталось окказионализмом, а вошло во всеобщее употребление, утратило экспрессивность и стало фактом языка: с появлением в нашем сельскохозяйственном производстве мужской профессии, обслуживающей доение, возникла и необходимость в соответствующем наименовании, созданном

по «обратной аналогии» с парами: *школяр — школярка, юбиляр — юбилярка*.

В силу своей отмеченной исключительности и редкости проявления обратное словообразование следует отнести к самой периферийной зоне русской словообразовательной системы. Поэтому данное явление не поддается привычной классификации или характеристике. Оно простирается в зоны разных способов — и в префиксацию (*неуклюжий — «уклюжий»*), и в суффиксацию (*щенок — «щен»*), и в сложение (*телевидение — «телевидеть»*). Однако бесспорно, что механизм обратного словообразования держится на морфологической (аффиксальной) базе. Оно не нашло себе места в наших нормативных грамматиках.

В русистике для понятия «обратное словообразование» нет сопоставительного противопоставления в виде термина «прямое словообразование» или иного названия. Главной сферой употребления слов, созданных обратным словообразованием, является художественная (прежде всего стихотворная), разговорная и отчасти газетно-публицистическая речь (см.: Улуханов И. С. Обратное словообразование.— Русская речь, 1977, № 2). Изобразительная сила таких слов с достаточной полнотой и глубиной воспринимается, как правило, во всем контексте не только данного произведения, но и нередко в контексте породивших его социальных обстоятельств и даже целой эпохи.

В четвертой части поэмы В. Маяковского «Хорошо!» под «усастой пняей» имеется в виду Милюков — один из главарей и идеологов российской буржуазной контрреволюции. В гротескно-сатирическом плане здесь показано, как он опекает Е. Д. Кускову, влюбленную в «Сашку» и «душку» Керенского:

Ее
утешает
усастая пняя,
видавшая виды,—
Пе Эп Милюков.

Затем Милюков обращается к плачущей Кусковой, чтобы, наконец, узнать, в кого же она влюблена:

Смахнувши
слезы
рукавом,
взревел усатый пняй:
— В кого?
Да говори ты нараспашку! —
«В Керенского...»
— В какого?
В Сашку? —

В первом случае Милюков назван *усастая няня*, а во втором — после такого как бы «предваряющего» наименования — более остро и экспрессивно: *усатый нянь* (см. также: Воробьева Т. Б. Переписка с Маяковским. — Русская речь, 1980, № 1).

Маяковский в письме к Л. Брик использует слово *обезьян*: «...от Краснодара до самого Баку ехал с нами в поезде большой престарелый обезьян. Обезьян сидел в окне и все время жевал».

Хорошо известно слово *свин* — от окказионализма *свиенок*, образованное самим же Маяковским:

Знай,
любой ребенок:
вырастет
из сына
свин,
если сын —
свиенок.

Что такое хорошо и что такое плохо

Вот пример из газеты: «Чудо происходило на моих глазах. Золушка превращалась в принцессу. Как в сказке, в этом превращении участвовала и волшебная палочка, и, конечно, фея, вернее „фей“ — Валерий Тихонов...» (Комс. правда, 1968, 27 марта). Тут же попутно отметим, что наименования лиц типа *кума, раба, маркиза, инфанта, теща, Валентина* являются производными от *кум, раб, маркиз, инфант, тещь, Валентин*. Образующим средством здесь выступает элемент *-а*, выполняющий сразу функции окончания и суффикса. Поэтому *фей, обезьян* образованы от *фея, обезьяна*.

В песне композитора Д. Тухмапова на слова поэта А. Понеречного «Соловьиная роща» есть кундет:

Там, на тонких розовых ветвях,
В зарослях черемухи душистой
Соловей российский, славный птах,
Открывает песнь свою со свистом.

Художественное преобразование *славной птахи* в *славного птаха*, конечно же, вызывает много различных эстетических ассоциаций, которые в известной своей части могут быть и сугубо индивидуальными. Но некоторые из них будут, вероятно, сквозными, «обязательными»: это прежде всего традиционная и много раз воспетая любовь русского человека к соловью, которая здесь сопровождается озорной изящной шуткой, словесной игрой; это и гимн весне, и пробуждающейся природе, это и радость жизни... Здесь нарочитая, как бы печальная «неправильность» слова *птаха*

становится художественным образом и тем самым приобретает в контексте песни самостоятельную изобразительную ценность.

В стихотворении А. Вознесенского «Новый год в Риме» встречаем *тарел* (от *тарелка*):

А над площадью Испании,
как летающий тарел,
вылетает муж из спальни —
устарел, устарел!

У людей, хорошо чувствующих язык, в разговорной речи может иногда встречаться намеренное — с определенной экспрессивной установкой — употребление слов типа: *избежный, навизу, лелый, лога, мех* и т. п., образуемых соответственно от нормальных слов *неизбежный, ненавижу, нелепый, ложка, мешок*.

В чем же особенность слов, образованных посредством обратного словообразования? Во-первых, они являются производными (образованными от других слов), а также в подавляющем большинстве случаев окказиональными, то есть созданными «по случаю» отдельным лицом, они не входят ни в обычные нормативные словари, ни во всеобщее употребление. Во-вторых, производность этих слов носит особый, уникальный характер, отличающий их от остальных пропозодных слов. В-третьих, данные слова эмоционально окрашены, исключая единичные случаи, когда у этих слов экспрессивность отсутствует (например, слово *дояр*, образованное от *доярка*, является нейтральным). Наконец, в-четвертых, в силу названных особенностей эти слова имеют некоторые специфические черты их употребления в речи.

Обратное словообразование во всей его цельности и полноте у нас еще не изучено, его факты в достаточной мере не обобщены и не систематизированы. Но бесспорно одно: русские редериваты занимают хотя и не самое главное, по все же заметное место в огромном арсенале изобразительных средств великого русского языка.

Краснодар

Алексей Федорович Ефремов

1887—1966

Видный советский языковед, доктор филологических наук, профессор А. Ф. Ефремов родился 18 февраля 1887 года в деревне Плюсково Калужской губернии. В 1911 году он окончил Историко-филологический институт в Петербурге, затем преподавал русский и латинский языки в гимназии. После Великого Октября Алексей Федорович продолжил преподавательскую работу в Саратовском университете, затем в Коммунистическом университете, а с 1932 года — в Саратовском пединституте, где длительное время возглавлял кафедру русского языка. Научная, педагогическая и общественная деятельность А. Ф. Ефремова была многогранной и плодотворной. Советское правительство высоко оценило его заслуги, наградив орденами Ленина, Трудового Красного знамени и «Знак почета» (подробнее о жизни и деятельности ученого можно прочитать: Воробьев В. П., Сердобинцев Н. Я. Алексей Федорович Ефремов. — Очерки по русскому языку и стилистике. 1967).

А. Ф. Ефремов вошел в историю советской науки прежде всего как оригинальный исследователь языка и стиля произведений художественной литерату-

ры и публицистики, истории и теории русского литературного языка, стилистики, культуры речи, диалектологии, методики преподавания русского языка в высшей и средней школе. Расскажем о некоторых сторонах его научной деятельности.

Большое количество работ А. Ф. Ефремова посвящено изучению языка и стиля русских писателей XIX столетия, среди них: Язык и стиль романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; Язык и стиль повеллы М. Ю. Лермонтова «Тамань»; Украинизмы в произведениях Н. В. Гоголя; Язык и стиль этюда И. А. Гончарова «Сон Обломова»; Специфика языка и стиля И. С. Тургенева в романе «Отцы и дети»; Областная лексика в повести Л. Толстого «Казак» и многие другие. А. Ф. Ефремов дал прекрасные образцы лингвостилистического анализа этих произведений.

Ученый неоднократно подчеркивал, что язык и стиль художественного текста тесно связаны с мировоззрением автора, с его видением мира, вкусами и привычками. Языковые факты интересны не только сами по себе, но и с их функционально-стилистической стороны, их надо изучать в историческом разви-

тни; они помогают глубже проникнуть в специфику творчества писателя, в смысл его произведений, в их социальное назначение (см.: Ефремов А. Ф. Очерки по изучению языка и стиля писателей. В помощь учителям и студентам-филологам. Саратов, 1966). Тот, кто изучает язык художественного произведения, по мнению А. Ф. Ефремова, должен быть не только языковедом, но и в какой-то мере литературоведом. Сам ученый имел основательную лингвистическую и литературоведческую подготовку. Его публикации на эту тему, как правило, невелики по объему, однако за их краткими выводами, обобщениями всегда стоит большая исследовательская работа. Стиль статей Алексея Федоровича характеризуется простотой, ясностью, необыкновенной живостью, большим литературным мастерством.

Важное место среди работ А. Ф. Ефремова занимают исследования языка и стиля великих русских революционных демократов. Глубоко и серьезно ученым был сделан анализ «Письма к Гоголю» В. Г. Белинского. А. Ф. Ефремов писал: «...В. Г. Белинский со всем пылом своего революционного темперамента не только раскрывает ошибочные реакционные взгляды Гоголя — „ложь“, „дичь и нелепость“, но и, главное, обличает самодержавно-крепостнический строй... Острая мысль и горячее чувство революционного демок-

рата определили основной тон памфлета — негодующий, доведенный до высшей степени напряжения, а также саркастический и эмоционально-экспрессивный характер памфлетного стиля „Письма“. Эта специфика стиля памфлета создается различными языковыми средствами, подобранными в соответствии со взглядами и настроением автора и объединенными в единую, целостную, строго организованную систему» (Очерки по изучению языка и стиля писателя). А. Ф. Ефремов подчеркивает простоту и страстность, характерные для публицистического стиля гениального критика.

Многие годы жизни А. Ф. Ефремов отдал изучению творческого наследия Н. Г. Чернышевского. Этому была посвящена докторская диссертация ученого (защита в 1947 г.). В 1951 году в серии «Ученые записки Саратовского пединститута» вышла монография «Язык Н. Г. Чернышевского», в которой рассмотрено своеобразие лексической и фразеологической системы, морфологической системы, морфологического и синтаксического строя произведений публициста. Это сделано на фоне языковых особенностей литературы его современников и предшественников. Не все здесь, конечно, удалось А. Ф. Ефремову осветить безошибочно и с одинаковой глубиной. Следует, однако, заметить, что до сих пор нет

другого такого обстоятельного труда о языке и стиле этого учебного-энциклопедиста, мастера публицистического и художественного слова.

А. Ф. Ефремов обращался к языку Н. Г. Чернышевского и в последующие годы. Представляют интерес его две статьи: Стиль полемики Н. Г. Чернышевского («Полемические красоты») и Речевые средства построения образа «особенного человека» в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (см.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961. Т. 2; 1965. Т. 4). Сила полемики Н. Г. Чернышевского, подчеркивает А. Ф. Ефремов, основывалась не только на правильном понимании событий, глубине их анализа, чувстве современности, искусстве ведения спора, но и на высоком мастерстве в использовании богатств русского языка. Изучив особенности языка и стиля произведений революционных демократов, А. Ф. Ефремов отмечал наличие традиций, идущих к языку и стилю трудов и устных выступлений В. И. Ленина: «Связь стиля Ленина, стиля большевистской печати с стилем Чернышевского несомненна, но она сказалась не в формальной связи. Она глубже — в языковых принципах: в социально-политической заостренности языка, в прямоте и суровости, в конкретности, точности выражения и в особых приемах расчленения речи, в письме „без выкру-

тас“ и „гелертерства“, без орнаментики, высокопарности и эфемистичности, в сближении литературно-книжного стиля с разговорным и т. д.» (Язык Н. Г. Чернышевского).

А. Ф. Ефремовым написаны несколько учебников и учебных пособий для школ: Русский язык (для совнаршкол). Саратов, 1930; Русский язык (для школ взрослых). Саратов, 1931 и др. Ученый был автором научно-популярных брошюр и статей о русском языке, о его изобразительно-выразительных возможностях, о воспитании речевой культуры молодежи. Настоящим гимном великому русскому языку является его работа «В чем богатство русского языка», вышедшая отдельным изданием в Саратовском книжном издательстве в 1963 году. Здесь ученый подчеркивал, что богатство и сила русского языка в его словаре, насчитывающем

несколько сотен тысяч слов, в обширнейшем фразеологическом фонде. Эта сила в его словообразовательных возможностях, в гибкости и динамичности морфолого-синтаксического строя и т. д. Названная работа А. Ф. Ефремова заканчивается призывом, который звучит актуально и в наши дни: «Мы должны дорожить этими несметными богатствами, накопленными в течение многовековой истории русского народа. Дорожить и всегда всюду подчеркивать высокие качества, преимущества и своеобразие

нашего „гибкого, чарующего, волшебного языка“ (Тургенев)».

Отмечая 100-летие со дня рождения А. Ф. Ефремова, мы с полным основанием можем сказать, что творческое наследие ученого живо и своими устремлениями связано неразрывными нитями не только с миновавшим, но и сегодняшним, и грядущим днем.

Ю. С. Воронов,

доктор филологических наук,

М. В. Черепанов,

доктор филологических наук,

Саратов

КОРОТКО О КНИГАХ

Как слово отзовется

Так названа книга, выпущенная в 1986 году Южно-Уральским книжным издательством (Челябинск, 1986). Ее автор — доцент Челябинского университета Л. А. Шкатова — руководит межвузовской лабораторией устной речи, много лет ведет беседы о культуре русской речи по областному радио и телевидению. В основу публикации положены письма читателей и слушателей. В книге рассказано о девяти беседах. Назовем только некоторые из них: Великий и могучий...; Культура речи: Речевой этикет; Есть еще Эллочки — Людоедки; Искусство говорить и писать. В качестве иллюстративного материала автор приводит интересные примеры из разных источников — художественной литературы, газет, устной речи.

Книга учит культуре речевого поведения, показывает типичные нарушения норм литературного языка и пути их устранения.

Сергей Иванович Котков

1906—1986

Крупный специалист в области диалектологии, истории русского языка и исследования памятников древней и старорусской письменности Сергей Иванович Котков родился 2 октября 1906 года в городе Тейкове Ивановской области. Трудовую деятельность он начал в 1924 году: работал в редакциях газет «Рабочий край» и «Смычка», заведовал агитационно-пропагандистским отделом Укома комсомола и рабочим читальным клубом, был учителем русского языка и обществоведения; вел большую научную и научно-организационную работу в учительских институтах Таганрога и Орехова-Зуева, в Орловскомединституте и др.

В 1937 году Сергей Иванович окончил Московский городской педагогический институт; в 1943-м защитил кандидатскую диссертацию «Словообразование имен существительных у Маяковского», а в 1952 году докторскую — «Говоры Орловской области (фонетика и морфология)».

С 1954 года деятельность ученого неразрывно связана с Институтом языкознания, затем Институтом русского языка АН СССР, где он был заместителем

директора Института, а с 1958 года до последних дней заведовал сектором лингвистического источниковедения и исследования памятников языка (до 1968 г. — сектор библиографии, источниковедения и издания памятников).

Сергей Иванович — создатель нового направления в филологии — лингвистического источниковедения. Многие его работы, основанные главным образом на изучении старинной русской письменности, с большой остротой ставят вопросы, связанные с решением кардинальных проблем русистики: становление русского литературного и национального языков, формирование московского койне — говора Москвы, послужившего основой устной разновидности русского литературного языка.

С. И. Коткову принадлежит более 100 научных трудов в области истории русского языка и диалектологии, в том числе ряд монографий. Большому комплексу проблем, касающихся южно-великорусского наречия, посвящены книги «К изучению орловских говоров» (1952), «Южно-великорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфоло-

гия)» (1963), «Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков» (1970), «Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века» (1986, в соавторстве с З. Д. Поповой). Проблемы становления русского национального языка исследованы в книге «Московская речь в начальный период становления русского национального языка» (1974); теоретические вопросы лингвистического источниковедения — в книге «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» (1980).

В монографических трудах С. И. Коткова представлены наиболее сложные проблемы истории русского языка. Изучение их потребовало не только совершенствования методов историко-лингвистического исследования, но и вовлечения в научный оборот богатейших фондов старинной письменности, хранящихся в архивах СССР.

При деятельном участии Сергея Ивановича и под его руководством впервые в лингвистическом воспроизведении были изданы важнейшие древнерусские рукописи, имеющие также общеславянское значение: «Изборник 1076 года» (1965), «Синайский патерик XI—XII веков» (1967), «Успенский сборник XII—XIII веков» (1971), «Выголекшпский сборник XII века» (1977), «Назиратель XVI века» (1973), совместно с историками — «Акты рус-

ского государства. 1505—1526 гг.» (1975).

Также впервые осуществлено издание скорописных текстов XVI—XVIII веков, представляющих обширную деловую письменность, изучение которой необходимо при решении многих вопросов истории русского языка. Без знания же московской деловой письменности этого периода нерациональна разработка проблемы, много лет занимавшей Сергея Ивановича, — становления и развития русского национального языка и его наиболее совершенного ядра — литературного языка.

Сектор осуществил ряд изданий скорописных текстов, составивших определенные серии источников деловой письменности. Среди них следует выделить памятки публицистического жанра: «Вести-Куранты» (четыре книги 1600—1650 гг.), послужившие прообразом газет Петровской эпохи и русской периодики вообще; цикл публикаций московской письменности, представленной в двух книгах — «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» (1968) и «Памятники московской деловой письменности XVIII века» (1981). Осталась незавершенной книга «Московская деловая письменность XVI века». До последнего дня своей жизни Сергей Иванович работал над этой книгой, считая московские деловые тексты важ-

нейшим звеном в формировании койпе.

Значительное число изданных источников составляют южновеликорусские тексты — «Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги» (1977), «Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги» (1982), «Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край» (1978), без учета материалов которых неосуществимо решение проблемы развития языка великорусской народности в русский национальный язык. Из северновеликорусских памятников можно указать «Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край» (1984). Всего издано 20 томов письменных памятников прошлых веков.

Рукописные тексты древности труднодоступны для исследователей, они сложны и для прочтения. В секторе были разработаны «Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности» (1961), позволяющие представить древние и старорусские рукописные тексты в удобном для изучения виде без нарушения точности передачи отдельных слов и букв оригинала. Этим правилам следовали и публикаторы русских скорописных памятников за рубежом. Так, в Англии издано по этим правилам сочинение Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»; в сбор-

никах по лингвистическому источниковедению из архива г. Упсалы (Швеция) опубликованы новгородские документы XVII века, отражающие деятельность купца В. Кисельникова; из архива Гамбурга (ФРГ) — некоторые материалы вотчинного собрания князей И. Д. и П. Д. Пожарских (XVII в.).

Сектором (под руководством и при участии С. И. Коткова) подготовлено и опубликовано более полутора тысяч документов и материалов частной переписки — грамоток: «Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века» (1964), «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия» (1965), «Грамотки XVII — начала XVIII века» (1969). Письма-грамотки являются незаменимым источником при изучении различных проявлений живого

языка, отраженных в письменности.

Публикации текстов XVI—XVIII веков с большой полнотой представляют русские скорописные материалы, делают их доступными для широкого круга читателей и исследователей, вводят в научный оборот новые факты, необходимые для дальнейшего изучения истории русского языка.

Сергей Иванович намеревался написать книгу о формировании русского национального языка. Он начал работу над этой темой, в журнале «Вопросы языкознания» успел напечатать статью «Источниковедческие вопросы истории русского языка» (1986, № 4). Он хотел привлечь к исследованию богатейший запас старинной письменности. Едва ли в наши дни в лингвистике можно найти ученого, равного С. И. Коткову по знанию материалов старорусской письменности. А московская деловая письменность XVI—XVIII веков представлялась Сергею Ивановичу особенно важной для такого исследования. Работа была еще впереди: в пишущей машинке остался недопечатанный лист... — он работал еще в день смерти (14 сентября 1986 г.).

С. И. Котков внес в науку о русском языке новые идеи — источниковедческий подход к исследуемому материалу. Он раскрыл перед лингвистами возможности рассмотрения от-

дельных явлений языка во взаимосвязи с общим характером памятника, его содержанием, целевым назначением. Сергей Иванович придавал большое значение связи того или иного явления с социальной принадлежностью автора-писца, отсюда и большое внимание к текстам, написанным одним писцом. В своих изданиях, где была возможность, ученый приводил списки писцов, что чрезвычайно важно для характеристики различных сторон языка.

С. И. Котков был вдохновителем и непосредственным участником сборников, посвященных исследованию различных вопросов лингвистического источниковедения. При его жизни вышло в свет 13 сборников. Последний из них — «Лингвистическое источниковедение и история русского языка» — был подготовлен в честь восьмидесятилетия ученого.

Вся жизнь Сергея Ивановича — яркий пример самоотверженного труда. Много сил и знаний ученый отдавал научно-организационной работе: был членом редколлегий «Словаря русского языка XI—XVII вв.», «Актов русского государства», журнала «Русский язык в школе», членом ученых советов ряда институтов, научного совета Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), где в свое время занимался изучением рукописей. В 60—70-е годы С. И. Котков являлся

членом экспертной комиссии ВАК, затем — председателем этой комиссии. У Сергея Ивановича было много учеников и последователей; он подготовил более 30 кандидатов наук.

С. И. Котков был убежденным коммунистом-ленинцем, честным и принципиальным ученым: при решении любого вопроса исходил прежде всего из интересов дела. Ни один историк русского языка не сможет пройти мимо трудов С. И. Кот-

кова, не сможет создать в полной мере достоверного исследования без знания источников, изданию которых Сергей Иванович так много уделял внимания, без тех положений, на которые он опирался в своем верном служении науке о русском языке.

А. И. Сумкина,

кандидат филологических наук,

Н. И. Тарабасова,

кандидат филологических наук

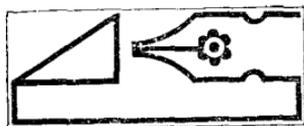
В 1987 году научная общественность отмечает 175 лет со дня рождения выдающегося ученого-лингвиста и педагога, академика И. И. Срезневского и 75-летие со дня выхода в свет главного труда его жизни — «Материалов для словаря древнерусского языка».

В следующем номере журнала будут опубликованы статьи, посвященные этим замечательным событиям. В публикации доктора филологических наук Г. А. Богатовой освещаются некоторые стороны научной и общественной деятельности И. И. Срезневского.

Ученый не успел окончить всю работу над словарем, ее продолжили и завершили дети Измаила Ивановича. Благодаря их самоотверженному труду Академия наук закончила издание «Материалов для словаря древнерусского языка» в трех томах к 100-летию со дня рождения И. И. Срезневского (в 1912 г.). Доктор филологических наук Н. А. Мещерский расскажет о жизненном и творческом пути Ольги Измайловны Срезневской, старшей дочери И. И. Срезневского, ставшей первой женщиной-филологом членом-корреспондентом АН СССР, а также о младшем сыне — Всеволоде Измайловиче, члене-корреспонденте АН СССР, археографе, библиографе и историке русской литературы.

Обратно...

О. А. Радутная

Как указано в нормативных толковых словарях русского языка, наречие *обратно* имеет значение «назад, в обратном направлении». Однако в современном просторечии нередко наблюдается неправильное с точки зрения норм литературного языка употребление этого наречия: «Обратно идет дождь»; «Обратно заговорило радио»; «Он обратно поймал большого карася». Подобные выражения воспринимаются нами как забавные алогизмы, вызывают улыбку и иногда шутливое подражание. Можно легко заметить, что наречие *обратно* в таких конструкциях имеет не пространственное значение — «назад», а временное — «снова, опять». Когда говорят: «Он обратно смеется», имеют в виду: «Он опять (снова) смеется». Таким образом, *обратно* при его ненормативном употреблении в современном просторечии по смыслу становится синонимичным наречиям *снова, опять*.

Как же развилось это значение в наречии *обратно*?

В древнейших памятниках письменности для указания на направление, противоположное предшествующему движению, широко использовалось наречие *опять*, которое непосредственно связано с исходным *пята* (пятка). Употребление *опять* в значении «назад, обратно» отмечается в рукописях на протяжении XII—XVII веков: «Идете опять, яко отци наши сего не приняли суть» (Новость временных лет, 1377 г.). Примеры встречаем в «Материалах...» И. И. Срезневского, в словарях М. Фасмера, А. Г. Преображенского, В. И. Даля.

Но вместе с тем в текстах летоисей, деловых документов отмечается не менее частое употребление *опять* в значении «снова, вновь»: «А с вами, оже даст бог, опять видимся и поговорим» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, 1494 г.).

Таким образом, в зависимости от контекста наречие *опять* могло служить для выражения как пространственных, так и временных отношений.

Наречие *обратно*, восходящее к прилагательному *обратный* (образование старославянского по происхождению *обратитися* — «возвратиться»), вероятно, существовало в русском языке издавна, но не попадало в сферу письменного языка. Первая фиксация это-

го наречия относится к XIII веку: «А не захотят по своей воле новгородцы ехать обратно с кораблями...», «А лодману, нанятому на проезд вниз по реке и обратно вверх, получать на прокорм 5 кун» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1269 г.). Позднее *обратно* встречаем в сатирических произведениях, тексты которых ориентированы на устную традицию: «И поехал он в лес далече по дрова, и думает, чтобы *обратно* быть в тот же день» (Повесть о Шемякином суде, XVII в.). Но эти случаи настолько редки, что паречье *обратно* не отмечено в «Материалах...» И. И. Срезневского, не зафиксировано и словарями XVII века (П. Беринды, Ф. Поликарпова), что объясняется его неширокой употребительностью в книжном стиле.

Активизация наречия *обратно* наблюдается в XVIII веке. В значении «назад, в обратном направлении» оно впервые официально зарегистрировано в Лексиконе российском и французском 1762 г. Затем его последовательно приводят Российский Целларнус 1771 г., Словарь Нордстета 1782 г., Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г. и первый академический словарь русского языка — Словарь Академии Российской (1789—1794). Наречие *обратно* начинает широко употребляться в различных жанрах литературы, особенно в светских повестях: «И те девицы пошли их провожать до тех покосов и обратно пошли в веселы покои» (История о российском дворянине Фроле Скобееве, XVII в.); «И как в Англию с кораблями пришли, то товары по обычаю по купецкому объявя все и спродав... и поехал обратно» (История о российском матросе Василии Кориотском, XVIII в.).

Наряду со своим основным значением — указанием на направление действия — у наречия *обратно* в этот период отмечается отенок «в ответ на...»: «Поздравить [кого] обратно» (Словарь Нордстета); «Тебе неоднократно Угодно угождать; Да будет и обратно Сердца от нас взимать» (Тредиаковский. Ода VI).

В то же время в разговорной речи происходит некоторый сдвиг в восприятии этого наречия. Оно начинает функционировать со значением «противоположно, наоборот», что находит отражение в языке художественной литературы: «Россиянину легко понять горюхи́нца и обратно» (Пушкин. История села Горюхина). Новую характеристику с пометой «разговорное» находим в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, в 17-томном и в 4-томном академических словарях русского литературного языка. Но широкое использование наречия *обратно* в значении «наоборот» в научной и публицистической речи сделало очевидной ограниченность этой пометы. Например: «...все авантюры греческого романа обладают переместимостью: то, что происходит в Вавилоне, могло бы про-

исходить в Египте или Византии и обратно» (Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975). Кроме того, слово приобретает оттенок «назад, на прежнее место»: «Пишут, что изобрели способ вынимать больной зуб, лечить его с помощью химии, а потом вставлять обратно» (Аврора, 1985, № 4).

В просторечии большую активность получило слово в значении «снова, опять»: «Класс обратно зашумел»; «У вас обратно праздник»; «Моего размера обратно нет в продаже». О том, что в «просторечии утвердилось словечко *обратно* — с безумным значением „опять“, — написал К. И. Чуковский в книге «Живой как жизнь»: «Помню, когда я впервые услышал из уст молодой домработницы, что вчера вечером пес Бармалей „обратно лаял на Мари-пу и Тату“, я подумал, будто Марина и Тата первые залаяли на пса». Подобные примеры приводятся авторами сборника «Городское просторечие» (М., 1984): «Он обратно за свое взялся»; «Наша соседка обратно девочку родила». Такое употребление наблюдается и в русских говорах, которые служат исходной базой просторечия: «— А сегодня мы опять говорили по телефону.— Обратно говорили?»

Употребляясь в художественной литературе, *обратно* в этом значении служит выразительным средством речевой характеристики персонажей: «...он выговорил осипло: — Не приставайте, свидетели есть! — И ткнул пальцем в сторону обомлевшей машинистки.— Обратно избить хотите?» (Бондарев. Игра); «Айда на почту! — Только дверь не захлопывай, — предупредил Родя.— Чтобы обратно не звонить...»; «...а мы-то ведь от лагеря отказались. Думали, что в космос улетим, и отказались. Надо бежать в школу, чтобы обратно записали» (Осипов. Лунатики); «Таня листала записную книжку.— Маша Скворцова — не надо. Алексей Петров — обратно не надо» (Тараканова. Живая рыба).

В толковых словарях отсутствуют какие-либо нормативные характеристики, а словари-справочники (Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Под редакцией К. С. Горбачевича. Л., 1973; Правильность русской речи. Сост. Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов. Изд. 2-е. М., 1965) сопровождают наречие *обратно* в его особом значении «снова, опять» пометой «неправильно».

Употребление наречий *опять* и *обратно* в памятниках древнего русского языка и в текстах более нового времени позволяет проследить их одинаковое развитие — от значения «назад» к значению «снова». В слове *опять* этот процесс давно завершился, а в наречии *обратно*, в силу его отнесенности в значении «снова, опять» к непорнированной речи, приостановился. Этим, вероятно, объясня-

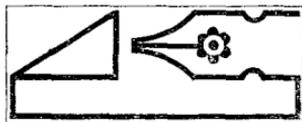
ется тот факт, что функционирование *обратно* во временном значении ограничено стилистическими рамками.

В заключение подчеркнем, что наречие *обратно* в значении «снова, опять» стало ощущаться как яркая черта сниженной (неграмотной) речи. Иными словами, социально-стилистический аспект нормы возобладавал здесь над «объективно-историческим».

Ленинград

От лилейного цветка к лилейному челу

Л. И. Борох

Слово *лилейный*, образованное от существительного *лилия* (устар. *лилея*), еще не так давно имело значение «относящийся к лилии». Это зафиксировали словари и книги двухсотлетней давности.

Словосочетание *лилейный цветок* находим в литературе начала XVIII века: «Сей крест на трех своих концах зделан формой цветов лилейных» (А. Шхонбек. История о орденах и чинах воинских. М., 1710, с. 149). Слово *лилейный* в этом значении отмечено в Лексиконе Вейсмана (СПб., 1731), Российском Целлариусе (СПб., 1771), в словарях XIX века, например в Толковом словаре В. И. Даля.

Сейчас в этом значении (относящийся к лилии) его употребит только специалист-ботаник. Мы же вспомним это слово благодаря А. С. Пушкину: «Вокруг лилейного чела ты косу дважды обвила»; и М. Ю. Лермонтову: «Лилейная рука тебя мне поднесла в знак памяти в минуту расставанья». Прилагательное *лилейный* мы употребляем в значении «белый и нежный, как лилия». Красивый, но безнадежно устаревший эпитет. Впрочем, устарел он, вероятно, едва успев родиться. Вспомним, сколько раз прибегала поэзия к подобному рода сравнениям. Против этой хрестоматийной традиции протестовал еще В. Шекспир, когда писал: «Ее глаза на звезды не похожи, Нельзя уста кораллами назвать...»

Эпитет *лилейный* не избегал общей участи. Его изысканность, традиционность ощущалась уже во времена А. С. Пушкина. Чита-

ем у Гоголя в «Ревизоре». Хлестаков — Марье Антоновне: «Какой у вас платочек! Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку».

По судьба эпитета *лилейный* в русской литературе — это уже другая история. Нас же будет интересовать путь слова из словосочетания *лилейный цветок* в словосочетание *лилейная рука*, или, строго говоря, процессе «окачества» относительного прилагательного. В этой динамике значения, как в зеркале, отразились существенные изменения, пережитые некоторыми русскими прилагательными.

Слово *лилейный* в том первом его значении появилось в русском языке в начале XVIII века в связи с переводами из немецкого языка. Сложное нем. *Lilienstengel* было переведено как *лилейный стебель*. Подобные словосочетания, например *кокосный орех*, *цитрунное дерево* — одна из примет языка XVIII века. Они активно пополняли терминологию. Относительное прилагательное *лилейный* и сейчас употребляется только в терминологии.

Возникновению таких прилагательных в подобных словосочетаниях, пусть даже связанных с переводческой деятельностью, способствовали словообразовательные возможности русского языка того времени. В истории языка суффикс *-н-* был способен образовывать имена прилагательные, которые сейчас, в современном языке не употребляются и заменяются в предложении зависящими существительными в форме родительного падежа. Чаще всего сочетания с такими прилагательными обозначали принадлежность или часть от целого. Примеры из произведений XVIII века: *павлинное перо*, *пчельная матка*, *ручные пальцы*, *стадный пастух*, *циркульная нога* и другие. Подобные примеры встречаются и в языке предшествующего периода. Прилагательные с суффиксом *-н-* долгое время использовались в русском языке для передачи предметных отношений (См. об этом в книге Н. П. Зверковской «Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI—XVII вв.». М., 1966).

Дальнейшая их судьба была различной. В русском языке XIX века происходили значительные изменения: прилагательные, образованные с помощью суффикса *-н-*, утратили способность замещать родительный падеж производящего слова. Словосочетания, подобные приведенным выше, заменились сочетаниями двух существительных (ср. *ручные пальцы* — *пальцы руки*). Но сами прилагательные при этом не обязательно должны были исчезнуть из языка. Некоторые из них могли развить новые, качественные значения (ср. *стадо* и образованное от него *стадный* — «неорганизованный»).

Так в истории языка развили качественные, переносные зна-

чения прилагательные *бедный, мирный, умный* (См. Н. П. Зверковская, указанная работа, с. 27). При этом большую роль играет наличие переносных значений в самом производящем слове. И поскольку оно может иметь несколько значений, то и производное от него прилагательное может совмещать качественное и относительное, «предметное», значения. Такое сосуществование могло быть очень устойчивым. Например, у прилагательного *умный* наряду с привычным для нас качественным значением на протяжении долгих веков сохраняется и относительное. Даже и в недалеком XVIII веке Н. Посошков употребляет словосочетание *умная острога*, а не привычное для нас *острога ума*.

В прилагательном *гневный* еще в XVIII веке мирно уживались два значения: качественное (*гневный человек*) и относительное (*гневные узы*): «Человек чину свободного *гневными* узами окован быть не должен» (Грациан, придворный человек. СПб., 1742, с. 64). Прилагательные, словообразовательно связанные с однозначными существительными, не получили таких творческих возможностей, поэтому остановились в своем развитии и — исчезли из языка.

Изменения словообразовательных возможностей суффикса *-и* и развитие качественных значений у прилагательных с этим суффиксом привели к тому, что стали невозможными были словосочетания: *лилейный цветок, ручной перст, стадная собака, грамотная земля* (в древнерусском языке *грамотный* значило «принадлежащий на основании документа, грамоты»). Но прилагательное *лилейный* и в качественном значении не закрепляется в языке. Своим значением «белый и нежный, как лилия» оно обязано литературной традиции, поэтому быстро попадает в орбиту притяжения хрестоматийных «цветочных» эпитетов и не удерживается в вечно обновляющейся системе поэтических выразительных средств.

Точно обозначить временную границу в изменении словообразовательных типов и значения прилагательных трудно. Ограничены ли эти явления рамками того интереснейшего и своеобразнейшего периода, каким был для русского языка XVIII век? Один из крупных советских лингвистов Ф. П. Филин говорил, что язык не сплошной проток, выделить временные пласты в нем не так просто. Прилагательные с суффиксом *-и*, замещающие родительный падеж производящего слова, употреблялись в древнерусском языке и на протяжении всего XVIII века. Некоторые из них сохраняли способность совмещать качественное и относительное значения в одной словоформе. И источники XIX века отражают это явление. Правда, только словари. В живом языке исследователи не находят подобных примеров и поэтому относят затухание таких словообразовательных типов прилагательных к концу XVIII века.

В заключение добавим, что все сказанное о прилагательных не касается их употребления в профессиональной речи, в составе терминов. С XVIII века это особая область нашего языка, и разговора она требует особого.

Одесса

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Очень люблю юмористические рисунки — *карикатуры*, *шаржи*. А вот разницу в смысле и в употреблении этих слов не чувствую. Да и есть ли она?»

Н. Г. Мельников, *ст-ца Суворовская, Ставропольского края*

Есть. *Карикатура* (итал. caricare — перегружать) — намеренно искаженное, подчеркнуто смешное изображение лица или события, как правило, графическое. Второй смысл этого слова — плохое смеихотворное подобие чего-то. Помните у Пушкина: «Наше северное лето — карикатура южных зим».

Слово *шарж* — французского происхождения (charger — преувеличивать). Это шуточная или сатирическая манера изображения кого-то или чего-то, при которой внешнее сходство с оригиналом сохраняется, но подчеркиваются, преувеличиваются наиболее характерные черты изображаемого. Отсюда и разница в употреблении этих слов, обозначающих несколько разные жанры. Есть еще одно близкое по значению слово — *пародия*: греч. parodia — буквально «пение наизнанку» — шуточное подражание, смешное подобие чего-то.

Наша страна идет навстречу 70-летию Великого Октября. Время, в которое мы живем, — это время напряженных трудовых усилий, направленных на сохранение и укрепление мира на земле, на то, чтобы добиться коренной перестройки во всех сферах общественного бытия. Путь к этой цели указан XXVII съездом партии: ускорение социально-экономического развития страны, совершенствование нравственно-идеологической, духовной жизни. В достижении этой цели у русского языка как могучего орудия культуры — своя особая роль, свои созидательные возможности. «...Овладение наряду с языком своей национальностью русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры», — говорится в Программе КПСС.

Редакция журнала «Русская речь» обратилась к академику АН Казахской ССР, директору Института языкознания А. Т. Кайдарову с просьбой ответить на некоторые вопросы, касающиеся проблем русского языка в условиях ускорения социально-экономического развития страны.

«Мы сильны одной могучей речью»

— Каковы сегодня особенности функционирования русского языка в республике?

— Вряд ли стоит доказывать, сколь мощным фактором духовной коммуникации, взаимопонимания, каким живительным родником дружбы стал для нас язык великого Ленина. Казахстан называют республикой ста языков. Это реальное воплощение ленинской национальной политики: десятки наций и народностей живут и трудятся на казахской земле. Но каждому — большому ли, малому народу, как птице для взлета два крыла, пужны сегодня два языка — родной и русский. Широкое распространение гармоничного национально-русского билингвизма, свойственного высококоразвитому социалистическому обществу, — характерная особенность современной языковой ситуации в Казахстане. Больше половины его многонационального населения назвали русский язык вторым родным.

В этих условиях неизмеримо возрастает его роль. Помимо своей основной функции — средства межнационального общения — русский язык становится могучим орудием современной научной мысли, формирования коммунистического мировоззрения, интернациональной культуры.

Развитие билингвизма в современных условиях обретает совершенно новый характер, приводит к очень любопытным явлениям. Так, например, во многих аулах Кызыл-Жумского района Чимкентской области нет русских жителей. Однако русский язык становится естественной потребностью повседневной речевой практики местного населения. Русская речь звучит в школе и в магазине, в бригаде и на ферме. В библиотеках не залеживаются русские книги, по вечерам в семьях все смотрят общесоюзную программу «Время». А в Кызыл-Ординской области в последние годы появились русские акыны, которые в совершенстве владеют языком своих казахских братьев, развивают традиции национального фольклора.

При этом, конечно же, идет активное взаимовлияние, взаимообогащение языков. И мы уже не можем сегодня изучать процессы функционирования русского языка вне связи с развитием языка казахского. Это было бы внесоциальным пониманием задач современной лингвистики.

Взаимодействие двух языков — не простая сумма слагаемых, не арифметика, а алгебра наших национальных отношений, нашей многонациональной культуры, самобытности. Как два русла сливаются в одно мощное течение, так и два языка сливаются в одну могучую речь. В этом неисощимая духовная сила нашего интернационального братства.

— Каковы сегодня основные направления научной деятельности Института языкознания и, в частности, отдела русского языка и социолингвистики?

— В общем русле ускорения социально-экономического развития ученые-лингвисты стремятся найти свое достойное место. Убежден: сегодня никого уже не могут удовлетворить мелкие, частные проблемы, келейные исследования. Наша задача — активнее вторгаться в жизнь, глубже осмысливать с точки зрения науки происходящие в ней языковые процессы с тем, чтобы ставить их на службу обществу, повышать его духовный потенциал. И в этом отношении научные сотрудники отдела русского языка и социолингвистики ведут интересный поиск. В течение нескольких лет они изучают проблемы двуязычия в различных этнолингвистических условиях. Это одна из важнейших проблем современного языкознания, которая в нашей многонациональной республи-

ке имеет актуальную практическую направленность: помочь трудящимся лучше овладеть языком — и русским, и родным. Ведь несмотря на достижения в этой области, лингвистическая культура населения нуждается в серьезном совершенствовании.

Билингвизм неизменно порождает такое явление, как интерференция языков. Ее глубокий и всесторонний социально-лингвистический анализ ведут сотрудники нашего института. Так, доктор филологических наук М. М. Копыленко и старший научный сотрудник З. К. Ахметжанова провели комплексное исследование специфики русской речи казахов-билингвов, изучили характер их ошибок в зависимости от демографических характеристик (территориальная принадлежность, пол, возраст) и социальных факторов (знание/незнание русского языка до поступления в школу, уровень образования). Их «научной лабораторией» были Целиноград и Караганда, Кустанай и Семипалатинск, Павлодар и столичная область. Результатом исследования стала выпущенная издательством «Наука» Казахской ССР книга «Фонетическая интерференция в русской речи казахов». Ученые выявили существенные различия между языковыми системами, наиболее характерные проявления интерференции контактирующих языков. Их опыт социолингвистической интерпретации ошибок в звуковой и просодической речи выходит за рамки «чистой лингвистики». Преподавателям русского языка и студентам-филологам он поможет лучше устранять влияние родного языка при обучении русской орфоэпии. Ценность работы и в том, что сделана попытка изучить на реальном жизненном материале фактическую интерференцию, тогда как авторы учебников и пособий по русской фонетике для казахов до сих пор опирались лишь на данные о потенциальной казахско-русской интерференции.

Подготовлены к печати исследования о лексической и морфологической интерференции, вышел в свет «Русско-казахский фразеологический словарь», включающий свыше 4000 единиц с анализом различной степени межъязыковой идиоматичности.

Вместе с актуальным социальным исследованием «Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения» (Алма-Ата, Наука, 1982) новые работы существенно обогащают наши представления о современных языковых процессах, о роли билингвизма в развитии общественного сознания.

Вся проблематика отдела русского языка и социолингвистики так или иначе сориентирована на потребности практики. В каждом исследовании сотрудников отдела, независимо от темы, в той или иной степени даются конкретные лингводидактические рекомендации тем, кто обучает языку или овладевает им.

В 12 пятилетке отдел русского языка и социалингвистики приступил к осуществлению программы комплексных исследований по четырем основным направлениям — типология двуязычия и многоязычия в Казахстане (в рамках общесоюзной тематики, выполняемой под руководством докторов филологических наук Ю. Д. Дешериева и А. Н. Баскакова), взаимодействие русского и казахского языков в художественных текстах, контрастная грамматика русского языка для казахов, социальные функции казахского языка в советский период.

Перед каждым подразделением Института языкознания стоит задача — трудиться с большей эффективностью, глубже проникать в проблемы развития языков, их взаимодействия, взаимовлияния. И на этой основе осмысливать социальные процессы, активнее влиять на духовное обновление нашей жизни, на уровень культуры советских людей.

На карте республиканской лингвистики еще немало «белых» пятен. Слабо изучена, скажем, интонационная структура казахского языка, до сих пор нет типологического сопоставления русского и казахского языков. Интереснейшая проблема — влияние казахского языка на лексический состав русского — еще ждет своих заинтересованных, квалифицированных исследователей.

В недавнем интервью «Литературной газете» Чингиз Айтматов утверждал: «Бессмертие народа — в его языке. Каждый язык велик для своего народа. У каждого из нас есть свой сыновний долг перед народом, нас породившим, давшим нам самое большое свое богатство — свой язык: хранить чистоту его, приумножать богатство его...» (Л. Г., за 1986 г., 13 августа).

Я глубоко разделяю эту точку зрения. И не могу не признать, что мы еще в большом долгу перед родным, казахским — одним из самых развитых тюркских языков. Его общественная роль изучена пока недостаточно.

Зоной нашего пристального научного внимания и глубокого изучения должен стать казахский литературный язык. Какие процессы в нем происходят, как влияет билингвизм на развитие национального творчества и всей нашей художественной мысли, а значит, — и на духовную жизнь народа? В эпоху ускорения, когда социальные процессы, мы знаем, не менее важны, чем экономические, такое знание сделает нас сильнее, социально активнее, будет способствовать наиболее полной реализации решений XXVII съезда партии и в области национальной политики, и в области художественного творчества.

Жизнь в условиях нашей социалистической действительности, братской дружбы и всестороннего сотрудничества убедительно

доказала: русский и казахский языки не конкурируют, а дополняют друг друга, создают во всех сферах социально-экономического развития наиболее благоприятные условия для коммуникации. Это целиком опровергает буржуазные измышления о насильственной русификации, о подчинении одного языка властью другого.

Сегодня наша общая цель — изучать и создавать наиболее благоприятную языковую среду с тем, чтобы родное и русское слово еще активнее служили духовному обогащению наций и народностей, их идейно-нравственному и эстетическому воспитанию, делу ускорения социально-экономического развития республики.

— **Основы лингвистической культуры, как известно, закладываются в школе. Как помогают ей ученые Института языкознания, что делают для более полного научного обеспечения языковой грамотности молодежи?**

— Это серьезнейшая проблема. Нас, лингвистов, она не может не волновать. К сожалению, здесь еще очень много недоработок. Мешают нам и не преодоленные ведомственные барьеры, и наша взаимная инертность. Конечно, нельзя сказать, что мы отгорожены от школы «китайской стеной». Я уже говорил о педагогической направленности многих исследований сотрудников отдела русского языка и социолингвистики. К этому можно добавить еще, например, пособие «Оптимизация преподавания русского языка в казахской аудитории» (Алма-Ата, Наука, 1980), которое целиком адресовано учителю.

Многое делают сотрудники сектора русского языка и социолингвистики для изучения и совершенствования языковой подготовки школьников. Они проанализировали истоки билингвизма и пришли к выводу: школа, к сожалению, пока еще очень слабо формирует двуязычие. Оно складывается под влиянием русской среды и средств массовой коммуникации. Бесспорно, и мы в какой-то мере несем за это ответственность вместе с Министерством просвещения: значит, еще недостаточна научно-методическая база обучения русскому языку в школе.

В центральной печати и в журнале «Русская речь» уже говорилось о слабых учебниках в нашей республике. Учителя сетуют на то, что ни в программах, ни в учебниках, ни в пособиях не затрагиваются вопросы русского речевого этикета, стилистических особенностей живого общения с разными людьми в разных жизненных ситуациях. Кто же научит нашу молодежь чувствовать язык, как не мы, лингвисты, методисты, ученые вузов? И в нашей сфере деятельности необходима сегодня интеграция усилий — ведь в республике 55 вузов — огромный научный потенциал.

Как председатель учебно-методического совета при Ми-

Министерстве просвещения Казахской ССР, я тоже несу ответственность за качество учебников родного и русского языка. Нашему совету надо перестраиваться более решительно: повышать требовательность к авторам, расширять их круг, смелее привлекать к созданию учебников и лучших педагогов, и ученых, и квалифицированных методистов. Такое содружество поможет поднять качество учебных книг для детей.

Школе нужны разнообразные словари. В программах по русскому языку для национальных школ словообразованию почти не уделяется внимания, существующие же пособия по этой отрасли языкознания для учебных целей малоприспособлены. Нужны нашим детям и популярны книги по занимательной лингвистике. Одним словом, ученые-лингвисты пока еще в большом долгу перед школой.

В последние годы социальные функции нашего родного языка, область его использования неизмеримо расширились: на нем выходит политическая, научная, художественная литература, издаются сотни газет, ведется теле- и радиовещание, работают театры и другие художественные коллективы. Новые сложные задачи стоят перед всеми формами пропаганды, перед идеологическими работниками. И роль мобилизующего слова в идейно-политическом, интернациональном воспитании, воспитании культуры речи в этих условиях трудно переоценить.

Уверен: Министерство просвещения Казахской ССР примет нужные меры. Это тем более необходимо, что реформа школы требует нового качественного уровня преподавания всех, без исключения, предметов.

В структуре нашего института есть самостоятельный Отдел культуры речи, это свидетельствует о том, что совершенствованию норм казахского литературного языка и повышению культуры устной и письменной речи казахов придается большое значение. Отдел культуры речи, как и другие, занимается злободневными вопросами языковой практики. Так, например, в 1983 году его сотрудники совместно с Минпросом Казахской ССР разработали новую редакцию «Правил орфографии казахского языка», а в 1986 году в соответствии с ними подготовили полный орфографический словарь казахского языка. Отдел постоянно поддерживает творческую связь с издательствами столицы, редакциями газет и журналов, проводит с ними совместную работу по повышению культуры печатного слова и сценической речи. При нем функционирует справочный пост «Лингвистическая скорая», в программе республиканского радио организована постоянная передача о культуре казахской речи. Этому посвящаются специальные сбор-

ники и рубрики республиканских журналов. Отдел терминологии института стал научной базой государственной терминологической комиссии при Президиуме АН КазССР по подготовке и апробации серийных русско-казахских терминологических словарей по всем отраслям науки и техники, что является подспорьем в дальнейшем развитии терминологической лексики в казахском языке.

В Казахстане интерес к русскому языку возник давно. С чувством сыновней благодарности вспоминаем мы имена великих просветителей казахского народа Чокана Валиханова, Абая Кунабаева, Ибрая Алтысарина, призывавших народ к свету, к знаниям, к овладению русским языком. Великий Октябрь открыл нам широкий путь к просвещению, а русский язык — к высотам современной науки и культуры. Для моего народа это неиссякаемый источник идейного и духовного богатства.

Беседу вела Н. И. Целищева

Алма-Ата

Нужно овладеть русским языком. У русского народа разум и богатство, развитая наука и высокая культура. Изучение русского языка, учеба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять все лучшие качества этого народа, ибо он раньше других разгадал тайны природы... Знать русский язык — значит открыть глаза на мир.

Абай Кунабаев

* * *

Есть в биографии любого казахского интеллигента — будь то ученый или литератор, артист или скульптор, инженер или педагог, журналист или агроном, — есть в жизнеописании каждого из них заветная страница, повествующая о том, как они научились говорить, читать и писать по-русски, обрели, кроме своего родного, казахского, другой язык, приобщивший их к литературе, искусству, науке, культуре России...

Мухамеджан Каратаев

Русский язык в Демократической Республике Мадагаскар

Л. А. Карташова,
кандидат филологических наук,
В. А. Макаренко,
доктор филологических наук

Краткие сведения о Мадагаскаре публиковались в России еще в первых русских «Географиях», издававшихся по личному повелению Петра I, в частности, в вышедшей в 1719 году в Санкт-Петербурге книге «География, пли краткое земного круга описание».

Раннее представление о малагасийском языке обнаруживается во «Всемирном путешественнике» (СПб., 1782, т. 12), где сообщается, что «язык их приятен и громок.., весьма изобилен и кажется некоторое сходство имеет с восточным. Хотя он по всему острову во употреблении, но в разных частях различен произношением. Оное в одних провинциях коротко, в других протяжно. Буквы употребляют арабские, а пишут с правой руки на левую...»

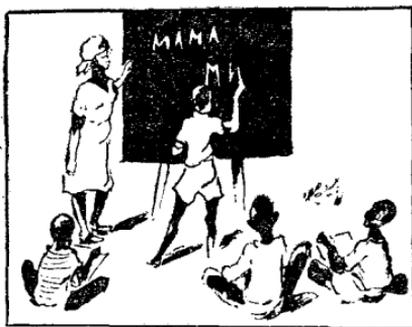
Первые попытки установить с островом Мадагаскар прямые контакты принадлежат Петру I: по его приказу два русских фрегата отправились в 1723 году в берегам «Великого острова», как его часто называли, с личным посланием царя, в котором «Мадагаскарскому владетелю» обещались протекция и защита от всех его врагов. Однако эта экспедиция не достигла берегов из-за плохой технической оснащенности кораблей.

В апреле 1890 года было составлено первое русское описание северо-восточного побережья Мадагаскара, сделанное моряками корабля «Джигит», стоявшего на якоре у острова Сент-Мари. Мичман корабля Милорадович сделал тогда же и несколько пейзажных зарисовок. Однако эти сведения так и не были в то время опубликованы.

Уже в начале нашего столетия русская эскадра под командованием адмирала Рожественского, направлявшаяся к Цусиме, бросила якорь у острова Нуси-Бе (северо-западное побережье Мадагаскара). В течение 2-месячной стоянки русские моряки имели возможность общаться с местными жителями, знакомиться с их

бытом, традициями, культурой. В память об этих событиях место стоянки русской эскадры получило название — «Русская бухта».

Начало межъязыковых контактов, положенных на научную основу, относится примерно к концу XVIII века, когда был составлен первый малагасийско-русский словарь. Он входил в состав «Сравни-

тельного словаря всех языков и наречий по азбучному порядку расположенного», вышедшего в четырех огромных томах в 1790—1792 годах под редакцией Ф. И. Янковича де Мириево. Это издание было предпринято Академией наук по распоряжению тогдашнего российского правительства. Руководители академии задались целью собрать в одном издании словари основной лексики всех языков мира. В «Сравнительном словаре» впервые были опубликованы лексические сведения об основных азиатских и африканских языках, в том числе и «малагашском», как тогда называли малагасийский язык. Основную составительную и лексикографическую работу провел известный природовед, профессор натуральной истории Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге Петр Симон Паллас (1741—1811).

Однако поистине тесные культурно-научные контакты между нашими странами возникли только в нынешнее время, особенно с 1972 года, когда между странами были установлены регулярные дипломатические отношения. Расширились и упрочились политические, экономические связи, сотрудничество в области образования и изучения русского языка на Мадагаскаре. Советские специалисты охотно передают свои знания и опыт в различных областях науки и техники, в строительстве промышленных предприятий, дорог, учебных заведений. Малагасийские студенты ежегодно поступают в высшие учебные заведения нашей страны, овладевая русским языком, а через его посредство — всеми необходимыми специальностями.

Существенный вклад в дальнейшее развитие советско-малагасийских отношений вносят и общества дружбы «СССР — Мадагаскар» и «Мадагаскар — СССР», созданные соответственно в 1978 и 1979 годах.

В 1966 году издательство «Советская энциклопедия» выпустило в свет «Мальгашско-русский словарь», а в 1970 — «Русско-ма-

лагасийский словарь», которые помогли начальному практическому овладению малагасийским языком в СССР и русским — в ДРМ, а также становлению взаимной переводческой деятельности. Работа по созданию двуязычных словарей продолжается: в 1981 году издательство «Русский язык» подготовило и выпустило в свет малагасийско-русский и русско-малагасийский разговорники, а в 1982 году — «Учебный русско-малагасийский словарь», созданные советскими специалистами в сотрудничестве с мадагаскарскими коллегами. Весом вклад советских ученых в создание современной малагасийской филологии, он получил высокую оценку Малагасийской Академии наук: несколько советских ученых были избраны в ее состав и награждены орденами.

В 80-х годах издательством «Прогресс» в Москве выпущены в переводе с русского на малагасийский язык такие работы В. И. Ленина, как «О государстве», «Советская власть и положение женщины», «К деревенской бедноте», «Три источника и три составные части марксизма». Интерес к произведениям В. И. Ленина у малагасийцев не случаен, более того, он закономерен в силу тех исторических преобразований, которые переживает Демократическая Республика Мадагаскар за последние два десятилетия, уверенно отстаивая свой государственный суверенитет и право на независимость при решении национальных проблем.

Особого внимания заслуживает созданный в 1983 г. для малагасийских любителей и ценителей русской литературы сборник «Из русской поэзии» — антология классической, начиная с Жуковского, и современной поэзии на русском языке. Переводы на малагасийский помещены в нем параллельно с русскими оригиналами, что значительно облегчает чтение и служит хорошим пособием при изучении русского языка. Готовится к изданию в переводе с русского на малагасийский широко известный роман И. Островского «Как закалялась сталь». Не забыты и юные читатели русской и советской литературы — малагасийские школьники. Для них издательство «Радуга» выпустило в переводе с русского на малагасийский книги любимых писателей советских детей: А. Гайдара «Тимур и его команда», рассказы Ч. Айтматова, для малышей — «Красная горка» В. Бианки, «Кто как живет» Е. Чарушина, «Живая шляпа» Н. Носова. Переведен на малагасийский язык сборник сказок русских писателей «Лукоморье», готовится к переводу двухтомник «Рассказы русских и советских писателей».

Произведения русских и советских писателей успешно используются на Мадагаскаре в качестве хрестоматий и учебных посо-

бий при обучении русскому языку. Так, восьмилетняя Андрианатулю Фаравулюлюна, ученица третьего класса колледжа Сент-Луи в Антананариву пишет в издательство «Радуга», что с удовольствием прочла книгу «Красная горка», которую получила в качестве премии на экзамене по русскому языку. «Мне очень-очень понравилась эта книга,— сообщает она далее.— Я рада написать вам об этой моей радости. Спасибо вам, что так далеко от нас вы не забываете о малагасийских детях».

Систематическое изучение русского языка здесь началось с 60-х годов XX столетия. В настоящее время русскому языку малагасийцы обучаются в пяти государственных лицеях, нескольких колледжах, а также в столичном университете в Антананариву. Кафедра русского языка, открытая в 1981 году на факультете гуманитарных наук университета, готовит кадры преподавателей русского языка для колледжей и лицеев. Шесть его выпускников (1983) были оставлены на кафедре для подготовки к педагогической деятельности в системе университета, теперь они стажировались в Институте русского языка им. А. С. Пушкина в Москве.

В 1980 году открылись курсы русского языка при Культурном центре Посольства СССР в Антананариву. Здесь занимаются четыреста человек, углубляя свои знания в области русского языка. К их услугам — необходимая учебная и художественная литература, советские газеты и журналы. С каждым годом растут и укрепляются советско-малагасийские политические, экономические и культурные связи, расширяется сотрудничество специалистов обеих стран в области изучения и пропаганды русского языка.

Рисунок В. Мирошник

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Осенью прошлого года я отдыхал в Кисловодске и много гулял по терренкуру. Смысл этого слова мне понятен — тропа для гуляния. А вот каково его происхождение, я не знаю. Объясните, пожалуйста».

А. Д. Корявин, *Архангельск*

Слово *терренкур* пришло в наш язык из немецкого: *Terrainkur*, где *Terrain* — земля, место, участок, грунт, а *kur* — курс лечения, профилактика. Таким образом, *терренкур* — значит «курс лечения с помощью местности, определенного прогулочного участка».

Гениальное произведение литературы Киевской Руси «Слово о полку Игореве» постоянно волнует умы наших современников. Неудивительно поэтому, что со страниц журнала не сходят материалы, рассказывающие о тех или иных проблемах «Слова», которые еще до сих пор остаются нерешенными или пока что являются спорными. Именно к одной из таких проблем обращен вопрос нашей читательницы из г. Каменец-Подольского, Харьковской области — Т. М. Косаревой: «Для меня, например, не совсем понятно, — пишет она в редакцию, — почему автор заставляет Игоря Святославича ехать по Боричеву увозу к малоизвестной Пирогощей. Если только за тем, чтобы помолиться, то почему не к Софии? Не могло ли быть у князя другой цели для избрания такого маршрута?».

Ответить на этот вопрос мы попросили академика
Б. А. Рыбакова.

«Боричев увоз» в «Слове о полку Игореве»

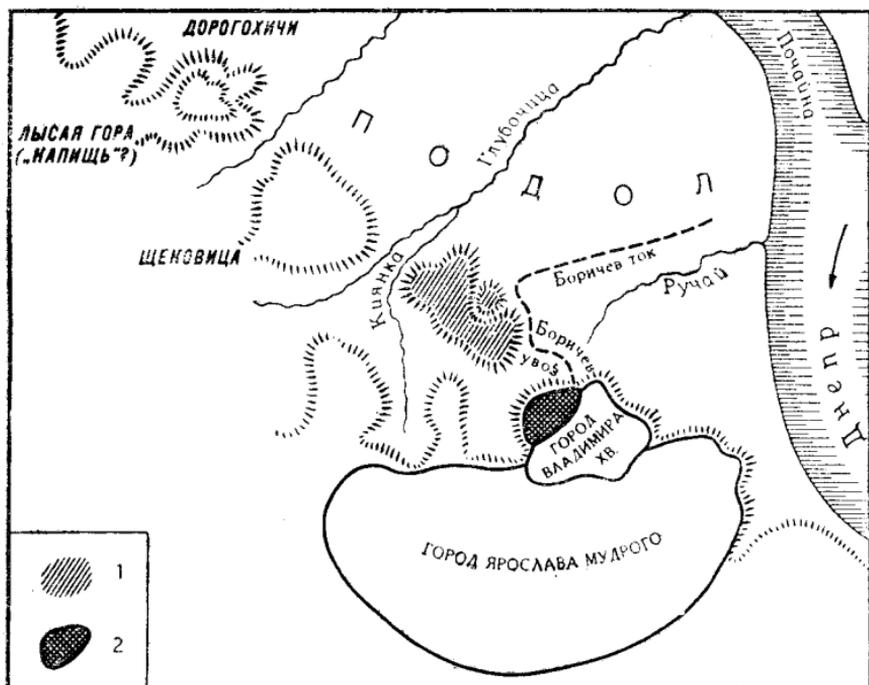
Б. А. Рыбаков,
академик

В концовке своей великой поэмы Автор выражает всеобщую радость по поводу того, что князь Игорь Святославич находится в Русской земле, и предельно кратко говорит об отъезде его из Киева:

Игорь едет по Боричеву
Ко святей богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.

Эти простые топографические ориентиры древнего Киева почему-то вызвали разногласия в научной литературе о «Слове» и стали иногда трактоваться как обозначения маршрута первичного въезда Игоря в Киев после избавления от плена. А это уже меняет наш взгляд на направленность самой поэмы, на отношение Автора к Игорю. Если поэма-призыв завершается встречей Игоря в Киеве, то непонятно, почему Автор обошел молчанием возвращение князя в свое княжество, в свой стольный город; непонятно

и то, что радость выражают не киевляне, а голоса с Дуная и какие-то «страны» и «гради». Если же в концовке «Слова» говорится об **отъезде** Игоря из Киева, то размышлять надо о том, почему поэт отложил описание радости соединения Игоря с остальной Русью на время **после** каких-то благоприятных событий, происшедших в Киеве тогда, когда князь разоренной Северской земли просил помощи у великих князей-дуумвиров (Святослава и Рюрика).

Топографический вопрос перерастает в концептуальный. Первая точка зрения была высказана Е. В. Барсовым в 1887 году: «Вот, наконец, он (Игорь) в самом Киеве и прежде всего спешит в храм богородицы для благодарственной молитвы...» (Барсов Е. В. Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. II. М., 1887, с. 78).

Барсов плохо знал топографию Киева, и через 10 лет после выхода его книги профессор Киевской духовной академии Н. И. Петров убедительно показал, что Боричев увоз находился на месте современного Андреевского спуска с «Горы» (где в XII веке размещался княжеский теремной двор) вниз, к Днепру на Подол, где недалеко от реки находилась Успенская Пирого-

щая церковь (Петров Н. И. Историко-топографические очерки Киева. К., 1897, с. 100—106; О местоположении Пирогощей церкви см.: Каргер М. К. Древний Киев. Т. II, М.—Л., 1961, с. 439—442; Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. К., 1970. Плани, с. 113—129).

Вопрос о местоположении Боричева увоза был заново рассмотрен Д. И. Блифельдом в 1948 году с привлечением планов Киева 1638, 1695 годов и грамоты Братскому монастырю на Подоле 1694 года. Исследователь подтвердил выводы Петрова о том, что Боричев увоз есть Андреевский спуск, в пижней части которого упоминается «Боричев ров» (Блифельд Д. До питання про Боричів узвіз стародавнього Києва. «Археологія», т. II, К., 1948, с. 130—144).

По летописи мы знаем, что причиной приезда в Киев было стремление Игоря получить помощь от киевских князей, и ни о каком бы то ни было богомолье не было и речи — богородичные церкви (рождественские, сретенские, благовещенские, успенские) были в каждом русском городе (см. более подробно: Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана.— Из истории культуры древней Руси. М., 1984, с. 137—139).

Идея благодарственной молитвы Игоря богородице подробно развита Д. С. Лихачевым в 1985 году (Лихачев Д. С. «Пирогощая» Слова о полку Игореве.— «Слова о полку Игореве» и культура его времени». Л., 1985, с. 270—287). Основания для этого исследователь видит в следующем.

1. Находясь в плену, князь дал обет богородице, что в случае спасения он ее отблагодарит (с. 274).

2. На всем пути от Донца через Новгород-Северский и Чернигов Игорь не мог найти ни одной богородичной церкви (с. 274).

3. В Киеве Игорь не мог помолиться в стариннейшей Десятинной (богородичной Успенской) церкви, т. к. «Игорь не был киевским князем и не мог ехать к чужому княжескому столу и к чужой патрональной святыне» ... «не мог по феодальному этикету того времени» (с. 275 и 287).

Проезд Игоря по Боричеву к святой богородице Пирогощей Д. С. Лихачев считает начальным эпизодом въезда Игоря в Киев: «Факт этот был значителен для древнерусского писателя и обойти его он не решался. Напротив, автор делает этот факт сюжетным завершением Слова» (с. 274).

Используя работы В. З. Завитневича, Н. П. Кондакова, С. Авринцева и др., Д. С. Лихачев подробно говорит о культе богородицы-заступницы.

Разберем весомость аргументации этих положений. Во-первых,

относительно обета, данного Игорем перед побегом из плена, Ипатьевская летопись под 1185 годом говорит совершенно иное: Игорь «поклонися образу божию и кресту честному, глаголя: **«Господи сердцевице! Аще спасеши мя, владыко...»**. О богородице здесь нет ни слова! Нигде в других источниках об обете богородице тоже ничего не говорится.

Далее, Игорь до приезда в Киев был в Чернигове, где с начала XII века существовала в Елецком монастыре богородичная Успенская церковь. Княжил здесь двоюродный брат и единомышленник Игоря — Ярослав Всеволодич.

Не было и «феодалного этикета», запрещавшего суверенному монарху, рюриковичу, брату и гостю великого князя, молиться в любой церкви Киева. Летопись отмечает лишь факты благодарственных молений после военных удач, но никогда не упоминает о каких бы то ни было запретах. Если бы такие запреты существовали, то князю Игорю Святославичу приличнее было бы принести благодарность в богородичной Успенской церкви Киево-Печерского монастыря, основанной прадедом Игоря великим князем киевским Святославом в 1073 году («...Святославу Киеве сядяцю»). С точки зрения плохо известного нам феодалного этикета, очень странным может показаться выбор Игорем Пирогощей церкви, построенной великим князем Ярополком в 1136 году, во время «лютой брани» его со всеми Ольговичами, в том числе и с родным отцом Игоря. Вот эта Пирогощая церковь была именно «чужой патрональной святыней»; она упомянута Автором «Слова» лишь как топографический ориентир, определяющий направление пути Игоря.

Нам, очевидно, следует окончательно отказаться от мысли о том, что упоминание Пирогощей церкви на Киевском Подоле знаменует встречу князя-пленника, сдущего из Чернигова в Киев. Все решает последовательность упоминаний топографических ориентиров в концовке «Слова о полку Игореве»: сначала назван *Боричев увоз*, а на втором месте — *Пирогощая*.

Рассмотрим летописные сведения о Боричевом увозе. Впервые этот топоним упомянул летописец Никон (XI в.), комментируя древние сказания об основателе Киева: «И сядяше Кый на **горе**, идеже ныне увоз Боричев» (Повесть временных лет. Издание А. А. Шахматова. Птр., 1916, с. 9). Это свидетельство мало дает нам для определения местоположения спуска с «Горы», но убедительно связывает Боричев спуск с Горой.

В 945 году древлянское посольство к княгине Ольге, приплывшее по рекам Тетереву и Днепру, пристало в своей ладье «под Боричевъмъ». Поздний комментатор XI века для того чтобы уя-

вать это, не очень определенное, свидетельство с Боричевым *уво-зом* (Андреевским *спуском*), отстоящим от реки на значительном расстоянии, придумал искусственное объяснение: «бе бо тѣгда вода текущи въздыле Горы Киевьскыя и на Подолии не седяху людие, нѣ на Горе» (там же, с. 62—63). Это ошибочно, так как Подол заселен еще в римское время. Для нас несколько неуклюжие пояснения комментатора (очевидно, игумена Никона, 1070-е гг.) очень важны: они показывают, что, с точки зрения

киевлян той эпохи, Днепр отстоял далеко от подножия Боричева спуска.

«Пирогощая» находилась, примерно, на полпути от подножия Горы до реки (см. ранее указанную работу П. П. Толочко).

Интересен рассказ летописца о свержении языческих идолов в 988 году. Капище шести богов было поставлено в 980 году «на холме вьне двора Теремного» (Килевич С. Р. Детинец Киева IX—XIII вв. К., 1982, с. 56—60 и отдельный общий план). Фундамент этого капища открыт киевскими археологами в 1975 году; он действительно находился около каменных княжеских теремов X века в непосредственной близости от стоящей ныне Андреевской церкви постройки Растрелли, давшей имя Андреевскому спуску на Подол. Сверженный идол Перуна проделал в 988 году

почти тот же самый путь от теремного княжеского двора до Подола, что и князь Игорь в 1185 году. «Повесть временных лет» сообщает:

Перуна же повеле (Владимир) привязати коневи
к хвосту и влещи с Горы по Боричеву на Ручай
и 12 мужа пристави тети (сечь) жьзльнемь...
...Влекуму же ему по Ручаеви к Дънепру...

Эта топографическая ситуация может быть показана на упрощенной схеме (см. с. 99).

Успенская Пирогощая церковь 1136 года находилась на Подоле между подножием Андреевского спуска и Днепром, примерно в зоне летописного «Ручая», впадавшего в Днепр. Исходя из сказанного, концовку поэмы мы можем понять только так: князь Игорь Северский, покидая Киев, выехал из старого теремного двора, находившегося рядом с началом Боричева спуска, и по крутому Боричеву увозу спускался со старокиевской «Горы» вниз, на Подол, где стояла построенная Мономахичами Пирогощая церковь. Этот путь вел на восток к причалам и переправам на Днепре. Собирался ли Игорь двигаться в свою Северскую землю в ладьях по Днепру и по Десне (Новгород-Северский стоит на Десне) или же, переправившись на левый, восточный, берег Днепра, предполагал ехать сухопутьем на конях, в любом случае направление «Боричев — Пирогощая» означало спуск с княжеской Горы и путь на восток, к Днепру и далее в Чернигово-Северскую землю.

Для киевлян XII века этого топографического указания было вполне достаточно для того чтобы понять: Автор «Слова» изображает отъезд Игоря из Киева, его путь из княжьего терема к пристани.

Как видим, согласиться с мнением, что «Слово» завершается торжественной церемонией въезда Игоря в Киев после побега из плена,— невозможно.

Топографическая деталь, как и все «Слово о полку Игореве», не случайна; она несет вполне конкретную смысловую нагрузку, определяя время и причину наступления всеобщей радости. Это не ликование по случаю избавления Игоря от плена, не счастье видеть князя в Киеве, а удовлетворение по поводу каких-то важных дел, успешно завершившихся в великокняжеском городе до отъезда Игоря из Киева. Если бы автор хотел воспеть встречу освобожденного пленника, то он должен был бы описать прибы-

тие беглеца в русский Донец или в свою столицу — Новгород-Северский. Если бы нужно было описать встречу гостя-просителя в Киеве, то это могло бы быть сделано в одной фразе, обозначающей приезд князя. Ни того, ни другого нет; Автор таким образом показал себя не очень внимательным к личным делам Игоря и шире — к делам Северской земли.

Из Ипатьевской летописи мы знаем, что приезд Игоря Святославича в Киев завершился благоприятно: «и рад бысть ему Святослав и Рюрик, сват его».

У В. Н. Татищева об этом сказано определеннее: Святослав и Рюрик «вельми ему обрадовались и обещали все как возможно ему помочь учинить и сами намерялись идти со всеми их войски».

Можно думать, что вопрос о помощи всех князей Игорю решался на собранном по этому случаю княжеском «съезде» — съезде и решился благоприятно. Воссоздалось единство двух княжеских коалиций — киевской и чернигово-северской, забытое после 1168 года. В следующем, после трагического похода Игоря полка на Кончака, 1187 году участвовали уже все русские князья: «и тако совокупившеся **все князи руские** и пойдоша по Днепру...». Цель киевских дуумвиров устранить «княжье непособие», облеченная в великолепную форму «златого слова» патриотической поэмы, была достигнута. События 1187 года явились проверкой политической результативности «Слова о полку Игореве», призвавшего русских князей к единению, а воссоздание единства следует отнести к тому времени, когда Игорь пребывал в гостеприимном Киеве. Поэтому Автор поэмы не случайно **отъезд** князя из Киева сопровождает словами: «Страны ради, гради весели».

Правильное понимание последних строчек поэмы помогает нам точнее определить цель приезда Игоря к Святославу и Рюрику в Киев и оценить последующее значение этой встречи для Руси.

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Очень часто слышу выражение: *вернуться в свои пенаты*. Что оно означает?»

М. К. Бородавко, *Котовск, Молдавской ССР*

Начнем с того, что правильно — *вернуться к своим пенатам*. У древних римлян пенатами назывались божества, охраняющие семью и домашний очаг. Буквально это означает «домашние боги», расширительно — «домашний очаг». Ошибка в этом сочетании — результат забвения мифологического смысла всего выражения и входящих в него слов, а также под влиянием аналогии с такими оборотами, как «вернуться в свой дом, семью, в родные места».

Из рассказов диалектолога

В. Е. Гольдин,
кандидат филологических наук

Прокофий Иванович приходил к нам сам, каждое утро. Сначала с крыльца слышались шаркающие шаги и знакомый кашель. Потом все на время стихало. Это Прокофий Иванович курил. Наконец, он входил, неторопливо устраивался на лавке, ставил между коленями палку, опирался на нее, кивал на заваленный бумагами стол и спрашивал:

— Пишете?

То, что мы оказывались на месте, не уехали, чего Прокофий Иванович, видимо, опасался, удовлетворяло его, и он одобрительно улыбался нам. Прокофий Иванович, конечно, понимал, что, закончив работу, наша диалектологическая группа вернется в город. А ему, по всему было видно, не хотелось расставаться. Уж очень его заинтересовали наши беседы. Ему шел семьдесят восьмой год, но он не помнил, чтобы когда-нибудь раньше думал о словах. Говорил, конечно. Все говорят, как умеют. По что за словом делаая наука стоит — не ведал. Подумать только, приехали люди из города «списывать слова»! Неужто и такая работа есть? Мало-помалу удивление его прошло. Прокофий Иванович охотно пояснял нам значения слов, рассказывал о предметах, которые уже давно ушли из быта сельчан, но отчетливо сохранились в его памяти.

Спросили мы его как-то о *нивках*. Сначала он не понял даже, о чем мы спрашиваем, потом рассердился:

— Где они, нивки? Забыто все, заросло! Пойди найди! Кому они пужны теперь?

Однако, помолчав, стал нехотя рассказывать, как вырубали прежде в лесу деревья, жгли пни и сучья, протаскивали борону по укрытой пеплом земле, сеяли на нивках репу, лен. И какой лен вырастал! Постепенно воспоминание увлекло его. Прокофий Иванович начал вскакивать, размахивать руками, показывать все

в лицах, и мы уже ясно слышали треск горящих сучьев, видели, как в просвеченном солнцем дыму молодой Прошка с отцом и с матерью что есть силы налегают на длинные жерди, *слези*, двигая жаркий костер по вырубке. Что говорить, немало на пивках пота пролито. Недаром жнецы после уборки урожая заклинали: «Пивка, пивка, отдай мои силки».

Рассказывая, Прокофий Иванович очень устал, но был воодушевлен и, кажется, сам поражен могучим действием, которое произвело в его памяти слово *пивка*.

Так и начались наши ежедневные беседы. Говорили об охоте, о пичевках в лесных избушках, о рыбалке, о солдатчине, о семье и хозяйстве. Целое утро заняла беседа только о том, как рубили (строили) и шаряжали избы, как перебирались в них из старых, пытаюсь заманить с собой демового-батамушку и обмануть недобрые силы. Беседы эти Прокофий Иванович считал теперь важным делом, едва ли не долгом своим, боялся что-либо упустить или перепутать. Время от времени он требовал прочесть ему записанное, проверяя, что получается.

Как-то озадачил неожиданным вопросом: «Сколько слов мы с тобой записали?». Сказать точно я, конечно, не мог. Однако предположил, что не меньше тысячи и, не удержавшись, сообщил Прокофию Ивановичу, что один ученый считал когда-то, будто крестьянин обходится всего несколькими сотнями. Прокофий Иванович тут же кратко и очень энергично отверг эту мысль и стал рассуждать:

— По кузнечному делу мы говорили? Нет. А в одной кузнице сколько слов наберется! Взять еще езду, летнюю да зимнюю, телеги, сани, повозки, упряжь, дороги, волоки вспомнить. А покос, жатва, молотба! Хлеб выпечь — тут сколько слов! А свадьбы да похороны, а гулянья, дети... Вся жизнь в словах! — торжествуя заключил Прокофий Иванович и замолчал, потрясенный впервые открывшимся ему великим простором русской речи.

Наверное, все знают, что в народных говорах есть много конкретных по значению слов, которым в литературной речи соответствуют лишь названия самого общего характера. Например, любой угол в наших городских квартирах — «угол» и только. В крестьянской же речи издавна отмечался особым словом каждый из углов жилья в отдельности. В. И. Даль в своем словаре отмечал, что «четыре угла избы отвечают четырем покоям: передней, гостиной, спальне и стряпной» (см. статью на *Куть*). *Красный угол* в избе — передний, старший, где иконы и стол, обычно обращен к юго-востоку. Второй по старшинству угол — *середа, куть*, или еще назывался *бабий угол*, который против печного

устья. Третий — *печной, стряпной*, а четвертый — *задний, коник*, или *дверной*. И как было не давать им разные названия, если у каждого угла свое назначение, свой «наряд», если с каждым были связаны свои обычаи и приметы! Конкретность и точность народных слов отмечали многие писатели, дивился им и А. И. Куприн, свое восхищение ими выразил в «Золотой розе» К. Г. Паустовский.

Богатство слов с конкретными значениями накапливалось в народных говорах не случайно. В специальной монографии «О конкретности в языках», вышедшей в 1885 году в Воронеже, профессор В. И. Шердц писал, что у всех народов «поразительным обилием слов обставляются... те предметы, которым народ придает особенное значение, которыми более всего занимается и на которых сосредоточивает весь свой интерес и свое внимание». Особый «фокус» традиционной крестьянской культуры расширял и конкретизировал части народного словаря, связанные с природой и сельским хозяйством, с народными промыслами, со многими специфически крестьянскими сторонами быта и человеческих отношений. Это понятно, и все же каждый раз поражаешься, заметив, как естественно и точно различается в народной речи то, что в речи общелитературной подчас не находит отдельного выражения. Например, услышав, что мы собираемся в лес, Устинья Ивановна просит прихватить оттуда березовых веников для бани.

— Да *глушины* не нарежьте зря! — напутствует она нас. — Как ею париться? *Веселку* ищите. *Веселку* знаете? Нет?! Сейчас покажу.

Березы растут и в самой деревне. Устинья Ивановна ведет нас от дерева к дереву, пригибает ветви, поглаживает листья, объясняет, и мы с удивлением начинаем понимать, что березы-то, пожалуй, и в самом деле неодинаковы. У одних — поникшие гибкие ветки с легкими блестящими листочками. Другие березы покорявее, ветки их простерты кверху, и листья молодых побегов кажутся на ощупь иными.

Потом уже, вернувшись из этой псковской деревни домой, мы станем читать специальные справочники, энциклопедии и обнаружим, что ботаникам хорошо известны «береза повислая», или «бородавчатая», и «береза пушистая», которые нередко растут в одном лесу, но относятся к разным видам. Листая областные словари, мы убедимся в том, что *веселку* и *глушину* различают по всему русскому северо-западу и что главная причина этого — неодинаковое их использование: из *глушины* не вяжут веники, париться ею плохо.

В лесу мы нерешительно переходим от березы к березе, долго разглядываем каждое дерево, спорим, находим, наконец, явные,

как нам кажется, веселки и режем с них побегн. Однако сомнение в возможности точно различать веселку и глушину у меня все же остается, поэтому я еще срезаю с похожей на глушину березы пару веточек помягче и потоньше и засовываю в середину пучка: заметит ли их Устилья Ивановна?

Устилья Ивановна хвалит нас, подбирает одну к одной березовые ветки и ловко связывает. Остаются лишь два побега, специально вложенные мною в пучок.

— А эти?

— Эти брось, глушина как-то попала.

Мне делается стыдно своего неверия, и в то же время я чувствую радость, какую мы всегда испытываем, встречая большого мастера или глубокого знатока, — человека, на умения и знания которого можно спокойно положиться.

* * *

Солнце уже село, воздух заметно остыл, но в избу идти не хочется: на скамейке у бабушки Анны разгорается понемногу огонек вечерней беседы. Поначалу вялый, пропадающий, в сумерках он оживает, и чем темнее делается вокруг, тем горит ровнее и жарче. Старушка вспоминает вслух, какой дом был когда-то у свекра: с зимней и летней избами, с горницами в верхнем и нижнем жилье, какие в нем были сени да клетки. Ее подруга, еще более старенькая, очень худая, сидит рядом в захламленном ватнике и с удовольствием слушает. Она улыбается, поддакивает, но чувствует, что думает о каком-то своем доме, хотя в общем таком же: строились-то одинаково. Третья старушка молчит и, не двигаясь, смотрит вниз, на конец своей палки.

Мне известно, что в старину пристраивали в северных избах к печи (да и сейчас нередко пристраивают) высокий деревянный ящик с дверкой в нем, чтобы ходить в подполье. Хранили там кухонную утварь, иногда на ящике спали, кое-где считали его *лежанкой домового*. Спрашиваю, сооружали ли его здесь и как называли?

Выслушав вопрос, подруги равнодушно замечают, что у них такого не было, и снова уходят в воспоминания. Однако третья старушка неожиданно поднимает голову, с интересом смотрит на меня и говорит, что девочкой, когда осталась сиротой и жила в соседнем селе у дяди, она спала на деревянной пристройке к печи. Как вот только ее называли?

— Как же это говорили? — пытается она вспомнить. — Скажут: брось вон на этот... У дяди Поликарпа. Погодите. Ну, худая

голова, не вспомнить. Вот говорят: там вон, на этом лежит... Спала я на нем!

Старушка волнуется, начинает рассказывать о дяде и его семье, напрягает память, но слово ей так и не дается. Утром, едва я выхожу на крыльцо, как она откуда-то быстро подходит ко мне и, не здороваясь, сердито говорит: «Всю ночь не спала. Вспоминала: *приделок*».

То, о чем я спрашивал, в одних местах называют *голубцем*, в других — *голубцом*, *казёнкой*, *каржинкой*. *Приделки* же — это, обычно, всякие дополнительные помещения, прирубы, пристройки. Конечно, *голубец* тоже «приделан» к печи, но мне еще не приходилось слышать, чтобы его так называли. Не подвела ли старушку память?

Я и виду не подаю, что сомневаюсь. Напротив, начинаю благодарить, но она не слушает и уходит такая же сердитая.

Что же ее расстроило, думал я, глядя вслед удалявшейся женщине. Только ли бессонная ночь? Конечно, нет. Главная причина — забытое родное слово, вдруг затерявшееся в уголках памяти. Разве не обидно?

Саратов

Рисунок Д. Коневской

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Я очень люблю повесть В. Распутина „Прощание с Матёрой“. Откуда произошло название этого села и что оно означает?»

И. Д. Боровиков, *Ангарск, Иркутской области*

Единого мнения у лингвистов об этом нет. Автор Этимологического словаря русского языка М. Фасмер приводит такие значения: материк, высокий земляной берег (арханг.), а также (менее убедительно) — мать-земля. Видимо, так и надо понимать это название — родная земля, где жили предки (ср. с прилагательным *матерый* — «крепкий, зрелый, старый»).

на всех девочек приходится два — три имени, в зависимости от того, какие имена были популярны в год их рождения. То же самое и у мальчиков: то великое множество Сергеев, то зачастили Александры, Юрии, Дмитрии. А ведь существует много хороших и добрых имен, приятных и благозвучных, из которых вполне можно подобрать такое, которое бы и в фонетическом отношении хорошо сочеталось с отчеством, и не повторялось бы надоедливо часто, чтобы оно нравилось и вам и вашим детям.

В этом номере предлагаем вниманию читателей десять широко известных женских имен:

Наталья. Имя древнеримское, в латинском языке прилагательное *natalia* обозначало «родная», «рожденная». Имя принесено из Византии христианством. Столетиями это имя удерживало значительную частоту употребления, особенно на Украине (известное «Наташка-полтавка» стало чуть ли не нарицательным обозначением «украинка»). Оттуда максимальная частота имени распространилась и на русских. В большинстве местностей *Наталья* встречается теперь значительно чаще, чем *Елена*.

Елена. Как и *Наталья*, имя *Елена* пришло к русским из Византии. В древнегреческом языке оно означало «светлая». Имя прославлено в самом древнем произведении мировой поэзии — «Илиаде», это говорит об уважительном к нему отношении в грекоязычной Византии. У русских оно стало частым позже, но очень быстро приобрело популярность. Любовь к этому имени широко отражена в русском фольклоре, литературе. Сегодня, как и в далеком прошлом, имя *Елена* занимает одно из первых мест в десятке самых любимых женских имен.

Ольга. Старинное скандинавское имя Хальга — «святая». Форма *Ольга* образована от мужского имени *Олег*, утратившего на русской почве инициальный придыхательный звук. Имя *Ольга* вошло в «святцы» после принятия христианства первой русской княгиней Ольгой, матерью Владимира Святославича. За это церковью она была произведена в «святые» и, что удивительно, не под ее христианским именем *Елена*, а под языческим *Ольга*.

Прина. В древнегреческом означало «мир, покой». В прошлом у русских бытовало в форме *Орина* — *Арина* (вспомним Арину Родионовну — няню Пушкина). Имя считалось простонародным, поэтому редко встречалось в привилегированных слоях общества. Начиная с 20-х — 30-х годов нашего века, имя *Прина* получает широкое распространение как новое, «городское». Сегодня оно занимает четвертое место по частоте употребления после *Натальи*, *Елены* и *Ольги*.

Татьяна. Происхождение имени спорно: по мнению одних ис-

следователей, в основе его — древнегреческий глагол *тато* — «утверждать, определять». Другие считают, что оно заимствовано из древнегреческого имени *Татиус*. К русским принесено христианством. В XVIII веке оно стало не только частым, но и приобрело значение «простонародного» имени, поэтому дворянское сословие пренебрегало им: в конце XVIII века на тысячу человек имя *Татьяна* получали тридцать крестьянок и только десять дворянок. Существовавшее в старину отношение к имени отражено в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.
И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль девичьей!

Светлана. Имя славянское, редкое. В болгарском именнике Стефана Илчева (София, 1969) отмечено мужское имя *Светлан* от прилагательного *светъл*, а также женское имя *Светлана*. У зарубежных славян оно найдено в Сопотском именнике XV века. Русские не могли давать это имя детям, так как его не было в «святах». Загадочно, откуда привлек его В. А. Жуковский в свою балладу «Светлана». В 20-е годы нашего века в ряду многих новых имен *Светлана* занимает прочное место и становится широко распространенным, сегодня оно находится в десятке самых частых, особенно привлекло к себе внимание после полета в космос Светланы Савицкой, как в свое время имя *Юрий* давали чуть ли ни всем мальчикам в честь Юрия Гагарина, а имя *Валентина* приобрело особенную популярность после полета в космос первой женщины — Валентины Терешковой.

Юлия. Древнеримское имя. Форма *Юлия* получена от мужского имени *Юлий*. К русским пришло с принятием христианства, но редко выходило за пределы социальной верхушки. В наше время стало не только общенародным, но и вошло в десятку самых частых.

Анна. Древнееврейское — «миловидная». Простота произношения и краткость сделали это имя распространенным у народов Европы в различных фонетических вариантах (*Аннет* — франц., *Энн* — англ., *Ганна* — укр. и белорус. и др.). К русским пришло в конце IX века с принятием христианства из Византии. Несколько столетий было самым частым женским именем у русских, но в наше время поредело. В последние годы у части городской молодежи имя *Анна* вновь приобрело популярность.

Марина. Образовано от формы мужского древнеримского имени *Маринус* (в латинском означает «морик», «морской»). Пришло к русским с принятием христианства, но частым не стало. В XVII веке имя приобрело недобрую славу «гордой полячки» Марины Мнишек, стремившейся занять русский престол с помощью самозванцев-«царевичей». Память об этом долго мешала имени *Марина* войти в употребление. Теперь оно вполне освободилось от неблагоприятных аналогий и занимает сегодня прочное место в десятке любимых народом женских имен.

Екатерина. Древнегреческое имя, первоначальное значение — «непорочная». Хотя оно и пришло к русским вместе с другими именами из Византии с принятием христианства, однако частым не стало, более того — до конца XII века оставалось почти неупотребительным. В XV—XVII веках многие коронованные особы западноевропейских стран носили это имя. В XVIII в. и на русском престоле побывали царицы с этим именем — Екатерина I и Екатерина II, немки по происхождению. Недобрая слава о царствовании особенно Екатерины II надолго сделала имя нежелательным не только среди простого народа, но и в дворянской среде.

Постепенно имя освобождается от устоявшихся на него взглядов в обществе и начинает приобретать частотность. Во многом его известности способствовали и русские писатели-классики, давая своим героиням ласковое имя *Катюша*. В наше время оно воспето в одноименной песне, чрезвычайно популярной и любимой в народе. Знаменитая «Катюша» сегодня известна во всем мире, поэтому не случайно она стала символом дружбы молодежи и студентов на XII Всемирном фестивале в Москве в 1985 году.

Рисунок Н. Беланова

ОТ РЕДАКЦИИ:

В помощь родителям, выбирающим имена своим детям, издательство «Советская Россия» готовит к выпуску книгу В. А. Никонова «Ищем имя». Вторая половина книги содержит словарь — 400 имен, наиболее употребительных сегодня у русских.

ВОРСКЛА

И. Г. Добродомов,
доктор филологических наук

Являющаяся левым притоком Днепра река Ворскла течет по территории Белгородской области РСФСР, Сумской и Полтавской областей УССР.

Происхождение ее названия в популярных изданиях часто связывают с тем, что Петр I якобы потерял в этой реке стекло от подзорной трубы и в досаде обозвал реку *вор скла* (т. е. стекла). Но эта легенда не имеет ничего общего с действительностью, поскольку, как показывают наши летописи, река Ворскла носила такое название уже за 600 лет до Петра I, но восходит это речное название (гидроним), видимо, к еще более раннему времени.

По данным «Словника гідронімів України» (Київ, 1979) и «Етимологічного словника літописних географічних назв Південної Русі» (Київ, 1985), речное название *Ворскла* встречается в памятниках письменности с самого начала XII века (1105 г.) и представлено различными формами: *Въръскла*, *Ворскла*, *Ворскль*, *Ворскло*, *Въръскла*, *Воръсколь*, *Ворскола*, *Въросколь*, *Воръскола*, *Воръскла* и т. п.

Есть ряд названий, производных от гидронима *Ворскла* — это правый приток Ворсклы — *Ворскльица* (Белгородская и Сумская области), правый ее приток на территории Сумской области *Ворскблец* (упоминается также в формах *Ворскблець*) и протока *Ворсколец* между реками Ахтырка и Быстрая тоже в Сумской области. Известны озеро *Ворсклище*, балка *Ворсклянка*, слободка *Ворскла*, хутор *Заворсклянский* и село *Заворскло* (Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985).

Попытки выяснить происхождение названия *Ворскла* в нашей филологической науке предпринимались неоднократно.

Получила широкое распространение попытка А. Х. Востокова объяснить только последний компонент названия *Ворскла* в одном ряду с другими названиями, имеющими в конце основы загадочные сочетания *к-л*, *г-л*: *Оскол*, *Ворскла* (в старинных летописях *Ворскола*), *Деркул*, *Ингул*, *Телигул*, *Кагул*, *Кагальник*, *Кяла*, возможно *Калка*. Эти названия он, впрочем без особых доказательств, пронизательно связал сразу с хазарами, печенегам и половцами, предполагая у конечного элемента *к-л* значение «вода»

или же «поток, река» (В[остоков] А. [X.] Задача любителям этимологии. Санкт-Петербургский вестник. СПб., 1912, № 2).

Через полстолетия с лишним другой наш филолог М. А. Максимович выделял в ряду *Ворск-оль*, *Песь-оль* (ныне *Ворскла*, *Псёл*), *Уг-оль*, *Оск-оль* совсем другой исход *-ол*, заключая свои суждения вопросом: «Все эти имена одной формации. Какому же языку принадлежит это прибавочное словцо *-ол*, означающее, по видимому, реку или воду?» (Максимович М. А. Собрание сочинений, т. II. Киев, 1877).

Странные соображения о гидрониме находим у А. А. Потебни при разборе названия славянского языческого божества *Волось* — *Велесь*. Автор писал, «что обе славянские формы предполагают *варс-ас*, с чем ср. [анс]кр[ит]. *варшас* «дождь», *вршан* «дождящий, оплодотворяющий» [эпитет Индры], *врша* «бык» (как оплодотворитель) и пр. В звуковом отношении нет препятствий к отнесению сюда же и собствен. *Вършь*, польск. *Warsz* откуда *Warszewa*, *Warszowa*, испорч. *Warszawa*. Тот же кор. с суф. *-ск* (что в начинательных глаголах) может быть в *Върск-ль*, нынешн. *Ворскло*, *Ворекло*, собств. орошающий» [Потебня А. А. Слово о полку Игореве (Отдельный оттиск из «Филологических записок») Воронеж, 1878].

«Этимологию» А. А. Потебни сокрушающей критике подверг Л. А. Булаховский: «Трудно, конечно, поверить и в то, что в названии реки *Ворскло*, *Ворекла* заключен тот же корень с суффиксом *-ск*, «что в начинательных глаголах», — опять-таки почти невероятный «скачок» уже в области самой морфологии — допущение совершенно необычных, не подкрепляемых параллелями морфологических отношений (действительная этимология слова выясняется из показаний осетинского языка: *vors kula «белая река» (Булаховский Л. А. А. А. Потебня. Киев, 1952).

Фонетически и семантически неубедительны соображения М. Р. Фасмера, еще в 1932 году связывавшего гидроним *Ворскла* с глаголом *ворчать* (как *Пискла* с *пищать*) [Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde, Berlin, 1971]. Слабую сторону слишком общей и недетализованной этимологии М. Р. Фасмера хорошо показал А. С. Сtryжак, который считал ее недостатком «то, что она не учитывает всех известных вариантов этого названия. К тому же она неубедительна со структурно-фонетической стороны. В приведенных автором аналогиях (вернее: одной аналогии.— И. Д.) один и тот же компонент *-ск* чередуется (?) с разными дериватами: если *Пискла* от *писк* (по А. Г. Преображенскому, звукоподражательного происхождения, где различается корень *пи-* и расширитель *-ск-*; ср. *тре-ск*, *пле-ск*,

пор-ск, ля-ск, пры-ск), то *Ворскла* должна происходить от «ворск», которое дало бы не *ворчать* (*воркѣти), а «ворцать», которое не фиксируется» (Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963).

Оспираясь на сопоставление речных названий *Оскол* и *Ворскла* в варианте *Вороскол*, любопытные соображения высказал известный топонимист А. И. Попов, который в гидронимах *Вороскол* и *Оскол* выделял оставшуюся для него неясной общую часть *-оскол*, а в первой части названия *Ворскла* видел элемент мордовского происхождения *вор* (отраженный в других топонимах как *выр*, *вёр*) в соотношении с мордовским географическим термином *вирь* «лес», поскольку когда-то по ныне степной Ворскле отмечались довольно многочисленные леса, особенно дубовые: «К Ворскле довольно близко подходит верховьями *Оскол* — приток Сев. Донца. Названия *Оскол* и *Вороскол* могли составить такую же пару, как *Ломов* и *Норломов* [в первом слове второго топонима А. И. Попов выделял соответствие мордовскому нар «луг». — И. Д.], *Польный* и *Лесной Воронеж* и т. д. Разумеется, такое предположение требует еще тщательной проверки по другим местным названиям этих областей. То, что *Оскол* и *Ворскла* не сливаются, не является, конечно, препятствием к указанному толкованию, так как такие реки иногда бывают разъединенными значительными расстояниями, сходясь только верховьями» (Попов А. И. К вопросу о мордовской топонимике. — Советское финноугроведение, т. II, Саранск, 1948).

Никак не может быть принято и предположение Б. А. Рыбакова о происхождении гидронима *Ворскла* от названия древнего народа *сколоты*, упоминаемого у Геродота: «Пограничные поселения сколотов на Ворскле, быть может, объясняют имя этой реки: в русских летописях река называется *Воръсколь*. Слово *воръ* означало «забор, бревенчатое укрепление, ограду». *Воръ-сколь* могло означать «пограничное укрепление сколотов» (См. его: Геродотова Скифия. М., 1979).

Остается наиболее перспективной незавершенная попытка А. Л. Погодина, приводимая в «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонова (М., 1966), объяснить в гидрониме *Ворскла* только первую часть его путем сравнения с осетинским прилагательным *ворс* «белый». Развивая основную идею А. Л. Погодина, украинский топонимист А. С. Стрижак обратил особое внимание на обозначение белого цвета во многих топонимах этих мест: «Ср. еще в бассейне Ворсклы села *Білики*, *Більск*, *Білки*, река и город *Охтирка* (<*Ахтирка*< **Ахтырка* от тюрк. *ак* «белый», *Ахтуба*, тат. *Актыбе* «Белые холмы» и др.) возле озера *Бѣлого*; *Ворскла*

берет начало на территории, что тяготеет к *Белгороду*, название которого отражает белую (меловую) подпочву, на которой построен город» (Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963). Гипотеза А. Л. Погодина сама по себе и в более широкой интерпретации А. С. Стрыжака получила хождение в популярных изданиях.

Эти интересные соображения нуждаются в некотором уточнении по языковой принадлежности материала и по линии их семантической интерпретации.

Что касается первой части названия *Ворскла*, то ее иранское происхождение и связь с прилагательным со значением «белый» (др.-перс. *auiša*, осетинск. иранск. *урс*, дигорск. *орс*, *ўорс*) несомненны, только указывает она не на физико-географическое своеобразие реки, а на именуемый прилагательным со значением «белый» этнос (народ), который проживал в районе Поворсклья. Дело в том, что иранское прилагательное употреблялось в качестве названия народа *аорсы*, жившего в Северном Прикаспии на рубеже нашей эры и вошедшего во II в. н. э. в состав сарматских племен во главе с аланами. Это же прилагательное входило в состав другого этнического названия *аланорсы*, буквально значившего «белые аланы». Этноним *аорсы* уже в форме *орсийя* продолжал жить в Восточной Европе вплоть до XIV века, правда, относясь уже к кыпчакам — тюркоязычным потомкам половцев.

Вторая часть гидронима *Ворскла* имеет характер бродячего слова, широко представленного во многих языках Северной Евразии: корейском, маньчжурском, солонском, монгольском, калмыцком, а также в тюркских языках, где слово представлено уже с древнетюркской эпохи в форме *qo!* «долина; вадн». Многие современные тюркские языки также имеют географический термин *qo!* «долина, река». Казахский язык, не имеющий, к сожалению, хороших словарей, знает географический термин *кол* в составе диалектного выражения *кол арык* (Джамбул. обл.) «арык между его ответвлениями для прохода воды» и в качестве начального элемента сложного слова *колжап* «маленький арык», при *жап* «маленький арык, подводный водный участок».

Киргизско-русский словарь К. К. Юдахина (М., 1965) указывает, что киргизскому языку слово *кол* «русло реки, речная долина» известно лишь в составе географических названий типа *Каракол*, *Нарынкол*, *Кенгкол*, а самостоятельно не употребляется: ср., однако, *колот* «лог, продолговатая впадина между двумя возвышенностями, узкая горная долина».

Слово *qo!* как наименование реки и речной долины широко

представлено во всех ветвях алтайской семьи языков (тунгусо-маньчжурские, монгольские, тюркские).

Видимо, название реки *Ворскла* следует рассматривать как данное тюрками по населявшему бассейн этой реки иранскому народу *аорсов*. *Ворскла* в этом отношении действительно представляет параллель к названию реки *Оскол* (<*ас, ос* «алан» + тюрк. *кол* «река»), значившему первоначально «асская (ясская, алапская) река» (См. об этом названии: Добродомов И. Г. Оскол.— Русская речь, 1986, № 3).

КОРОТКО О КНИГАХ

Г. Г. Мельниченко

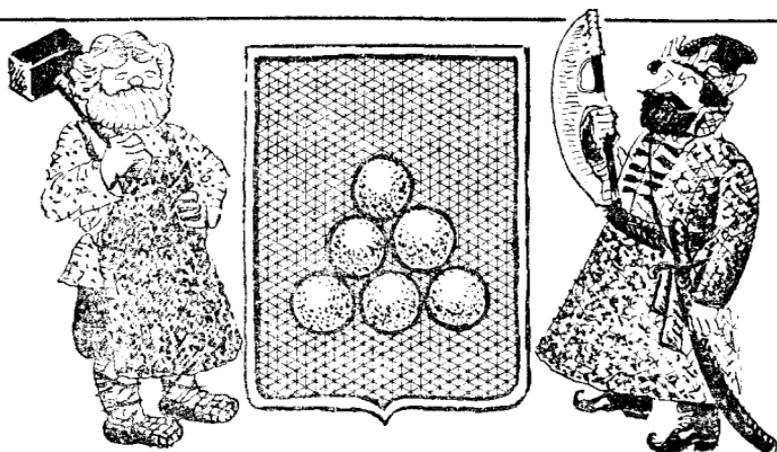
Хрестоматия по русской диалектологии

Это учебное пособие, вышедшее в 1985 году в издательство «Просвещение», предназначено не только для практических занятий, но может служить дополнительным справочником к теоретическому курсу для студентов педагогических институтов по специальности «русский язык и литература». Здесь почти с исчерывающей полнотой представлены тексты с записью русских говоров.

Хрестоматия состоит из трех разделов и приложений. Первый раздел включает тексты русских говоров европейской части РСФСР — северных, северо-восточных и центральных областей. Во втором представлены материалы русских говоров Сибири, которые вводятся в диалектологическую хрестоматию впервые. Известно, что изучение диалектов Сибири практически началось лишь в XX веке. Также впервые публикуется материал, отражающий русские говоры на территории союзных и автономных республик СССР. Он составляет третий раздел хрестоматии.

В приложении помещены образцы текстов литературного языка и говоров украинского и белорусского языков, которые будут способствовать расширению лингвистического кругозора будущих учителей русского языка.

А. И. Яценко,
кандидат филологических наук
Череповец

ПОЧЕМУ ГОРОД— ЯДРИН

В. А. Прохорова

Названия значительных географических объектов мы находим на картах, в справочниках, книгах. Над многими из них нередко задумываемся, стараемся осмыслить, невольно толкуя необычное для нас слово с позиций своей родной речи. Например, человек, владеющий русским языком, встретив в списке населенных пунктов Чувашии название Ишаки, может удивиться: за что хорошее старинное село получило «обидное» имя животного, ставшего синонимом упрямства. Возможно, что кто-то около села Устье станет искать некий водоем, который должен здесь быть, коль скоро есть *устье*.

Эти и другие, подобные им, топонимы в самом деле могли быть образованы из слов с прямым значением, то есть Ишаки — от *ишак* (но скорее — от прозвища человека), Устье — от *устья* реки, если бы названные объекты находились в районах русского заселения. В данном же случае следует искать другое объяснение.

До Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти ни один официальный документ не оформлялся по-чувашски, да и грамотных среди чувашей были единицы. Между тем уже со времени добровольного вхождения Чувашии в состав Российского государства (вторая половина XVI в.) появилась необходимость составлять самые различные

документы, в которых использовались непривычные для русских языческие имена чувашей, местные топонимы и пр. Естественно, каждому пишущему хотелось записать не просто набор букв, а что-то осмысленное. Поэтому писари, почти в абсолютном большинстве не владевшие чувашским языком, старались найти в «чужом» названии что-нибудь привычное для русского слуха и письма. Так, из некоторого случайного совпадения звуков чувашского *Ишек* превратилось в *Ишаки*, *Џулавăг* → в *Селоуси* → *Село Устье* → *Устье*, *Раккаш* — в *Рогож*, *Кавал* — в *Ковали*, *Пуканкасси* — в *Поганкино*, *Улăх Шăмар* — в *Олух-Шуматово*, а *Етёрне* стало *Ядрином*. Об этом топониме следует сказать подробнее, поскольку и дореволюционные авторы, и исследователи нашего времени уделили ему значительное внимание, выдвинув соответствующее своему пониманию толкование.

Ревнители славы родного города из желания осмыслить его название сложили красивую легенду. В пей история основания города связывалась с поистине огромным событием в жизни Русского государства — походом войск Ивана IV на Казань и присоединением к Москве Казанского ханства. Якобы здесь для русской артиллерии лили ядра для пушек, откуда, мол, и название Ядрин (Сырнев И. Н. Замечательные населенные места и местности. — В кн.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. VI. Среднее и Нижнее Поволжье. СПб., 1901). Такое объяснение названия нашло отражение и в гербе города, утвержденном в 1781 году: «треугольною пирамидою сложенные пушечные чугунные ядра в красном поле, означающие собою имя сего города» (Полное собрание законов Российской империи, изд. 4-е, т. XXI). Некоторые из современных исследователей, приняв на веру эту версию, утверждают, что будто «город Ядрин на реке Сура» получил свое название «по артиллерийскому заводу, при котором он возник», и что город «служил важным оборонительным пунктом Среднего Поволжья» (см.: Никонов В. А. Из словаря русских фамилий. — «Русская речь», 1985, № 6).

Проанализируем, в какой мере соответствуют историческим фактам подобные суждения. Известно, что с февраля 1621 по апрель 1622 года в Приказе Казанского дворца разбиралась тяжба Нижегородского Благовещенского монастыря с чувашскими крестьянами Ядринского уезда о землях и бортных угодьях «промеж речек Урги и Уронги и Мигины». Ссылаясь на «государеву грамоту», чувашаи доказывали, что «владеют они тою землею и бортми *трицать лет в годом*... А дана им та земля в то место, что на их земле поставили новый Ядрин город...». Ядринский воевода Никои Сабуров подтвердил на основании документов:

«...У черемисы у Алдеяра Агичева с товарищи *под город земля взята*, и Ядрин город поставлен на их черемиской земле, и сотник и стрельцы *пашнею устроены их же землею*» (Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. III, М., 1964). Слова «черемисы», «черемиской» не должны смущать читателя: хотя «черемисами» издавна называли марийцев, здесь речь идет не о них, а о чувашах. В русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVIII веков чуваша называются и «черемисами», и «гагорными черемисами», и «черемисскими татарами», и просто «татарами», хотя еще князь А. М. Курбский указывал, что «Черемиса горняя, а по их Чуваша зовомые, язык особливый...», что в 1552 году Иван IV возвращался из Казани в Москву «водле Волгу, зело притрутными стезями, по великим горам лежащими, на них же Чувашский язык обитает» (Курбский А. М. Сочинения.— Русская историческая библиотека, т. 31, стб. 178, 206, СПб., 1914). Как видим, князь не только уточнил имя народа, но и определил, где этот народ обитает.

Стало быть, если в 1621 году исполнился 31 год со времени выделения чувашам нового участка земли взамен той, что взяли у них под «Ядрин город», то датой основания Ядрина является 1590 год. Следовательно, связывать его строительство с событиями времени «Казанского взятия» оснований нет.

Для чего же понадобилось ставить здесь новый город, каково было его предназначение? Против кого он призван был служить «важным оборонительным пунктом»?

Нет, иноземный враг Российскому государству с этой стороны не угрожал. Ядринский уезд граничил с нижегородской землей, давно уже, за несколько веков до этих событий, ставшей «исконно русской». Как и все города, возведенные на территории Чувашии во второй половине XVI — начале XVII веков по распоряжению царского правительства, Ядрин призван был служить целям феодально-крепостнического угнетения, внеэкономического принуждения и подавления чувашских ясачных крестьян. Многие из буржуазных историков также подчеркивают эти функции городов, например: «...Правительство старалось найти такое место в уезде для главного в нем города, которое представляло бы удобства не только для фискального наблюдения над инородцами, но и по преимуществу для защиты в случае наступательного их мятежного движения против русского господства» (Фирсов Н. А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866); «Построение первых городов направлено было против беспокойных инородцев бывшего Казанского царства, в особенности против мятежных черемис...» (Иловайский Д. И.

История России. Т. III, М., 1890). Возведение новых крепостей в Поволжье имело целью «с одной стороны, держать в повиновении окрестное инородческое население, а с другой — давать опору и защиту русскому населению, приходившему сюда на новые места из центральных и северных московских областей» (Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910).

Видя в городах прежде всего опорные пункты феодально-крепостнического и национального гнета и торгово-ростовщической эксплуатации, трудовые массы во время классовых битв осаждали и громили их. Учреждение на новоприсоединенных к Российскому государству землях городов-крепостей происходило в основном в период нарастания народных движений. Как раз в 1590 году снова, уже в который раз, «возмутилось множество черемисов на Волге» (Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937). И в новом городе-крепости Ядрине разместились воевода и воинские силы — дети боярские и стрельцы.

Первыми поселенцами города, таким образом, стали военные. В грамоте царя Федора Ивановича от 5 июля 1595 года (т. е. через пять лет после построения города) воеводе И. Хохлову говорилось: «И в нынешнем же 103 (1595) году марта в 22 день... ты к нам из Ядрина... прислал... обыскной список и чертежь. И в обыском списке написано: в обыску... детей боярских, ядринских жильцов два человека, да два человека толмачей, да четыре человека посацких людей». Как видим, об «артиллерийском заводе», при котором якобы город возник, как и о людях, которые должны были бы работать на нем, царь не упоминает. А из четырех ядринских посадских хорошо, если кто-то был кузнецом.

Через 30 лет, в 1625 году, основное население города по-прежнему составляли военнотрудовые люди: детей боярских 14 человек, толмачей — 2, пушкарей и воротников — 9, служилых иноземцев (литовцев, черкесов, немцев и др.) — 14, стрелецких сотников — 2 и стрельцов — 152 человека (Книги разрядные, по официальным оных спискам. Т. I, СПб., 1853). Они, как и гарнизоны других городов Чувашского края, круглосуточно несли боевое дежурство у ворот и на стенах крепости, сопровождали сборщиков ясака, караваны судов на Волге, принуждали крестьян к выполнению повинностей, охраняли тюрьмы, участвовали в подавлении классовой борьбы трудового населения.

Таким образом, и в год основания города, и позднее в Ядрине некому было заниматься литьем ядер и производством других предметов вооружения. Местному же чувашскому населению, как и всем нерусским народам Среднего Поволжья, в целях преду-

преждения народных восстаний, было запрещено заниматься кузнечным и серебряным делом. Запрещено было и продавать им не только оружие, но и вообще металлические изделия. Наказ царя Алексея Михайловича (1649, мая 16) казанским воеводам, в подтверждение многих ранее данных наказов, обязывал воевод и дьяков «смотреть и беречи накрепко», чтобы «кузнечного и серебряного дела чуваша и черемиса не делали...», чтобы «топоры и косы, и серпы, и уклад...» покупали понемногу, «докладывая» воеводам и дьякам. Нарушение этого запрета каралось смертью. Исследователи указывают, что запрет народам Среднего Поволжья на обработку металлов продолжался вплоть до XX века (Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967).

Следовательно, связывать происхождение названия города *Ядрин* с русским *ядро* нет оснований.

Наименования многих населенных пунктов чувашей (они имеются не только в пределах современной Чувашской, но и в Татарской и Башкирской АССР, Ульяновской, Куйбышевской, Саратовской и некоторых других областях) произошли от имен их основателей, первопоселенцев, зачинателей рода (см. об этом в книгах историка Димитриева В. Д.— «Чувашские исторические предания». Чебоксары, 1986; «Чувашия в эпоху феодализма», Чебоксары, 1986). Таковы, например, названия *Ишек* (с. Ишаки), *Элэк* (с. Аликово), *Авишак Элмен* (с. Альменево), *Ярмушка* (д. Ермошкино), *Ителмес* (д. Идельмес), *Камайкас* (выселок Камая), *Ягманкас* (выселок Ятмана) и т. д. Топоним *Етёрне*, по-видимому, также происходит от личного имени. Среди более полутора тысяч дохристианских мужских личных имен чувашей, записанных В. К. Магницким в основном в Чебоксарском уезде, значатся имена за номером 9895 — *Ядарь*, *Ядерь*, 9900 — *Ядіарь* и т. д. (Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905). Так что в возможном бытовании имени, от которого мог образоваться топоним *Ядрин*, можно не сомневаться. Существует историческое предание, что часть земель, отданных под город-крепость, принадлежала богатому чувашу Ятрыю (Ядрыю). В некоторых ранних русских документах встречается именование города *Ядрыи*. В другом предании, также связанном с историей основания Ядрина, упоминается «знатный чуваш Етёрне». Однако предание — не подтверждение бесспорного исторического факта, поэтому невозможно категорически утверждать, что название города произошло именно от антропонима (личного имени). Несомненно только то, что *Ядрин* — русская передача чувашского слова. Переход слова из одной формы в другую облегчался тем обстоятельством, что чувашское произношение, в сущности, не

очень многим отпало от русского. В позиции между двумя гласными согласный звук в чувашском языке озвончается. Например: пишется *лаша* (лошадь) — читается *лажа* (почти как с русским *ж*), *Атӑл* (Волга) — *Адӑл*, *кӑпер* (мост) — *кӑбер*, *Петӑр* (Петр) — *Педер*, *Педӑр*, *Етӑрне* — *Едӑрне* и т. д. Конечное *е* в топониме стало, очевидно, восприниматься как окончание предложного падежа и в других формах отпало. Могло произойти примерно такое изменение: *Едӑрне* → *Едӑрӑн* → *Едрӑн* → *Ядрӑн* → *Ядрын* → *Ядрин*. Правомерность такой реконструкции подтверждается наличием зафиксированной формы *Ядрын*.

В виде *Етӑрне* название живет в языке низовых чувашей и в литературном чувашском языке, в основу которого, как известно, положен низовой говор, заметно отличный от говора чувашей-вирьял (верховых) даже теперь, когда литературный язык стал достоянием всего чувашского народа. В говоре верховых чувашей (носителями его и являются ядринские чуваша) топоним мог произноситься, как и теперь нередко воспроизводится в бытовой речи, в форме *Ятӑрна* (либо *Ятӑрне*), что еще более облегчало его переход в Ядрин: *Ят(д)ӑрна* → *Ядӑрӑн* → *Ядрӑн* → *Ядрын* → *Ядрин*.

Наименование возникло задолго до возведения города-крепости: в составе Чебоксарского уезда имела Ядринская волость, названная по имени чувашского селения. Крестьяне, пашни которых были отняты в связи со строительством города, поселились «в верстах двадцати пяти от города» и новое поселение назвали тем же именем. Центр Ядринского сельсовета — село Ядринно (Етӑрне) — находится в 28 километрах от значительного ныне промышленного, административного и культурного центра Чувашии — современного многонационального города Ядрин.

Чебоксары

Рисунок Н. Беланова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Объясните происхождение слова *чепуха*».

А. Г. Скавронский, Тула

Это слово в значении «вздор», «мелкие незначущие вещи и факты» производно от слова *чеп* «цеп»; ср. пример из «Краткого описания путешествия по северным морям», 1754 г.: «Льды от ветру в *чепуху* разбиваются». Ср. также слово *вздор* — первоначально «стружки, сор».

«Зимних друг ночей»

В. Н. Вакуров,
доктор филологических наук

В избушке, распевая, дева
Прядет, и зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

Пушкин. Евгений Онегин

Как предмет, имевший важное значение в повседневной жизни человека прошлого, лучина оставила заметный след в языке. Лучина — участница многих обрядов, обычаев, игр, гаданий; ей посвящены песни, пословицы, поговорки, приметы, загадки.

Ее отсутствие в крестьянском доме — горе для хозяйки:

У меня, у вдовушки, четыре кручины,
Четыре кручины да пятое горе...
Первая кручина — нет ни дров, ни лучины;
Другая кручина — нет ни хлеба, ни соли;
Третья кручина — молода овдовела;
Четвертая кручина — малых детушек много;
А пятое горе — нет хозяина в доме.

Лучину обычно щепали из березы: она горела долго, не коптила и давала ровный свет. Березовой лучиной освещала горницу героиня народной песни:

Я лучиночки щепала березовые;
Пук лучиночек зажгла,
В пову герницу зашла.

Щепали лучину и из других деревьев, например из смолистой сосны:

Запалили пук лучипицы,
Пук лучипицы сосновыя,
Заронила она искорку огневую.

Сосновая лучина сушится и щепается лучше березовой, даст при горении более широкое пламя, но зато сгорает быстрее и больше коптит. Фольклорные и диалектные источники свидетельствуют, что чаще лучину щепали из березы. Так, в иркутских говорах стройный, средней толщины березовый лес называют *лучинником*. О березе, дающей людям лучину, говорит известная загадка:

С одного дерева
Да четыре угодья:
Первое — от темной ночи свет,
Второе — некопанный колодец,
Третье — старому здоровью,
Четвертое — разбитому связю.

А четыре угодья такие: лучина, березовый сок, березовый веник (чтобы париться в бане) и береста, которой обертывали треснутую глиняную посуду.

Для укрепления лучины служил *светец* — столбик с металлическими рожками в деревянном корытце. В эти рожки, напомним, подсвечник, и вставлялась лучина. Огарки падали в корытце, наполненное водой. В романе А. Толстого «Петр Первый» читаем: «Падали со светца в воду, шипели угольки лучины».

В некоторых говорах для названия лучины использовались слова *луча́, лучёна, лучёна, луч*. *Лучом* называли также вообще

огонь в избе. В тверских говорах слово *луч* служило наименованием огня лучины на краю гумна при молотье хлеба.

В народной поэтике слово *лучина* употребляется в метафорическом значении «свет от лучины»:

В вечери, в вечери,
При ясной лучине
Прилетала голубка.

Свадебная песня

В народных песнях, пословицах, поговорках часто используются уменьшительно-ласкательные формы *лучинушка*, *лучинка*, *лучёнка*, *лучиница*.

Полено, из которого щепали лучину, называли *лучевым поленом*, *лучинницей* или *лучинником*. *Лучинником* также называлась корзина для хранения лучины. Для заготовки лучины использовали специальный нож, называемый в разных говорах *лучёбником*, *лучевиком*, *лучбеником*, *лучивником*, *лучинником*. Вместо ножа нередко применяли обломок косы.

Лучина, вставленная в светец, освещала избу. Но освещать приходилось и хозяйственные помещения. Управляться при этом с лучиной было непростым делом: «Обращение с горящей лучиной у опытной хозяйки было просто виртуозным. Держа горящую лучину в зубах, она ухитрялась нести два полных ведра через сарай и повесть, по лестнице и в хлевы. Лучина, воткнутая в стеновую щель, горела, пока она поила скотину» (Белов. Лад).

Практическое использование лучины не ограничивалось освещением избы и скотного двора. При выпечке хлебов, чтобы их верхняя корочка была румяной и хрустящей, в устье печи закигали пучок лучин, который назывался *загнеткой* (от обозначения места около устья русской печи, куда загребают жар).

Темными осенними ночами в соседние деревни ходили с горящим пучком лучин, который и освещал, и служил защитой от волков.

Кроме того, как отмечал известный фольклорист и этнограф XIX века А. Н. Афанасев в работе «Поэтические воззрения славян на природу»: «Чтобы узнать виноватого, в деревнях прибегают к следующему средству: созывают всех заподозренных и раздают им лучины одинаковой меры: чья лучина скорее сгорит, тот и виноват».

В домашнем быту лучина служила своеобразным узелком на память: «Когда корова переставала доить и переходила на сухостой, молоко для детей занимали у соседей. Количество назимованных крынок отмечали зарубками на специальной лучинке. Хозяйка, дающая взаймы, тоже иногда ставила палочки. Числа

не всегда совпадали: берущая займы для надежности и чтобы не опозориться нередко ставила добавочные, „страховочные“, зарубки...» (Белов. Лад).

В народной поэтике известно ласкательное слово *лучицы* — «солнечные лучи; сияние, блеск»:

Как светлого месяца
Часто были звездочки,
Как у красного солнышка
Золоты были лучицы,
Золоты — позолочены...

Фольклорный эпитет утренней зари — прилагательное *лучный*:

Да не лучная зорюшка просветила,
Да вострая сабелька промахнула.

1-сентября по старому стилю — Семенов день, день Симеона-летопроводца. Крестьяне говорили: *Семен лето провожает, осень встречает*. Именно с этого дня в избах начинали жечь лучину и устраивать молодежные вечеринки. У древних восточных славян существовал особый обряд, отмечающий этот день. Академик Б. А. Рыбаков в книге «Язычество древних славян» (М., 1981) пишет: «На границе Украины и Белоруссии бытовал интересный обряд, связанный с первым зажиганием света осенью (1 сентября), он назывался «женитьбой комина». «Комин» (переднюю часть русской печи.— В. В.) белили, увивали спелым хмелем, цветами. Когда зажигали лучины, то сыпали на них орехи, дынные семена, куски солонины и комья масла. В Киеве устраивали «свадьбу свечи» (этот более поздний обряд, по всей видимости, восходит к древнейшему обряду почитания лучины.— В. В.): ставили срубленное деревце, обвешанное фруктами, дынями и украшенное восковыми свечками».

Молодежные вечеринки, устраиваемые осенью и зимой, красочно назывались *дозорьками, заседками, посидушками, посиделками, беседками, досветками, вечерницами, супрядками*. Последнее слово подчеркивает, что девушки на посиделках не только развлекались, но и работали: слово *супрядки* образовано от глагола *прясть*. В 1967 году диалектологи записали в Воронежской области такой текст: «Лучину били (т. е. щепали — В. В.), одна держала, а другие пряли».

В Словаре Даля так описываются супрядки: «...род помочи для пряжи; зимнее собранье баб и девок с прялками, туда же сходятся парни, тут поют песни, играют и пляшут; обычно это пирушка, угощенье по случаю сбора пряжи; хозяйка раздает

леп, пеньку, пачеси, изгребн по гостям, девки спосят пряжу в условный день, и хозяйка угощает ужином». Интересная подробность: парни, вступившие в брак, на эти вечеринки не допускались, что подтверждает поговорка: *Женатого с посиделок веретенем гонят*.

Хотя девушки приходили на посиделки с работой (прядением, вязаньем, вышиванием и др.), собрание молодежи сопровождалось веселыми играми, песнями, шутками. Не случайно такая вечеринка называлась словом *веселая* (в повгородских говорах), а неделя посиделок — *веселой неделей*.

Посетитель такой вечеринки именовался *вечеринщиком*, *вечеровальщиком*. В Словаре русских народных говоров читаем: «В темные осенние и зимние вечера, когда остальные члены семьи легли уже спать, девица, принарядившись, сидит за какой-нибудь чистой работой и к ней заходят сидеть парни — „вечеринщики“».

...Приходило время расходиться с посиделок. И здесь «от темной ночи свет» служил свою службу: в Словаре русских народных говоров приведен такой пример: «—Зажжем лучину да с посиделок-то с лучом бегом домой» (новг.).

Лучина использовалась в играх деревенской молодежи на дозорьках. Так, в 1971 году диалектологи отметили в Свердловской области выражение *К лучинкам водить*. Такое название носит игра, являющая собой трогательное в своей непосредственности объяснение в любви: девушка берет лучину, подходит к парню, который ей нравится, и зажигает ее перед ним.

Но наиболее популярной и распространенной была игра под названием *курулка*. В эту игру играли еще в XIX веке. В книге Е. А. Авдеевой «Записки и замечания о Сибири» (1837) читаем: «Садилась все в кружок, зажигали лучинку, и потушивши, передавали ее один другому, приговаривая: *Жил, был курилка, пожки тоненьки, душа коротенька; не умри, курилка, не оставь печали, не заставь плясати*. Всякий старался скорее сбить с рук курилку, приговаривая: *жив*. У кого погасла лучинка, с того брали фант» (курулкой называли лучину, которая курилась, т. е. дымилась).

Эта игра дала жизнь фразеологизму *Жив курилка!*, который мы употребляем, когда хотим сказать, что кто-либо существует, здравствует (подробнее о фразеологизме см.: Сергеев В. Н. Жив курилка. — Русская речь, 1974, № 1).

Вот примеры из литературы XIX и XX веков: «Только одна утеха у меня и осталась: письменный стол, перо, бумага и чернила. Покуда все это под рукой, я сижу и пою: жив, жив

курилка, не умер!» (Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке); «— Ба, жив курилка! — засмеялся губернатор.— Господа, погляди-те, наша городская голова идет...» (Чехов. Мороз); «— Как видишь, жив курилка,— едва слышно сказал Гайдай и даже попытался улыбнуться.— Думал перед операцией, что конец» (Павлова. Совесть).

А. С. Пушкин в 1825 году пишет эпиграмму, направленную против критика М. Каченовского, в которой используется образ этой старинной русской игры. Эпиграмма так и называется «Жив, жив Курилка!»:

— Как! жив еще Курилка журналист?
 — Живехонек! всё так же сух и скучен,
 И груб, и глуп, и завистью размучен,
 Всё тискает в свой непотребный лист —
 И старый вздор и вздорную новинку.
 — Фу! надоел Курилка журналист!
 Как загасить вопиющую лучинку?
 Как уморить Курилку моего?
 Дай мне совет.— Да... плюнуть на него.

В современной разговорной речи слово *курилка* употребляется и вне состава фразеологизма *Жив курилка*. Оно означает «любитель курения, курильщик», «помещение, где курят», неодобр. «женщина, которая курит».

Образы жарко горящей, светло горящей, ярко горящей, тлеющей, догорающей лучины широко представлены в русской народной песне. В одной из них молодница не спит ночью, поджидает любимого. Своей печалью делится она с лучиной:

Лучина, лучинушка березовая!
 Что же ты, лучинушка, неясно горишь?
 Неясно горишь, горишь, не вспыхиваешь?
 Или ты, лучинушка, в печи не была?
 Или ты, лучинушка, не высушена?

Образ лучины используется и в шуточных детских песнях, например:

Лучина, лучина,
 Гори, гори жарко,—
 Едет Захарко:
 Сам на лошадке,
 Жена на коровке,
 Дети на телятках,
 Слуги на запятках.

Слово *лучина* дало жизнь устойчивым словосочетаниям *бить лучину* «готовить лучину для освещения» и *лучина огня* «лучина».

В значении «о том, что исчезло, пропало» употребляется поговорка *Не найти ни днем с огнем, ни вечером с лучиной*. Шутливый характер имеет поговорка *Не видал ты меня в красный день, да при лучине*.

Прилагательное *лучинный* входит в состав шутливого устойчивого словосочетания *лучинная шпага* «шпага из лучины».

Ай пошел у них да рукопашный бой...
Исполделали шпаги да все лучинные;
У них тут пошел да кровопролитный бой!

Лучина служила своеобразным барометром, помогающим предсказать погоду: *Лучина трещит и мечет искры — к ненастью; Лучина трещит, пыль с вихром по лучине — к морозу*. Известна такая примета: *Никого не бей лучиной: сухота (устар. и обл. Болезнь, ведущая к истощению организма, иссушающая тело) нападет*.

С лучиной связано гадание под Новый год: девушки ходили с обгорелыми лучинами под чужие окна и прислушивались к разговорам, по смыслу которых пытались узнать свое будущее. Это гадание называлось *Ходить с лучиной*. В 1972 году диалектологи записали в Московской области такой текст: «— Как я с лучиной ходила, мне наговорили, что скоро помру, а уж вот семьдесят живу».

Горящей лучине, вставленной в светец, посвящен целый ряд загадок: *Красненький котик по шестуку ходит: Стукнул о пек — выскочил красненький куличок; Красненькая собачка по шестуку ходит; Золотая тетерочка по жердочке бежит; Красненький кочеток по жерди ходит; Красненький кочеток по жердочке бегаёт*.

В последних загадках не случаен образ красного кочетка (петушка). В славянском фольклоре красный петух — символ огня. Древние славянские племена приносили ярко окрашенных петухов в жертву божествам огня и солнца. С этим языческим верованием связано фразеологическое словосочетание *Пустить красного петуха* «устраивать пожар, поджигать что-либо» (подробно об этом фразеологизме см.: Мокшенико В. М. Пустить красного петуха. — Русская речь, 1980, № 6).

...Мы давно уже пользуемся таким благом, как электрический свет. Лучина как источник света ушла в прошлое. Но «зимних друг ночей» как образный символ освещает теплым поэтическим огнем русские народные песни, пословицы, поговорки, загадки, обряды, обычаи.

Рисунок Ю. Панипартовой

«Балалайка-егоза, расскажи про чудеса...»

В. К. Галахов,
кандидат искусствоведения

ак поет всем известный герой кинокартины «Матрос Чижик», поставленной по рассказу К. М. Станюковича «Нянька». Откуда происходит название немудреного народного инструмента?

Впервые балалайка упоминается в «Памяти из Стрелецкого приказа в малороссийский приказ» (1688 г.). В документе

говорится о Савке Федорове и Ивашке Дмитриеве, которые ехали на телеге, пели громко песни, играли на балалайке и караульных стрельцов, стоявших у «Яуских ворот», бранили.

Такое поведение не сулило Савке и Ивашке ничего хорошего. Ведь, согласно указу Алексея Михайловича «тишайшего» «Об исправлении нравов и уничтожении суеверий» (1648), игра на музыкальных инструментах была запрещена. За ослушание виновных били батогами, ссылали на поселение.

Но, несмотря ни на какие запреты народ мастерил музыкальные инструменты, совершенствовал технику игры на них.

В конце 1714 года Петр I составил «Реэстр», согласно которому предписывалось: «Кому господам на свадьбе тайного советника Никиты Монсеевича Зотова быть в каком платье и с какими играми». В грандиозный уличный оркестр, организованный по случаю шутовского свадебного шествия приближенного Петра I князь-папы Н. Зотова, была включена балалайка. Оркестр, насчитывающий свыше ста человек, включал в себя все инструменты, бытовавшие тогда на территории России.

Хроникер русской музыкальной жизни XVIII века Якоб Штелин в 1769 году писал: «Распространеннейшим инструментом во всей русской стране является балалайка — инструмент славянского происхождения» (Музыка и балет в России XVIII века).

Много интересных сведений о балалайке хранят в себе лубоч-

ные картинки. Так, в известной лубочной картинке «В Марьиной Роще», где изображен медведь с балалайкой, коза с ложками и поводырь с барабаном, приводятся слова шутиливой песни, в которой указывается манера — «брякать в струны» и «звякать в ложки»:

Ну-тка, Миша, играй веселее.
 А ты, моя Козынька, вертись поскорее.
 Ты, Миша, с балалайкой в свои струны брякни,
 А ты, Коза, в ложки с бубенцами звякни.

В быту игра на балалайке не всегда воспринималась как серьезное занятие. Отсюда и самого музыканта, играющего на балалайке, нередко сравнивали с легкомысленным человеком, называя его *балаламутом*, *балагуром*, *болтуном*: «Балалаечка без струп; Кто играет, тот болтун».

Характерный образ народного балалаечника возникает в сцене приезда Чичикова к Собакевичу в поэме «Мертвые души». Н. В. Гоголь отмечает и факт изготовления на Руси легких двухструнных балалаек из молдаванских тыкв, так называемых *горлянок*. Эти самодельные балалайки составляли «...красу и потеху ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щеголя, и подмигивающего, и посвистывающего на белогрудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья». Заметим, что на тыквенной балалайке, внутренность которой была проклеена порошком из битого хрусталя для достижения чистого, «серебряного» звучания, играл первый балалаечник времен Екатерины II Иван Евстафьевич Хандошкин.

Одним из первых исследователей, кто заинтересовался происхождением названия инструмента, был А. С. Фаминцын, который в своей работе «Домра и сродные ей музыкальные инструменты русского народа...» (СПб., 1891) уделит балалайке особое внимание. Он считал, что «Название балалайка, иногда встречающееся в форме «балабайка», народное, вероятно данное пезатейливому инструменту, в подражание брэнчанию, «балакашню», навязанных на нем струн во время игры на них. Балакать, баякать, балабонить, балагурить на народном наречии значит болтать, говорить пустяки (как бы: пустозвонить)..., свойственные нашему народу выражения могут служить некоторым объяснением присвоения данному музыкальному инструменту соответственного легкому, брэнчливому характеру его названия балалайки или балабайки».

Работая над своей книгой, А. Фаминцын не мог не знать, что некоторые исследователи считали балалайку татарским инструментом. Известный в прошлом инструментовед Михаил Петухов в ра-

боте «Народные музыкальные инструменты музея С.-Петербургской консерватории» (СПб., 1884) по этому поводу писал: «Многие ученые... полагают, что балалайка инструмент татарского происхождения...». В статье «Балалайка», помещенной в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона и написанной на основе исследования М. Петухова, указывается, что «...балалайка изобретена самими русскими во время татарского владычества, или, но крайней мере, заимствована от татар».

Все эти сведения не могли не повлиять на гипотезу Фаминцына в отношении тюркского происхождения слова *балалайка*. В связи с этим он вынужден был вскользь упомянуть: «Прибавлю, что некоторые приписывают слову балалайка татарское происхождение. Татарского музыкального инструмента этого имени не существует, но есть у татар слово «бала», означающее «дитя», «детеныш». Оно, быть может, послужило источником происхождения вышепоименованных слов: балакать, балабонить, балагурить и проч., заключающих в себе понятие о неразумной, как-бы детской, болтовне, пустяках, дурачестве, ребячестве и т. п. (ср. также слова: баловать, баловаться, в смысле шалить, резвиться, вести себя, как дитя, и т. п.); оно же, в том же смысле, быть может, легло в основание наименования слабозвучного, брэнчливого, легкоправного, если можно так выразиться, музыкального орудия — балалайки» (Домра..., СПб., 1891).

Спустя семьдесят лет вопрос об этимологии названия инструмента *балалайка* вновь возник в работе Ф. В. Соколова «Русская народная балалайка» (М., 1962). Проводя мысль о русской принадлежности инструмента, автор все же выдвинул мнение о тюркском происхождении слова *балалайка*, тем самым усугубив мысль А. Фаминцына, высказанную вскользь. Соколов пишет: «Можно добавить к сказанному, что татарское слово «балалар» в переводе на русский язык означает «дети» (лар — признак множественного числа). Если к нему приставить типичное русское окончание «ка», то получаемое слово «балаларка» уже настолько приближается к названию «балалайка», что происхождение последнего вряд ли может вызвать какие-либо сомнения».

Однако гипотеза о перусском происхождении слова *балалайка* не убеждает. Сомнения были высказаны в свое время М. Фасмером (Этимологический словарь русского языка) и Н. М. Шанским. Последний полагает, что *балалайка* «скорее всего является собственно русским словом, родственным сущ. *балаболка...*» (Этимологический словарь русского языка. Том I, вып. 2, 1965).

Рассматривая распространенное слово *балалайка*, мы можем увидеть в нем две звукоподражательные основы: *бала* и *лайка*,

А. Преображенский, исследуя этимологию слов с корнем *бал-/бала-*, усматривал в них звукоподражательное начало с удвоением * *бал-бол-* (Этимологический словарь русского языка, т. I). *Балы* (мн. от *бал*) приводится в Толковом словаре В. И. Даля и в таком значении: «лясы, баласы, рассказы, пустой, забавный разговор, шутки, веселье, остроты, белентрясы. *Точить балы, заниматься балами... Эти балы семигодовалы*».

Слово *лайка* воспринимается в значении резкого и отрывистого звучания, вскрикивания, рывкания. Оно тоже содержит в себе звукоподражательную основу. Словарь русских народных говоров отмечает у *лайка* значение «ворчун, брюзга». Характерный для балалайки прерывистый звук мог послужить основанием тому, что звучание несовершенного в прошлом двухструнного музыкального инструмента воспринималось в народе как прерывистое ворчание, брюзжание.

Видимо, в названии русского инструмента *балалайка* следует усматривать две звукоподражательные основы, связанные с неприпущенной игрой на незатейливом музыкальном инструменте, издающем прерывистые звуки.

Орел

Рисунок Ю. Панипартовой

К. А. Чекалов,
кандидат филологических наук

В восьмом выпуске популярного у любителей книги альманаха «Папорома искусств» (М., 1986) было помещено эссе писателя Андрея Битова о грузинском кинематографисте и художнике Ревазе Габриадзе. Анализируя особенности воссоздаваемого Габриадзе художественного мира, Битов отмечает закономерность обращения грузинского мастера к искусству кукол (Габриадзе является создателем и руководителем Тбилисского театра марионеток). «В смысле творческой власти и воли марионетки давали Резо еще больше возможностей, чем театр, скажем, драматический: тут даже актера было в его власти создать самому, как небольшому, но уже демипургу — по образу и подобию».

Надо сказать, что в целом в нашей стране театры марионеток не имеют столь широкого распространения, как в Западной Европе. Попытки организации театра марионеток в первые годы Советской власти не привели к созданию постоянно действующих коллективов. Главный режиссер Центрального театра кукол С. В. Образцов, отдавая дань уважения этому виду искусства, все же пишет о сво-

ей «идиосинкразии» по отношению к марионеткам (Моя профессия. М., 1981). По мнению Образцова, марионетки неестественно перемещаются по сцене, а огромное количество заметных зрительскому глазу нитей препятствует рождению столь необходимой для театра иллюзии реальности.

Видимо, отсутствие прочной национальной традиции театра марионеток в нашей стране стало причиной недостаточно ясного смыслового наполнения самого слова *марионетка*. Так, в дореволюционных энциклопедических словарях (Брокгауз и Ефрон, Гранат) *театр марионеток* и *кукольный театр* — синонимичные словосочетания. Сходным образом определяется слово и в семпадатитомном Словаре современного русского литературного языка: «движущаяся с помощью особого приспособления кукла, заменяющая актера в театре кукол». Но еще в 1925 году известная художница и кукловод И. Я. Симонович-Ефимова предостерегала от такого расширительного толкования слова. По ее мнению, *марионеткой* следует называть лишь куклу, перемещающуюся при помощи ниток, а употребление слова «в общем смысле движущихся кукольных артистов.., не обращая внимания на причину их движения», принадлежит бытовательскому стилю речи (Симонович-Ефимова И. Я. Записки петрушечника и статьи о театре кукол, Л., 1980). Зато народные кукольщики, бродячие артисты, демонстрировавшие горожанам представления при участии Петрушки, «никогда не придают слову „марионетка“ расширенного значения». И действительно, русский Петрушка — кукла, манипулируемая другим, нежели марионетки, способом. В практике кукольного театра приняты такие термины, как *ручные (перчаточные) куклы* и *тростевые (верховые)*, причем именно последние получили в современном театре наиболее широкое распространение.

Следует отметить, что расширительное толкование слова *марионетка* во многом объясняется и воздействием французского языка, из которого оно было заимствовано (существуют, правда, версии, в соответствии с которыми *марионетка* произошло от названия венецианских средневековых празднеств «День Марионе» или же от имени некоего итальянского кукловода Мариони; их следует признать ошибочными). Этимология слова *марионетка* убедительно раскрывается в работе русского филолога, тонкого знатока западноевропейской литературы Алексея Николаевича Веселовского «Старинный театр в Европе» (М., 1870); современные лексикографы, и в том числе французские, солидаризируются с его выкладками. А. Н. Веселовский обращается к истокам кукольного представления как вида зрелища и указывает на его связь с религиозным культом. Так, в средние века во многих католических странах исполне-

ние рождественского и пасхального обрядов надолго закрепились за марионетками. Ими разыгрывались различные пьесы на сюжеты из Ветхого и Нового Заветов (сотворение мира, всемирный потоп, притча о блудном сыне). Одним из первых персонажей кукольных спектаклей была и дева Марья (по-французски Marie, или с уменьшительными суффиксами — Marion, Marionnette). По имени этой куклы и были названы марионетки. Впоследствии кукольное представление утратило духовный характер, в церкви прочно утвердились мистериальные действия, а слово *марионетка* укрепилось как во французском языке (первая фиксация его относится к XVI веку), так и во многих других европейских языках. При этом для французов *marionnette* — «маленькая деревянная или картонная фигурка, ...манипулируемая спрятанным за занавесом человеком при помощи рук или нитей...» (Lexis. Larousse de la langue française. P., 1979).

Русский язык усваивает интересующее нас слово в конце XVIII века. Первая его фиксация датируется 1767 годом (форма *марионета*) или даже 1761 (еще более приближенное к произношению на языке оригинала написание *марионет*) [Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972]. Форма *марионетта* (с двумя *т*) засвидетельствована в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (Т. 2, СПб., 1804). Н. Яновский определяет слово почти так же, как и современные французские лексикографы, и добавляет: «Искусство художника сделать движимыми неодушевленные фигуры есть побуждение к любопытству видеть игру Марионетт». Как видим, автор «Словотолкователя» опять-таки толкует слово расширительно. В дальнейшем слово приобрело суффикс *к*, характерный для многих производных от французской основы женского рода (*пипетка, брюнетка, рулетка*), а также стало более специализированным по смыслу.

Возникло и производное от *марионетка* прилагательное *марионеточный* (в то же время от *марионет(т)а* произошла форма *марионетный*). В книге А. Н. Веселовского встречается форма с суффиксом *-и*: «Изображение подобного марионетного стола сохранилось в немецкой рукописи XVIII века...». В современном русском языке используется форма с суффиксом *-очи*: «В те времена в Европе было полно коммерческих марионеточных балаганов дурного вкуса» (Сперанский Е. Повесть о странном жанре. М., 1971). От прилагательного, в свою очередь, было образовано слово *марионеточник* «владелец, артист театра марионеток». Еще одно производное от *марионетка* слово использовали в начале века писатели символистской ориентации, стремившиеся выразить с помощью куколь-

ного театра вечные свойства человеческой природы. «Марионетизирование сцены при посредстве театра марионеток — или театра картонных кукол — последняя злоба дня», — писал в 1907 году московский журнал «Театр» (Цит. по изд.: Н. И. Смирнова. Советский театр кукол. М., 1963). Для Андрея Белого и других вдохновителей нового театра марионеток, созданного в 1916 году, слово *марионетизирование* понималось как перенесение на сцену декадентских умонастроений (фатализм, бессилие человека, подобно кукле, в руках всемогущей Судьбы).

Между тем уже в литературе XIX века можно встретить примеры употребления слова *марионетка* в переносном смысле, по отношению к человеку, всецело зависимому от чьей-либо воли, не принадлежащему себе. Так, Д. И. Писарев в статье «Женские тиши в романах и повестях Тургенева и Гончарова» следующим образом формулирует свое критическое отношение к образу Штольца в романе «Обломов»: «Я вижу в нем довольно искусно выточенную марионетку,двигающуюся взад и вперед по произволу выточившего ее мастера». В этом же значении, причем главным образом применительно к героям произведений искусства, слово активно употребляется и в наши дни.

Однако чаще всего слова *марионетка*, *марионеточный* используются сегодня в политической литературе и периодической печати. По поводу этого, переносного значения интересующего нас слова С. В. Образцов пишет следующее: «...политические карикатуры на тиранов, дергающих своих подчиненных за нити власти, использовались многими художниками и прошлого и нашего времени, да и в газетах мы часто встречаем такие определения, как „марионеточное правительство“ или „марионеточное государство“» (Моя профессия). При этом интересно отметить, что еще в третьем издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (1953 г.) *марионетка* в переносном значении характеризовалось как «разговорное, презрительное». В настоящее время указанные пометы отсутствуют, слово стало нейтральным.

Рисунок Н. Беланова

Разбить наголову

Л. И. Козырев

современном русском языке употребляется выражение *разбить наголову* «разгромить окончательно (армию, войска противника и т. п.)». Считается, что оно представляет собой кальку с немецкого. Например, в Кратком этимологическом словаре русской фразеологии (Русский язык в школе, 1979, № 6) читаем: «*Разбить наголову*... С XIX в. калька с нем. *aufs Haupt schlagen* (предлог *auf* был переведен предлогом *на*, сущ. *Haupt* — сущ. *голова* в вып. пад.— *голову* и глагол *schlagen* — глаголом *разбить*)».

С этими утверждениями трудно согласиться.

Оборот *разбить наголову* фиксируется в XVIII веке. Так, в «Записках А. Болотова» читаем: «Наша армия имела дело с самим королем и что будто им *разбита на-голову*, так что число одних побитых у нас простиралось до 20 тыс. человек».

Данные памятников письменности восточнославянских языков свидетельствуют, что прототип данного фразеологизма бытует с XVI века.

В русских источниках XVI—XVII веков находим оборот *побить на голову*: «и казанских людей *побили* воеводы великого князя всех *на голову*» (Львовская летопись. XVI в.); «и людей ево всех *побил наголову* что цесарев воевода одва сам ушел» (Вести-

Куранты. 1626 г.); «всех тех воров *побиша на голову*, разве трех человек взяша живых» (Новый летописец. XVII в.). Данный фразеологизм употреблялся весьма часто. Так, в сравнительно небольшом по объему «Новом летописце» начала XVII века он встречается семнадцать раз.

Названный оборот отмечается и в текстах XVIII века: «Казань... Белую Церковь взяли и гетмана корунного Синяевского *на голову побили*» (Письма и бумаги Петра Великого); «Один из наших главных генералов, а именно князь Александр Михайлович Голицын, ушед с баталии, прискакал без души к сему корпусу и уверил оный, что армия наша вся *побита на-голову*, и что нет ей никакого спасенья» (Записки А. Болотова). В «Записках А. Болотова» находим лексический вариант *поразить на-голову*: «К вичему несчастю, обстоятельство не допустило корпус сей и на другой день подоспеть к главной армии, в которой годился бы он очень кстати и мог бы ослабленного короля *поразить на-голову*».

В XIX веке *побить* в интересующем нас выражении почти вытесняется глаголом *разбить* (см.: Словарь В. И. Даля; М. И. Михельсон. Русская мысль и речь): «Немцы были *разбиты на-голову*: высокопарные рыцари униженно шли пешком за конем победителя, когда он въезжал в Псков» (А. Трачевский. Русская история); «Лишь обед начался, за второй сменой блюд весть пришла, что неприятель бежит, *наголову разбит*; татары от города, как птицы от холода, в страхе летели, шатры опустели» (Афанасьев А. Н. Народные русские сказки). Глагольный компонент с приставкой *по-* у фразеологизма в XIX веке все же встречается в Словаре 1847 года (*Побить на голову* о войске: зн. разбить совершенно; побить весьма многих), а также в литературе: «Последнее известие привело нас в великое смущение; ибо весьма легко расчесть можно было, что мы успеем быть *побиты наголову*, пока подоспеет вспомогательное воинство» (Нарежный. Бурсак).

Обратимся к данным других восточнославянских языков. В старобелорусском языке, начиная с XVI века, употребляются фразеологизмы *побити на голову*, *поразили на голову*: «а потом брата князя великого Московского с пятнадесятьми тысячей людей *на голову поразил*» (Акты Западной Руси. 1507 г.); «и *побил мужей* полочан *на голову* и город их *жжог*» (Летопись по списку Рачинских. 1580 г.). В староукраинском языке сочетание *на голову* «полностью, целиком, всех до одного, поголовно» сочеталось с большим кругом глаголов, в том числе и не имеющих «военного значения»: *вибити*, *добити*, *мерти*, *выслати*, *поразили*, *спихати* (Историчний словник українського языка. Под ред. Е. Тимченко).

Фиксируется подобный фразеологизм и в западославянских

языках: *robić* (*pogromić, rozbić*) *na głowę* (польский), *porazit* *na hlavu* (чешский), *porazit* *na hlavu* (словацкий).

Затруднительно реконструировать первичную внутреннюю форму описываемого фразеологизма. Глагольный компонент его *побити* в древнерусском языке имел значение «убить», «разбить», «победить» (Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка). Как видим, данный глагол со значением «разбить» вполне мог быть использован для образования интересующего нас выражения. Действительно, мы находим его употребление для выражения тождественного значения без сочетания *на голову*: «искович всех *побили*» (Псковская летопись); «пригнали их на гору и *побиша*, токмо трем мужем живот даща» (Девгениево деяние). Глагол же *разбити/розбити* не имел значения «разгромить, победить войско» (И. И. Срезневский. Материалы...). Фразеологизм *побити на голову* означал «избить во множестве, до последнего человека». Правда, несколько странно употребление предлога *на* вместо ожидаемого *до*. В говорах подобное употребление предлога *на* иногда находим: «Разденусь на одну рубашку (т. е. разденусь до рубашки)» (Словарь русских народных говоров). Однако путь возникновения сочетания *на голову* «поголовно» был, на наш взгляд, иным.

В русском литературном языке XVIII—XIX веков отмечается устойчивое словосочетание *с головы на голову* «поголовно». Так, в повести начала XVIII века «Гистория о Ярополе цесаревиче» оно отмечается три раза: «салтан убоися и послал во все свои грады указы, дабы собирали войско *с головы на голову* противу Яропола»; «А как Яропол отступил от града, царь турецки еще послал указы, чтоб брали силу, *з головы на голову* — еще хочет дать баталию»; «И опыа янычары рады бысть и сказа сущую правду, — понеже люди все плохие и не ученые и взяты в скорости *з головы на голову*». В «Недоросле» Д. Фонвизина находим: «Г- жа П р о с т а к о в а. Извольте насмехаться, а я теперь же всех *с головы на голову*...» (высеку). Широко представлено данное выражение в словарях, литературных и диалектных: *с головы на голову* «всех без изъятия» (Словарь Академии Российской 1789...); *с головы-на-голову* «поголовно» (Словарь В. И. Даля); *с головы на голову* «поголовно» (Словарь русских народных говоров); *с головы на голову* «все без исключения, все поголовно» [Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)].

В русских говорах фиксируется наречие *наголову* «без исключений, поголовно», «целиком, полностью»: «Всех *наголову* забрали в город, никого не оставили; *наголову* погорели» (Словарь русских народных говоров). В белорусских говорах находим: «*на голову*, в знач. нар. 1) Наголо. *На голову* обокрали. *На голову* усё погоре-

ло. 2) Всех до одного, поголовно. *На голову* выгнали на згон. *На голову* усих вырезали» (Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870).

Таким образом, с учетом всего вышесказанного, реконструируется выражение *побити с головы на голову*. И действительно, в памятнике середины XVII века такое употребление мы находим: «Он слышал... ходили де крымские и турецкие люди в Литву восемьдесят тысяч, и их де *побили* шестьдесят тысяч *с головы на голову*, а ушло де только двадцать тысяч» (Международные сношения Грузии с иноземными странами. 1650—1652 гг. Тифлис, 1926).

Подведем итоги. Фразеологизм *разбить наголову* «разгромить окончательно (армию, войска противника и т. п.)» имеет многовековую историю. Ранее XVI века у восточных славян бытовало предложное сочетание (наречие) *на голову* «всех до одного, поголовно», которое развилось из фразеологизма *с головы на голову*, известного, по-видимому, уже древнерусскому языку. Мотивированность последнего прозрачна, близка к начальному наглядно-чувственному образу: действие охватывает поочередно все объекты без исключения. В русском литературном языке фразеологизм *с головы на голову* употреблялся вплоть до XX века, что «оживляло» значение сочетания *на голову*, тормозило полное затемнение его смысла. В некоторых русских говорах указанное выражение употребляется и до сих пор.

Фразеологизм *с головы на голову* в первый период своего образования употреблялся, по-видимому, с широким кругом глаголов. Широкую сочетаемость наречия *наголову* мы находим в староукраинском языке, некоторых русских и белорусских говорах. В русском языке оно сочеталось главным образом с глаголом *побить*, который в XVIII веке стал вытесняться глаголом *разбить*. Видимо, мена глагольных компонентов происходила в результате сужения семантики глагола *побить* и расширения значения глагола *разбить*. Что же касается древнерусского языка, то в нем, видимо, существовало выражение *побити с головы на голову*, из которого и развился интересующий нас фразеологизм. Указанное выражение единично отмечается в русском языке XVII века, еще раз свидетельствуя о производности наречия *наголову* в этом фразеологизме.

Минск

Рисунок В. Леонова

"КИЕВСКИЙ МЕЩАНИН"

В. Я. Звенияцковский,
кандидат филологических наук

«Киевский мещанин» — одно из ключевых выражений, используемых А. П. Чеховым в пьесе «Чайка». Это — социальная характеристика, данная автором одному из действующих лиц — Константину Треплеву. «Кто я? Что я? — скажет в первом действии Треплев. — Вышел из третьего курса университета по обстоятельствам, как говорится, от редакции не зависящим, никаких талантов, денег ни гроша, а по паспорту я — киевский мещанин.

Мой отец ведь киевский мещанин, хотя тоже был известным актером».

Однако в устах Аркадиной это выражение, брошенное в числе других упреков сыну, Константину Треплеву, звучит оскорбительно: «Киевский мещанин! Приживал!.. Оборвыш!.. Ничтожество!» В таком словесном окружении, казалось бы, вполне официальное выражение приобретает явно негативную окраску. Стало быть, слово *мещанин* и стоящее перед ним определение *киевский* — по случайное сочетание и имеет некоторое значение для понимания образа Треплева.

Отец Треплева — киевский мещанин, и «тень» его — это тень не высокого, а низкого происхождения. Зато мать — помещица, дворянка. В Словаре Брокгауза и Ефрона (соответствующий том вышел всего через год после премьеры «Чайки») так и сказано: «Мещанское состояние сообщается рождением, браком, если жена не имеет прав высшего состояния». Аркадина — имеет. Вопреки В. И. Далю (см. толкование слова *мещанин* в его словаре), она хоть и была «женой мещанина», по так и не стала «мещанкой» в юридическом значении (а какое-либо иное значение слова *мещане* указанные словари не дают).

Вдобавок по современному Треплеву законодательству *киевский* мещанин стоял ниже петербургского, московского или одесского, ибо эти трое в их местных делах юридически во многом уравнены с более высоким сословием — купцами: «В обеих столицах и Одессе, — сообщает Словарь Брокгауза и Ефрона, — мещане имеют ту же общественную организацию, что и купцы...». Если же Треплеву с его «проклятым самолюбием» захотелось бы стать по паспорту, скажем, московским мещанином, то ему, по словам того

же Брокгауза и Ефрона, пришлось бы делать это «не иначе, как по приемному договору мещанского общества; при этом лица, уже принадлежащие к какому-либо крестьянскому или мещанскому обществу, должны представить и увольнительный приговор от прежнего своего общества». Ясно, что нормальные люди заниматься всей этой бюрократией не могли и не хотели — на практике все выглядело примерно так, как описывал в своих мемуарах беллетрист Ясинский: его жена в силу обстоятельств осталась вообще без паспорта и «должна была принисаться к мещанскому обществу (кстати, в Киеве.— В. З.), что было сделано, впрочем, не скоро, и за взятку» (Ясинский Иер. Роман моей жизни. М.— Л., 1926, с. 224).

Трудно сказать, разбирался ли сам Чехов в бюрократических тонкостях этого вопроса, не говоря уж о массовом читателе и зрителе той эпохи. Что скрывалось для них за выражением «киевский мещанин»? Как его понимали зрители не судебных процессов, а театральных спектаклей; читатели не юридических справочников, а повестей, романов, пьес?

Об этом можно составить определенное представление хотя бы по произведениям непосредственных предшественников Чехова в литературе — того же Ясинского («Киевские рассказы»), но в особенности Лескова, любимого писателя Чехова. В начале 80-х годов издается новый журнал «Киевская старина», в пятом (от начала издания) его томе публикуются специально для него написанные «Печерские антики» Лескова. В то же самое время Чехов лично знакомится с Лесковым. Весной 1883 года он мог прочитать в «Печерских антиках», а осенью того же года услышать от их автора такое (или подобное) замечание о современном Киеве: «О „чувствах высокого и прекрасного“ и о многом другом, о чем теперь совсем и не слышать речей в садах нынешнего Киева. Теперь, когда доводится бывать там, все чаще слышишь только что-то о банках и о том, кого на сколько надо ценить на деньги. Любопытно подумать, как это настроение отразится на нравах подрастающего поколения, когда настанет его время действовать...» В Киеве прошла молодость Лескова, и это даст ему некоторое право противопоставлять «нынешний», «банковский», «европеизиршийся», «омещанившийся» Киев — Киеву своей юности, в садах которого «у нас был свой лицей...»

Это — одна сторона специфически киевского мещанства. Другую в том же 1883 году отметил 23-летний Чехов в помещенной в «Осколках» юмореске «Обер-верхи»: «Нам пишут, что на днях один из сотрудников „Киевлянина“, лекий Т., начитавшись московских газет, в припадке сомнения сделал у самого себя обыск. Не найдши ничего предосудительного, он все-таки сводил себя в квартал».

По сути это меткая и смелая характеристика той атмосферы разгула реакции и всеобщей подозрительности, в какой жила вся Россия после убийства Александра II в 1881 году. Но не случайно московский юморист Антоша Чехонте именно в Киеве обнаружил пример журналиста «святее папы римского» — «верх благонамеренности». Реакционно-охранительная, впоследствии черносопная газета «Киевлянин» — типичный образчик мещанства в печати — даже на общем мрачном фоне заметно выделялась своей ненавистью ко всему передовому, демократическому в жизни, по-

литике, искусстве, как и постоянно нагнетаемой истерией страха.

«Киевлянин» выходил с подзаголовком: «Литературная и политическая газета Юго-Западного края». С этим традиционно более развитым в хозяйственном и промышленном отношении краем издревле связан и неуклонный рост ремесел, торговли, городов, и само происхождение слова *мещанин*, которое, как показал Ю. А. Бельчиков, вошло в словарный состав русского языка из языка юго-западной и западной Руси (ср. укр. *міщанин* и *місто* — город). Природные и ряд исторических условий юго-западного края обеспечивали проникновение капиталистических элементов в экономику, социальные отношения и психологию еще до 1861 года, что и способствовало тем ошеломляющим и необратимым переменам в период реформ 60—70-х годов, которые отметил Лесков в «Печерских антиках». А духовная культура в своем развитии отставала здесь от материальной еще и потому, что для русской культуры XIX века это была все же периферия, а национальную украинскую искусственно сдерживали предписания и циркуляры шовинистического цар-

ского правительства. Так что обе отмеченные в русской литературе 80-х годов особенности киевского мещанства — воинствующее невежественного и в то же время «практического», бесправного и в то же время не желающего перемен — идут в конце концов из одного и того же экономического и социально-психологического корня.

Разумеется, с этим сословием Треплеву не хотелось бы иметь ничего общего, но ему не повезло с отцом — и вот теперь любой, даже родная мать, может больно уколоть его самолюбие, причислив не просто к мещанам, но к тем самым киевским, которые издают и читают «Киевлянина».

И все же социальное самочувствие героя, проявляющееся хотя бы и в виде отталкивания от социального ярлыка, который так или иначе присутствует в его сознании, не может никак не сказаться в художественно-речевой ткани пьесы такого драматурга, как Чехов. Еще современная Чехову критика, пытаясь определить своеобразие писателя, именно его «современность», выдвигала хотя и упрощенный, но не лишенный основания тезис: Чехов «мало, сравнительно, внимания уделяет... индивидуальным особенностям героя. С какими бы интимными сторонами его жизни ни знакомил нас Чехов, перед нами неизменно остается человек с известной общественностью, с резко обозначенной классовой психологией» (Войтоловский Л. Н. Социально-психологические типы в рассказах Леонида Андреева. — Правда, 1905, кн. VIII, с. 128). Можно сказать даже более определенно: именно в самых интимных сторонах отношений и психологии чеховских персонажей — любви, творчестве — усиливается их социальное самочувствие, совершенно неприпужденно и естественно в их речи начинают всплывать дотоле забытые фразы и выражения из социально-политического, публицистического словаря эпохи: *бороться за освобождение родины* — в рассказе «О любви»; *киевский мещанин, гражданин, права человека* — в «Чайке»; *штатский—военный* (Вершинин, Тузенбах), *немец—русский* (Тузенбах) — в любовных объяснениях героев «Трех сестер»; а «Душечка» вся построена на проникновении делового и публицистического речевых стилей в интимные сферы человеческих отношений. Чехов в письме Суворину от 16 июня 1892 года пишет: «Нет ничего пошлее мещанской жизни с ее грошами, харчами, нелепыми разговорами и никому ненужной условной добротелью».

Нередко, однако, встречаются у Чехова и вполне традиционные представления о «мещанском счастье» — в духе Помяловского и других шестидесятников, которые нередко противопоставляли мещанина, плебей представителям крепостнических и либераль-

по-дворянских слоев...» (Ямпольский И. Г. Н. Г. Помяловский. Личность и творчество. М.—Л., 1968).

Чеховский герой — это прежде всего человек, который хочет быть не тем, чем является на самом деле. В этом есть что-то от архитектуры чеховской эпохи, так называемого «русского модерна», где каждое здание «притворяется» то готическим замком, то древнерусским теремом, а то и мавританской мечетью. Таков старый Киев, выстроенный именно в эту эпоху...

Киевский мещанин Треплев хочет быть «выше» быта, хочет писать «мировые» драмы. Признанный писатель Тригорин вообще ничего писать не хочет: «Если бы я жил... у озера, то разве я стал бы писать? Я... только и делал бы, что удил рыбу».

Впрочем, подобная усталость и предпочтение стиля жизни мещанина — характерная и притом давняя черта самого этого литературного быта. В 1831 году Пушкин писал Плетневу: «Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь — как тетки хотят... То ли дело в Петербурге! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Том 10, М., 1958). В чеховские же времена «мещанский» стиль жизни литератора все более связывается с Москвой или провинцией, литературно-светский — с Петербургом. Так, Ясинский — Чехову в 1894 году: «Я, конечно, предпочитаю Москву, она мне милее Петербурга своею провинциальностью». Чехов — Леонтьеву-Щеглову в 1888 году: «Отчего мы с Вами не живем в Киеве, Одессе, в деревне, а непременно в столице? Добро бы пользовались столичными прелестями, а то ведь домоседествуем, в четырех стенах сидим! Теряем мы жизнь...»

Таким образом, словосочетание *киевский мещанин* у Чехова неоднозначно — как, впрочем, и само слово *мещанин*. В этом, как и во многих подобных случаях, остается лишь пожалеть о том, что пока еще не создан словарь языка Чехова (наподобие пушкинского): его существование избавило бы чеховедение от целого ряда недоразумений и передержек, в частности от осовременивания чеховского образа мещанина. В этой связи уместно напомнить одно высказывание Горького о Чехове: «Он не говорит нового, но то, что он говорит, выходит у него потрясающе убедительно и просто... И потом, речь его всегда облачена в удивительно красивую и тоже до наивности простую форму, и эта форма еще усиливает значение речи. Как стилист, Чехов недосыгаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов» (Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 23, М., 1953).

Любому переосмыслению понятий предшествует их смещение — процесс, фиксируемый Чеховым. Не уникальна ли сама по себе речевая ситуация, при которой запись в паспорте сына становится оскорбительной руганью в устах матери? И все же, очевидно, только после премьеры горьковских «Мещан» (она состоялась в 1902 г., т. е. всего через шесть лет после премьеры «Чайки») слово утвердилось в современном собирательно-ругательном значении: «Послать Горькому телеграмму! Почему «Мещане»? Отчего он ругается?» — кричит подвыпивший интеллигентный обыватель — персонаж очерка Власа Дорошевича «В Татьянин день».

Обретая типическое значение, слово как бы теряет богатство конкретно-исторических оттенков: для нас мещанин — собирательный отрицательный образ. Но у Чехова это слово еще не настолько затвердело в функции ярлыка, чтобы за ним не просматривались четкие физиономии конкретных типов и даже не лишённые приятности лица прототипов.

Впрочем, именно узнаваемость, конкретность чеховских типов далеко не всем современникам пришлась по вкусу. И когда Н. Н. Соловцов, не испугавшись провала «Чайки» на Александринской сцене, всего через несколько недель после премьеры в Петербурге (и за два года до знаменитой премьеры в Московском Художественном театре), поставил пьесу у себя в Киеве, то один из рецензентов, киевский поэт С. Бердяев, свидетельствовал: «Я слышал в театре Соловцова раздраженные голоса среди публики по поводу несимпатичности действующих лиц в пьесе. Забавная претензия, господа! Разве „виновато зеркало, коли рожа крива“?...» (Бердяев С. Сцена и артисты. — Жизнь и искусство, 1896, 17 ноября).

Характерно, что образ Треплева привлек особое внимание киевских рецензентов. Тот же С. Бердяев подчеркивал, что «Чехову удалось ярко и рельефно изобразить в реальном образе происхождение и психологию современных декадентов», а вся его пьеса есть не что иное, как «удивительно меткий, красивый и трогательный символ современной русской молодежи» (там же).

«Чайка» — пьеса о творчестве, о любви и нелюбви, о смысле страдания и смысле жизни. Это итог размышлений, наблюдений, вслушиваний — жизни до «Чайки». В этой пьесе нет и не может быть случайных выражений, случайных слов. Случайные слова — как фальшивые ноты. Но ведь недаром сказано в одном из последних писем Чехова (Б. А. Садовскому, 28 мая 1904 г.): «в искусстве, как и в жизни, ничего случайного не бывает».

Киев

Рисунок Н. Беланова

«Прочитал недавно в газете такое выражение: „новоявленные снобы“. Что значит это слово и откуда пришло оно в русский язык?»

Н. Матченко, *Кременец*

Слово, рожденное в Англии

Этимология английского слова *snob* не ясна. В XVIII столетии оно уже существовало и имело значения: 1) сапожник; 2) невежда, простолоудин, в частности, неотесанный горожанин университетских центров. Однако английский писатель У. Теккерей вложил в это слово совершенно новый смысл, начав печатать с февраля 1846 года в журнале «Панч» очерки «Английские снобы в описании одного из них». Снобизм пронизал все слои современного писателю общества. «...Мне кажется, что все английское общество заражено проклятым предрассудком сребролюбия, — писал Теккерей о том, что ему особенно претило, — что мы низкопоклонничаем, льстим и заискиваем у одних, а других презираем и дерем перед ними нос...» (Теккерей У. М. Собр. соч.: В 12-ти тт. Т. 3, М., 1975, с. 511—512). В русский литературный язык слово *сноб* проникло со страниц произведений У. Теккерей в том смысле, какой придал ему английский создатель. Тех, кто «низкопоклонничает перед низостью», Теккерей заклеивал снобами (с. 326). Другое его определение более развернуто: «Вы, который презираете своих ближних, — сноб; вы, забывающий о друзьях в погоне за титулованными знакомыми, — тоже сноб; вы, стыдящийся своей бедности и краснеющий за свою профессию, — тоже сноб, как и те, кто хвастает своей родословной и гордится своим богатством» (с. 514).

Неполный перевод очерков о снобах появился в России в 1852 году, в 11-й и 12-й книжках «Современника». Журнальный вариант перевода был озаглавлен «Английские снобы». Такая транслитерация была связана с ошибкой переводчика (В. В. Бутузова), принявшего форму множественного числа слова «snobs» за единственное. Однако современники ошибки не отметили, и в рецензиях, обзорах периодических изданий самой разной ориентации замелькало русское слово *снобс*. В «Заметках о журналах» за ноябрь

1853 год И. И. Панаев писал: «Читатели „Современника“ имеют большее или меньшее понятие о том, что такое *снобсы*. К этому прелестному слову уже привык их слух. Оно вошло в употребление. Оно получило право гражданства в нашем языке и ныне употребляется даже поэтами...». Приблизительно в то же время, характеризуя главного героя своего романа «Тонкий человек, его приключения и наблюдения», Некрасов говорил о «заматерело *снобской* натуре» Грачова (Некрасов И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15-ти тт. Т. 8, Л., 1984, с. 404). Рецензент «Отечественных записок», анализируя рассказ А. Ф. Писемского «Фанфарон», как известно, имевший подзаголовок «Один из наших *снобсов*», не преминул вспомнить о *снобах* Теккерей. «А что касается до значения слова *снобе*, — писал А. В. Дружинин в 32-м Письме Иногороднего подписчика о русской литературе, — то его можно перевести заглавием известной басни, именно, ворона в павлиньих перьях. *Снобсы* — сказал кто-то недавно — существа, старающиеся каждый свой гривенник представить червонцем, и оттого часто лишаящиеся запаса своих скромных гривенников!» (Дружинин А. В. Собр. соч., СПб., 1865, т. 6, с. 709).

В русской публицистике раздавались и недовольные голоса. Так, обозреватель «Пантеона» упрекал редакторов «Современника»: «Это новое слово „Современник“ давно уже старается втиснуть в русскую литературу, и совершенно напрасно. Оно вовсе не нужно и совершенно лишнее...» (Пантеон, 1854, т. 17, кн. 10, отд. 4, с. 5).

Но, несмотря на протесты, слово *сноб* прижилось в языке, вошло во многие наши словари именно в том значении, которое дал ему английский писатель. Так, например, Словарь С. И. Ожегова (М., 1975) дает с пометкой «книжн.» такое толкование: 1. Человек, стремящийся слепо подражать вкусам и манерам буржуазно-аристократического «высшего общества». 2. Человек, считающий себя носителем высшей интеллектуальности и изысканных вкусов (при этом автор словаря добавляет: «цеодобр.»).

Аналогичное объяснение дает и 4-томный словарь (М., 1981—84): «1. В буржуазно-дворянском обществе: человек, тщательно соблюдающий все требования моды и правил «высшего общества» и с пренебрежением относящийся ко всему другому. 2. Человек, претендующий на изысканно-утонченный вкус, манеры, особый, исключительный круг занятий и интересов».

А вот как толкует слово *сноб* Этимологический словарь русского языка М. Фасмера (М., 1976): «человек с претензиями без достаточных на то оснований».

Пожалуй, в этом значении мы чаще всего и употребляем это слово. Оно прочно вошло в современный русский язык, став емким,

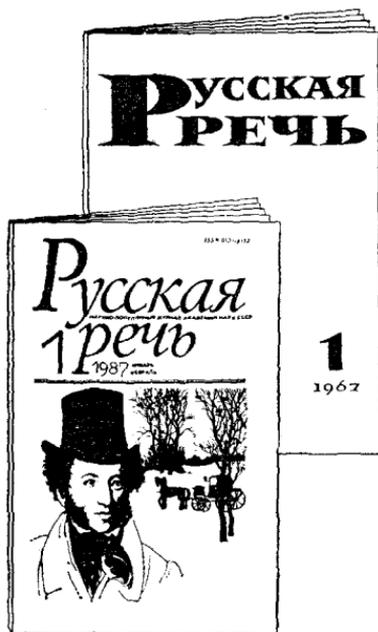
хлестким определением, которым охотно пользуются писатели и журналисты.

Нередки употребления слова *сноб* и производных от него в современной публицистической литературе. Так, В. Осипов, один из самых глубоких знатоков Британии, писал в своей книге о традиционном крикетном сезоне, ставшем частью образа жизни страны. «От этой игры, — утверждает автор, — идет в Англии деление на «джентльменов» и «игроков», деление... за которым стоит снобизм и высокомерие старых господствующих классов Британии...» (В. Осипов. Британия глазами русского. М., 1977, с. 112). В. Овчинников, рассказывая о королевских скачках в Англии — событии, зримо воплощающем суть общественных взаимосвязей «двух наций», — иронично отмечает: «За два с половиной века своего существования Эскот вряд ли больше преуспел в выведении скакунов, чем в воспитании чистопородных английских снобов» (В. Овчинников. Свет в чужом окне. Английские репортажи. М., 1980, с. 25).

Слово *сноб*, конечно же, не принадлежит исключительно публицистической лексике. В своих заметках о французской литературе Е. Евтушенко приводит запомнившееся ему замечание Н. Саррот о творчестве М. Пруста: «Подражатели Пруста, имитируя его, впадают в манию снобизма. А он никогда не был снобом...» (Лит. газета, 1981, 15 июля). Художника Васильева, главного героя романа Ю. Бондарева «Выбор», коллега саркастически называет снобом за то, что тот утомлен однообразием зарубежных поездок: «Вы либо сноб, Васильев, либо завистник». «И то и другое вместе», — сказал Васильев...» (Наш современник, 1980, № 10). Даже эти немногие примеры свидетельствуют о том, что слово, рожденное в Англии, широко бытует в современном русском языке.

С. Э. Нуралова,
кандидат филологических наук
Ереван

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

24 октября 1986 года в Иркутском государственном университете имени А. А. Жданова состоялась читательская конференция журнала «Русская речь», в которой приняли участие преподаватели, аспиранты, студенты многих вузов города.

В Научной библиотеке университета, где происходила

встреча читателей и авторов журнала с представителями редакции, была устроена выставка всех номеров «Русской речи» за 20 лет ее существования. Так что все участники обсуждения журнала имели возможность наглядно проследить путь его развития от самых первых до последних номеров. Каков этот путь, чего удалось журналу достичь, какой накоплен опыт, к чему надо стремиться и от чего избавляться — все это и явилось предметом состоявшегося делового, конкретного разговора.

Открывая читательскую конференцию, проректор ИГУ Ф. К. Шмидт подчеркнул все возрастающую роль русского языка как инструмента культурного развития, средства межнационального общения в нашей стране, как одного из мировых языков, принятых в качестве рабочих в различных международных организациях.

Становится все более очевидным, и наука это подтверждает, подчеркнул Ф. К. Шмидт, что с повышением уровня образованности советских людей,

ростом их интеллектуальных потребностей увеличивается и их интерес к проблемам русского языка, речевой культуры. В связи с этим неизмеримо возрастает роль и ответственность единственного научно-популярного академического журнала о русском языке, каким является «Русская речь». Он должен удовлетворять и развивать этот интерес, воспитывать любовь к яркому русскому слову, способствовать росту речевой культуры нашего общества.

Участники конференции в своих выступлениях отмечали, что за 20 лет у «Русской речи» сложились определенные традиции, журнал стал многограннее, освещая самые разные стороны истории и современной жизни русского языка. Раскрывая его тайны и неисчерпаемые богатства, «Русская речь» помогает тем, кто стремится расширить круг своих знаний, подняться еще на одну ступень в мастерстве владения образным, точным русским словом.

Журнал, по наблюдениям выступавших, широко используется в средней школе, в работе преподавателей и студентов филологических факультетов.

Подчеркивалась несомненная польза публикуемых в разделе «Язык художественной литературы» текстологических уточнений, которые могут быть использованы при подготовке к изданию собраний сочинений русских классиков.

Отмечена широкая география публикуемых материалов, поступающих в редакцию порой из самых отдаленных уголков нашей страны. Одобрение вызвало и нынешнее более современное оформление «Русской речи».

Обсуждая журнал как издание, отражающее проблемы русского языка, и шире — культуры народа, — все выступавшие заинтересованно и горячо высказывались и о тех явлениях, которые не могут сегодня не волновать не только лингвистов, но и все советское общество. Прежде всего речь шла о негативных сторонах языка современной молодежи, ее общении на жаргоне, оскудевающем лексиконе и т. п.

С горечью говорилось и о том, что развязность и вседозволенность, корявость и безграмотность, встречающиеся в обиходной речи, к сожалению, нередко тиражируются художественными произведениями некоторых современных писателей, которые в погоне за «правдой жизни» без разбору тащат на свои страницы весь словесный мусор. В результате получается чуть ли не замкнутый круг. Потому что прежде всего художественная литература должна нести в массы полнокровное, богатое смыслом, русское слово. Только такое слово может служить главной цели — духовному обогащению советского человека. И здесь не последнюю роль может сыграть «Русская речь», которая должна занять твердую, активную

позицию в борьбе с подобными отрицательными явлениями в языковой практике.

Очень ценно, что на данном обсуждении, наряду с одобрительными отзывами о журнале (которые, наверное, неизбежны в подобных ситуациях и большинство из них мы опускаем), было высказано немало критических замечаний и предложений, которые сводились в основном к следующему:

— в журнале нередко описательно-констатирующие статьи, не содержащие новых, оригинальных идей;

— публикации неравноценны по уровню: наряду с интересными, живыми материалами встречаются темные по смыслу; не всегда статьи написаны доступно;

— на страницах «Русской речи» редко выступают писатели с раздумьями о современном языке, культуре настоящего и прошлого и т. п.;

— у журнала есть, судя по всему, неперепробованные области: просторечие, арготизмы, молодежный жаргон. Об этих сторонах языка рассказывается мало;

— недостаточно материалов по синтаксису;

— в журнале есть рубрика «К уроку литературы», но нет — «К уроку русского языка»;

— неоправданно то, что «Русская речь» почти не поступает в розничную продажу. В киосках Союзпечати приобрести журнал невозможно;

— интересно наблюдать работу писателя над словом. Поэтому желательно видеть больше материалов, раскрывающих процесс создания произведений нетленной классики — от черновиков до окончательных вариантов;

— давать больше информации о том новом, что появляется в науке о русском языке;

— наряду с публикацией новых слов (что очень хорошо), может быть, есть смысл вспомнить и те слова, которые, устаревая, уходят из языка. А что, если какие-то из них попробовать возродить — ведь не все старое обязательно хуже нового...;

— больше внимания уделять языку прессы; нельзя мириться с бесконечными штампами, «прилипчивостью» отдельных словечек и оборотов, наводняющих страницы газет, радио- и телепередачи;

— продолжать печатать материалы по культуре речи: о правильном произношении, ударении; о речи в быту, общении, речевом этикете и т. п.;

— а также узнать мнение читателей о кроссвордах, помещаемых в журнале.

Поддерживая это пожелание иркутян, редакция «Русской речи» обращается к вам, дорогие читатели, с просьбой не только написать нам о том, как вы относитесь к нашим кроссвордам (нужны ли они, если — да, то в какой мере они отвечают вашим интересам и т. п.), но и продолжить обсуждение журнала, высказать в своих письмах ваше мнение о рубриках, материалах, сообщить нам, какие темы вы бы хотели увидеть на страницах журнала.

Все замечания и предложения, высказанные на иркутской читательской конференции, обсуждены в редакции. В соответствии с ними в планы публикаций вносятся необходимые дополнения, изменения.

Редакционная коллегия и коллектив журнала «Русская речь» выражают глубокое удовлетворение состоявшейся читательской конференцией и благодарность за ее проведение ректору ИГУ Ю. П. Козлову, проректору Ф. К. Шмидту, зав. кафедрой журналистики В. П. Владимирцеву, зав. кафедрой русского языка и общего языкознания Н. В. Баландиной, декану филологического факультета Н. Г. Бакановой.

Редакция признательна всем, кто пришел на встречу с журналом, и особенно преподавателям, аспирантам и студентам, принявшим горячее участие в его обсуждении: Л. П. Карханиной, Л. Л. Гогсен, Н. А. Троицкой, Л. А. Фоминой, Г. Г. Москальчук, А. П. Леонтьеву, М. Л. Арутюнян, Р. Х. Харташкиной, В. А. Куклиной, С. Солозову, Е. Шеметовой, Т. Фроловой. Серьезный анализ журнала, принципиальные замечания, конкретные предложения, содержащиеся в их выступлениях, послужат необходимыми ориентирами в осуществлении нашей общей заботы — заботы о русском языке.

Ш. А. Ревенская,
ответственный секретарь
журнала «Русская речь»

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Все мы ежедневно смотрим в *зеркало*. Но вот все ли знаем о происхождении этого слова? Задумалась я над ним, словари полетала, но ответа на свой вопрос не нашла».

Н. М. Кортужева, пос. Сузун, Новосибирской области

Ответ на Ваш вопрос дает Этимологический словарь русского языка М. Фасмера (М., 1967, т. II). Это слово общеславянского корня: укр.—зеркало, старославянск.—зръцало, словен.—zrkalo — зрачок. От этого корня образован диалектный глагол *зёркать* — «шнырять глазами», а также глаголы *зреть*, *зорить* (следить за кем-то не отрываясь) и другие слова: *взор*, *зоркий*, *зрение* и т. д.

Большой Картоотеке — 100 лет

Осенью 1986 года Большая картоотека Словарного отдела Института русского языка АН СССР (БКСО) отметила свой 100-летний юбилей. Основанная академиком Я. К. Гротом, Картоотека за время своего существования значительно увеличила свой лексический фонд и к настоящему моменту содержит около 8 млн. карточек-цитат. В формировании БКСО принимали участие не только выдающиеся русские лексикографы (А. А. Шахматов, С. П. Обнорский, Е. С. Истрина и др.), но и многочисленные добровольные помощники, среди них — замечательные деятели русской культуры композитор П. И. Чайковский, писатель А. Н. Островский.

На основе БКСО были составлены 17-томный «Словарь современного русского литературного языка», удостоенный в 1970 году Ленинской премии, 4-томный «Словарь русского языка» и другие фундаментальные словари. Являясь наиболее полным собранием русской лексики и фразеологии, БКСО служит надежной базой для изучения различных аспектов русского языка.

С 28 по 30 октября 1986 года в Ленинграде была проведена Всесоюзная конференция «Национальные лексикографические фонды. Проблемы формирования, систематизации и эффективности использования (К 100-летию Словарной картоотеки Института русского языка АН СССР)». В работе конференции приняло участие около 300 ученых из 20 городов Советского Союза. Было прочитано 47 докладов и сообщений, которые вызвали оживленную дискуссию. На конференции работали секции «Картоотеки современного языка» и «Картоотеки по истории языка и диалектологии».

Со вступительным словом к присутствующим обратился председатель Оргкомитета конференции, заместитель директора Института языкознания АН СССР А. И. Домашнев (Ленинград), который подчеркнул, что в настоящее время картоотеки являются незаменимой основой деятельности лексикографов. С большим интересом участники конференции прослушали доклад Р. П. Рогожниковой об истории БКСО за 100 лет.

Целью конференции явилось обобщение опыта создания и использования картоотек различного типа и назначения, путей увеличения их эффективности, а также способов наиболее объективного отражения состояния языка определенной эпохи. Участники конференции познакомились с теорией и практикой формирования и

функционирования картотек национальных языков РСФСР, Белоруссии, Украины, Эстонии, Грузии, Казахстана, Молдавии. Советские ученые-лексикографы проделали большую работу по накоплению материалов в составе различных картотек: общих (служащих для создания наиболее полных толковых словарей), языка одного автора (В. И. Ленина, М. А. Шолохова, М. О. Луэзова, Т. Г. Шевченко и др.), этимологических, диалектных (народных говоров), исторических и специальных.

С вопросами создания и функционирования картотек тесно связаны собственно лексикографические проблемы. На конференции неоднократно высказывалась мысль о том, что объективное отражение языковой действительности в словарях может быть достигнуто только в том случае, если словарь опирается в первую очередь на фундаментальную и объективную картотеку. В связи с этим выступавшие затронули следующие проблемы: объем включения в картотеки, а следовательно и в толковые словари различных разрядов лексики (разговорной, терминологической, ономастической); возможность объединения толковых и идеографических словарей, различных типов дефиниций и иллюстративного материала; ориентация на определенного читателя; целесообразность создания тезаурусов.

Большой интерес вызвали сообщения о разработках новых лексикографических изданий: Словаря современного русского языка (Ф. П. Сороколетов), Словаря языка XIX века (Ю. С. Сорокин, Л. Л. Кутина), Словаря системных соответствий чукотско-камчатского ареала (А. С. Асиновский), Комплексного учебного словаря русского языка для национальных школ (А. Н. Тихонов, Е. Я. Шмелева), Словаря языка В. И. Ленина (Е. Л. Лилеева; Т. Ф. Иванова), Словаря языка М. А. Шолохова (Л. А. Введенская, Б. Н. Проценко), Ортологического словаря (О. Л. Дмитриева), Словаря имен собственных (Е. А. Левашов) и других.

Важное место в работе конференции занимали вопросы, связанные с автоматизацией лексикографических работ. Уже сейчас ЭВМ широко используются для получения словоуказателей, конкордансов (то есть для полной обработки текста, о необходимости которой говорили еще Я. К. Грот и А. А. Шахматов). В то же время, отмечалось на конференции, вопросы автоматизации не должны ставиться абстрактно: существуют области, в которых эффективнее пользоваться хорошо отлаженными традиционными ручными методами.

Оценивая работу Всесоюзной конференции, Ф. П. Сороколетов в заключительном слове отметил ее информативность и высокий научный уровень: она не только отражает новый этап в работе отечественных лексикографов, но и способствует объединению научных сил страны.

Е. Ж. Кузнецова, С. А. Пономаренко,
Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что значит слово *ушкуй* и каково его происхождение?»

Г. А. Митрохин, Куйбышев

Слово *ушкуй* в современном русском литературном языке обозначает старинную плоскодонную ладью с парусами и веслами: «Кирилл постоял, глядя глубоко вниз, где синел Трубек, и в раздолье Оки, по которой уже текли челны, ладьи и *ушкуй*» (Бородин. Дмитрий Донской). От этого слова было образовано слово *ушкуйник*, даваемое в словарях с пометой *ист.* и означающее: «член вооруженной дружины, снаряжавшейся повгородскими боярами и купцами и в XIV в. плававшей на *ушкуйах* по Волге и Каме с целью грабежа и захвата колоний на Севере».

Слово *ушкуй* старое, оно употреблялось уже в древнерусском языке в форме *ушкуй*, *ускуи* (Новгородская летопись 1366 г., Псковская I летопись и т. д.). Источником слова *ушкуй* считаются древневепское **uskoi* «небольшая лодка», старое финское *wisko* — то же, эстонское *huisk* «перевоз».

На вопросы читателей в этом номере журнала отвечали сотрудники Института русского языка АН СССР: кандидат филологических наук Л. В. Куркина, научный сотрудник Т. В. Горячева.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рукописи, для публикации в журнале должны быть ~~преданы~~ ~~в редакцию~~ в двух экземплярах, напечатаны на машинном, через два интервала и подписаны автором.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес и телефон.

Объем статьи не должен превышать 8—10 стр. машинописи. Все цитаты должны быть тщательно выверены автором по источникам; ссылки даются в тексте, с указанием выходных данных (название, место, год издания, страница).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

Заведующая редакцией
Т. С. Колмакова
Художественный редактор
Е. Н. Сапожникова
Корректоры
В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.12.86.
Подписано к печати 09.02.87
А-03721. Формат бумаги 84×108/32.
Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.
Усл. кр.-отг. 578,8 тыс. Уч.-изд.
л. 9,9. Бум. л. 2,5. Тираж 67 000.
Заказ 3213.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6
